

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗОДА**

На правах рукописи

Сафялоева Лола Субхоновна

**Языковые и неязыковые средства репрезентации базовых эмоций
человека во французской и таджикской языковых картинах мира
(на материале художественной литературы)**

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных
стран (французский язык, таджикский язык);
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Турсунов Фаёзджон Мелибоевич

Душанбе – 2024

О Г Л А В Л Е Н И Е

В В Е Д Е Н И Е.....	3
Г Л А В А – I Теоретические предпосылки исследования эмоциональной сферы человека	12
1.1. Эмоции как объект исследования	12
1.2. Природа эмоций и их классификационные признаки.....	21
1.3. Исследование эмоций в лингвистике.....	44
1.4. Способы репрезентации эмоций в художественном тексте.....	63
1.5. Эмоциональная картина мира.....	71
Выводы по первой главе.....	73
Г Л А В А - II Языковые и неязыковые средства репрезентации базовых эмоций во французском и таджикском языках (на материале художественной литературы).....	76
2.1. Вербальные средства реализации базовых эмоций: лексико-синтаксический аспект.....	76
2.2. Эмоциональные кинемы во французском и таджикском языках.....	102
2.3. Эмотивный текст и его признаки во французском и таджикском языках.....	129
Выводы по второй главе.....	144
Заключение.....	145
Список литературы.....	152
Словари.....	174
Электронные ресурсы.....	175
Литературные источники.....	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Диссертационная работа посвящена исследованию особенностей языковой и неязыковой репрезентации базовой эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира. Выражение эмоционального состояния — одна из главных черт, отличающих художественную литературу от прочих литературных направлений. Затрагивая область нерационального восприятия, эмотивность текста нацеливается в первую очередь на то, чтобы вызвать у реципиента определенную эмоциональную реакцию, психологический резонанс, и, посредством чувственного сообщения предоставить ему более яркую, отчетливую картину рациональной стороны художественного произведения, преподнести концептуальный, идеологический, эстетический замысел автора в живой и органичной форме. Таким образом, осуществляется прагматическое воздействие на читателя, одна из основных функций категории эмотивности.

На современном этапе развития лингвистической мысли большую популярность и **актуальность** приобретают направления антропоцентрического характера, акцентирующие внимание на человеке, носителе языка, на различные сферы человеческой деятельности, на его внутренний мир и психологическое состояние. Идентификатором внутреннего состояния субъекта являются эмоции, которые пронизывают все стороны жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка. В связи с этим возрастает интерес к изучению эмоций, вербализации эмоций (лингвистика эмоций) и эмотивных концептов как репрезентантов эмоционального опыта того или иного лингвосоциума.

Степень изученности. Изучению эмотивной лексики и категории эмотивности посвящены работы многих исследователей. Так, соотношение

категорий эмотивности и эмоциональности, их специфика и отличительные особенности рассматриваются в работах В.И. Шаховского [158], В.Н. Телии [146], К. Изард [81] и др. Реализация категории эмотивности рассматривается исследователями на разных языковых уровнях: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, а также на уровне пунктуации. Различным аспектам функционирования категории эмотивной лексики в различных типах дискурса посвящены работы Л.Г. Бабенко [20], Б.И. Додонова [67], И.А. Солодиловой [139] и др.

В отечественном языкознании среди диссертационных исследований, посвященных изучению природы эмоций, следует отметить работы Мамадназаров Абдусалом [109], М.М. Хакимова [153], С.А. Файзиевой [150], Ш.Б. Рахимовой [129], З.К. Халиковой [154], З.А. Чоршанбиевой [157], М. Назировой [121] и др.

Значительный интерес представляет исследование Мамадназарова Абдусалома. В сопоставительном аспекте автором проведен анализ грамматической системы двух контактирующих языков (а именно: таджикского и английского языков) на примере грамматической категории наклонения, в частности сослагательного наклонения, чьи формы, категории и функциональные особенности определяются, соотносятся и противопоставляются с позиции коммуникативной маркированности [109].

Исследование М.М. Хакимовой посвящено табу и эвфемизмам в таджикском и английском языках. По справедливому замечанию М.М. Хакимовой явление эвфемизации наблюдается в различных сферах социальной жизни народа. У каждого эвфемизма своя история, свои черты. Эвфемизмы тесно связаны с разными элементами культуры любого народа, поэтому можно утверждать, что, эвфемизмы отражают особенности

национального менталитета, выявляя явления, стигматизированные в данной культуре [153, с. 5].

На сегодняшний день можно выявить следующие направления исследований: изучение отдельных эмотивных лексем; исследование лексико-семантических групп эмотивной лексики; изучение синонимических и антонимических отношений эмотивной лексики; рассмотрение семантических/тематических полей, охватывающих эмотивную лексику; анализ роли метафоры в семантическом представлении эмоций и др. Широкую известность приобрело рассмотрение эмоциональной лексики и роли метафоры в семантическом представлении эмоций, проводимые Ю.Д. Апресяном [11] и В.Ю. Апресян [10]. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению языкового выражения эмоций и категории эмотивности в языке, тем не менее, основные проблемы эмотиологии изучены недостаточно, а работы, посвященные особенностям языковых и неязыковых средств репрезентации эмоций в таджикском и французском языках отсутствуют.

Целью диссертационного исследования является системное сравнительно-сопоставительное описание разноуровневых языковых и неязыковых средств, репрезентирующих базовые эмоции на материале таджикского и французского языков с последующим выявлением его инвариантных и этноспецифических характеристик.

В связи с поставленной целью обозначен **следующий круг задач:**

- 1) анализировать современные трактовки терминов «языковая картина мира» и «эмоциональная языковая картина мира»;
- 2) выявить лексико-грамматические и параязыковые актуализаторы эмоций в художественном тексте;

3) определить ассоциативные связи лексических единиц с другими эмоциями, чувствами и состояниями и выявление особенностей их языковой репрезентации;

4) определить общее и специфическое в употреблении лексико-грамматических и параязыковых средств реализации базовых эмоций в системе двух языков;

5) описать семантику кинетических средств, участвующих в передаче эмоциональной информации в художественных произведениях таджикских и французских писателей;

6) определить основные факторы, способствующие широкому использованию кинетических средств в художественных произведениях таджикских и французских писателей;

7) исследовать особенности языковой и неязыковой репрезентации эмоций в художественной литературе.

Объектом исследования являются прямые и косвенные номинации эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира.

Предметом исследования выступает взаимодействие вербальных и невербальных средств репрезентации эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды известных учёных в следующих направлениях:

- современная семантика – В.Ю. Апресян [2005], Н.Д. Арутюнова [1994], Н.А. Багдасарова [2004], Е.Ю. Балашова [2004];

- психология эмоции – Кэррол Э. Изард [1999], С.Ю. Головин [2018], Е.П. Ильин [2001], П. Экман [2011];

- лингвистика эмоций – В.И. Шаховский [2012], О.Е. Филимонова [2007], С.В. Ионова [1998], Л.А. Калимуллина [2006], Е.Я. Кедрова [1980], Г.А. Копнина [2003], Ю.В. Крылов [2007], Т.В. Матвеева [1986];

- когнитивная лингвистика – А.П. Чудинов [1995], И.Н. Терентьева [2009], К.В. Шмугурова [2011], Т.А. Эмих [2005];

- лингвокультурология – Ю.Ф. Айданова [2012], Н.Н. Германова [2014], А.А. В.И. Карасик [2013], Т.А. Комова [2010], М.В. Пименова [2011], А.С. Савенко [2012], А.Н. Соболев [2013];

- прагматилистика – А.Ю. Маслова [2010], М. Томассело [2011], И.М. Магидова [1985], В.И. Лагутин, А.С. Диденко [2007], Г.Г. Матвеева [2014], Джиеова [2014], В.И. Заботкина [2012], М.А. Лаппо [2013].

Методы исследования. В диссертационном исследовании наряду с общими индуктивно-дедуктивным и сравнительно-сопоставительными методами были использованы: метод научного анализа заявленной проблематики, лексико-грамматический анализ, метод лингвистической интерпретации результатов исследования.

Материал исследования. Языковой узус, который демонстрирует стереотипы таджикского и французского сознания единиц и конструкций получен в результате тематической и статистической выборки из словарей: Фарҳанги забони тоҷикӣ / Под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошим, Н.А. Маъсуми [199]; Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова [200]; Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / Под ред. М. Фозилова [201]; Словарь

синонимов французского языка [203]; Толковый словарь французского языка [205]. Фактический материал исследования составил 4000 отдельных высказываний с семантикой базовых эмоций человека из произведений [Саттор Турсун, Сатым Улугзаде, Фазлиддина Мухаммадиева, Оноре де Бальзак, Ги де Мопассана, Ф. Саган, Р. Роллана, Э. Базена, В. Гюго, А. Дюма, Ж. Друэ]. В работе был использован синхронный подход к анализу материала.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к системному описанию межуровневых языковых и неязыковых средств концептуализации эмоционального состояния, включая установление базовой смысловой структуры лексических единиц, определение синтагматических связей номинантов исследуемых единиц, образующих синонимические парадигмы; описание специфики интерпретации эмоционального состояний во фразеологизмах, поговорках и художественном тексте на материале оригинальных и переводных текстов.

Новизна полученного результата определяется также фактической базой диссертации, которая позволила сопоставить во всех важных для метода аспектах таджикский и французский языки – с акцентом на национально-культурном своеобразии каждого из них и зависимости этой специфики от особенностей культуры, менталитета носителей языков.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эмоциональная языковая картина мира в таджикском и французском языках представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят эмоциональные представления, эмоциональные понятия. Вербализуясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование.

2. Эмоциональная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности.

3. Языковые средства репрезентации эмоций взаимодействуют с неязыковыми; при этом за языковыми средствами сохраняется ведущая роль и большая функциональная значимость при всем многообразии форм и способов их взаимодействия с мимико-жестовым речевым комплексом.

4. В контексте эмотивные лексические единицы двух языков приобретают контекстуальное значение. Расхождение проявляется при сопоставлении моделей синтаксической сочетаемости тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных эмотивных лексем таджикского и французского языков.

5. Эмоции могут находить выражение в психофизиологических признаках и в этом случае находиться за пределами паралингвизмов. При включении в коммуникативный акт в виде подчеркивающих, ритмических жестов и телодвижений эмоции могут находить выражение в паралингвизмах незнаковой подгруппы.

6. Исследование эмоций требует комплексного анализа с опорой на понятия кодов культуры и других источников культурной интерпретации. Данный анализ позволяет выявить специфику культурных предпочтений и доминант определенного языкового коллектива, особенно в сфере ассоциативных, образных интерпретаций смыслов.

7. Анализ в прагматическом аспекте необходим для адекватного представления о функционировании базовых эмоций в разных жанрах и стилях (в частности, художественном), оно обнаруживает в таджикском и

французском языках не только системные сходства, но и специфические расхождения. Фрагменты художественного текста характеризуются широким употреблением наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что на обширном фактическом материале однозначно доказана правомерность некоторых гипотез, выдвинутых учеными разных областей знаний относительно природы эмоций. В частности, подтверждается связь между эмоциями и психофизиологическим состоянием человека. Упорядочены знания о структуре семантической группы слов, связанных с эмоциями. Выявлены как этнокультурные особенности репрезентации эмоций в национальных языках, так и универсальные характеристики.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании таджикского и французского языков, при выработке стратегии и тактики разных видов межкультурной коммуникации, при написании учебных пособий лингвокультурологического характера. Результаты проведенного исследования также могут найти применение при чтении лекции по лингвистике текста, стилистике, при написании курсовых и дипломных работ.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования прошли апробацию в форме докладов и сообщений на заседаниях кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода ТМУИЯ имени Сотима Улугзода и были представлены на следующих научных конференциях:

- II Международная научно – практическая конференция «Восточная филология: Лингвистические исследования, литературные связи и переводоведение» (Душанбе, май 2023 г.);

- XII Международная научно-практическая конференция «Current issues, achievements and Prospects of science and Education» (Афины – Греция, март 2021 г.);

- XIV Международная научно-практическая конференция молодых ученых и студентов, посвящённая «Году развития села, туризма и народных ремесел» (Душанбе, март-апрель 2019-2021гг.);

- XV Международная научно-практическая конференция «Modern approaches to the Introduction of science into Practice» (Сан-Франциско – США, май 2021г.);

- I Международная научно-практическая конференция «Science, Education, Innovation: Topical Issues and Modern aspects» (Таллин – Эстония, апрель 2020 г.);

- Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы изучения и преподавания иностранных языков в условиях инновационного развития» (Душанбе, январь 2021 г.);

- Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы сравнительного языкознания европейских языков и их изучение в современных условиях» (Душанбе, май 2024 г.).

Основные положения работы нашли отражение в 4 публикациях автора в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, словарей и источников текстов.

Г Л А В А – I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Эмоции как объект исследования

Эмоции занимают ведущую позицию в коммуникативном пространстве, так как данный класс психического состояния, связанный с инстинктами, мотивами индивида, реализуется не только в устном общении, но и в различных дискурсах (политический, художественный и т.д.). Независимо от принадлежности личности к той или иной лингвокультуре, эмоции всегда будут выступать основным компонентом разума и языкового сознания носителей языка. Воспринимая окружающий мир, человек накапливает субъективный опыт, который также включает чувства, эмоции и настроения [35, с. 173]. Важную роль эмоции подчеркивали такие выдающиеся ученые, как: [К. Бюлер, Э. Сепир, Ш. Балли, С.В. Маслечкина и др.]. Согласно точке зрения С.В. Маслечкиной, эмоции способны регулировать человеческое поведение, контролируют восприятие, мышление и помогают расширить кругозор, получать новые знания, умения [110, с. 230].

Психологи рассматривают эмоцию как особую категорию психического состояния, как человека, так и животного, которая тесно связана с инстинктами. Эмоции репрезентируются в виде таких переживаний как: печаль, горе, страх или радость [202, с. 561].

Согласно позиции философов – любые человеческие реакции на внешние и внутренние раздражения являются эмоциями. Эмоции, охватывая чувствительно и переживания, оюладают яркой субъективной оценкой [206, с. 589].

Толковые словари таджикского и французского языков дают следующее определение данного понятия:

Эқсос – ба воситаи яке аз ҳисҳои панҷгона даръёфт намудани чизе, ҳис кардан, пай бурдани чизе ба воситаи бӯиш, шунид, соиш, чашиш ва ё биниш; ҳис, фаҳм [199, с. 621] – эмоция – испытывать, чувствовать, замечать что-то через обоняние, слух, вкус или зрение; чувствовать, понимать.

Trouble subit, agitation passagère causés par un sentiment vif de peur, de surprise, de joie, etc. : Parler avec émotion de quelqu'un.

Synonymes: *émoi (littéraire) - exaltation – fièvre.*

Réaction affective transitoire d'assez grande intensité, habituellement provoquée par une stimulation venue de l'environnement.

Synonymes: *commotion - ébranlement - saisissement – secousse.*

Sous l'Ancien Régime, révolte populaire non organisée et généralement de courte durée [208].

Synonyme: *fureur* – внезапное расстройство, мимолетное волнение, вызванное острым чувством страха, удивления, радости и т. д.; эмоционально поговорить с кем-то.

Синонимы: *волнение* (литературное) – *экзальтация-лихорадка.*

Переходная аффективная реакция довольно высокой интенсивности, обычно вызванная стимуляцией, исходящей из окружающей среды.

Синоним: *сотрясение.*

При старом режиме неорганизованное и, как правило, недолговечное народное восстание.

Синоним: *ярость* [205].

Таким образом, можно отметить, что эмоции являются объектом исследования разных дисциплин – психологии, физиологии, философии и.т.д. Несмотря на тот факт, что проблема исследования эмоций не является в лингвистике первостепенной, нельзя отрицать связь эмоций и лингвистики. По справедливому замечанию В.И. Шаховского, в любой лингвокультуре многие слова имеют эмоциональную составляющую [159, с. 116].

Однако следует заметить, что относительно место эмоции в языке существовали две противоречивые позиции. Согласно первой, эмоции занимают в лингвистике минимальное место [110, с.231]. Согласно второй позиции, исходя из того факта, что основная функция языка – это передача актуальной информации, рациональная обработка знаний и их трансляция, то данные процессы не могут быть сопровождаемы без учета чувств, переживаний и желаний [К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом]. Существует также точка зрения, согласно которой, исследования эмоций являются центральной функцией языка [Ш. Балли, М. Бреаль].

Французский лингвист К. Кербрат-Ореккьони, в частности, отмечает: «несмотря на то, что многие слова во многих языках обладают эмоциональной составляющей, эмоция не входит в семантическую структуру слова, а является своего рода «наростом», ассоциацией, образующей концептуальное ядро» [174, с. 45]. Однако данной точки зрения не придерживаются многие лингвисты, отмечая, что нельзя делить словарный состав языка на эмоциональный и нейтральный, так как каждое слово, будучи дискурсивным, может нести определенный эмоциональный заряд [86, с. 71; 156, с. 186].

Данной позиции придерживаются также такие лингвисты, как: [Ш. Балли, Д. Гоулман, Э. Стивенсон и др.]. Здесь нельзя не согласиться с К. Кербрат-Ореккьони, которая считала, что эмоции можно также выразить

телом, эмоции имеют субъективную окраску. Но, продолжает автор, эмоции, язык и тело – это формы демонстрации инстинкта и свойственны животным. Следовательно, рассматривать эмоции как культурный концепт языка не является целесообразным [174, с. 56]. С данной точкой зрения не согласны представители лингвокультурологической и психолингвистической школ [В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, И.А. Стернин, В.Н. Телия].

В зарубежной лингвистике ушли в далекое прошлое такие заявления, как: «эмоционально-окрашенных слов в языке нет» [162], «эмоции не являются элементом языка» [75, с. 388] и др. С момента зарождения новой лингвистической парадигмы (антропоцентризм), эмоции стали основным объектом исследования в лингвистике, как сам человеческий фактор в языке. Особого внимания заслуживает мнение Ш. Балли, утверждавшего, что всё в языке движимо эмоциями [24, с. 23]. Именно Ш. Балли провозгласил «первенство» аффективного в структуре языка.

Согласно точке зрения Ш. Балли, эмоции пронизывают все уровни языка [24, с. 124]. В результате проблема языкового и коммуникативного выражения эмоций становится центральной в лингвистической науке.

Немецкие ученые, плодотворно разработавшие проблемы текстологии, отмечали, что каждый художественный текст способен воспроизвести эмоциональную жизнь человека. При этом замечают, что эмоции в художественных произведениях прослеживаются не прямо, а опосредованно, посредством специфических языковых знаков, служащих манифестацией эмоций [179, с. 189].

В настоящее время многие лингвисты связывают эмоции с когнитивными процессами, образом мышления, а также рассматривают эмоции как основные компоненты сознания и мышления. Согласно точке зрения В.И. Шаховского, каждая эмоция обладает своей, свойственной ей

характерными знаками, образующих семиотику эмоционального восприятия [160, с. 17]. Эмоции и знания тесно взаимосвязаны: изменение знаний приводит к изменению эмоций.

Значительный интерес в современной лингвистике вызывает позиция, согласно которой «эмоционально нагруженный знак менее лингвистичен» [24, с. 45]. Данное мнение Ш. Балли оспаривает В.И. Шаховский: «Эмотивно-речевые акты, включающие эмотивные знаки, передают вершинные смыслы именно потому, что они являются лингвистическими (например, междометия, эмоциональные наречия, прилагательные-эмотивы и т.д.)» [161, с. 20]. Как отмечает В.И. Шаховский, чтобы убедиться в заявлениях Ш. Балли, нужно провести экспериментальную проверку, исходя из того факта, что выражение эмоции зависит не только от типа дискурса, но и от эмоционального состояния участников общения. С Ш. Балли, продолжает В.И. Шаховский, можно согласиться лишь в том случае, если он разделяет индивидуальное употребление языкового знака от дискурсивного использования языкового знака [Там же, 24].

Важно заметить, что Р. Якобсон также разграничивает индивидуальное употребление языкового знака и его дискурсивное употребление. При этом Р. Якобсон разделяет языковые знаки на два вида: 1) знаки, выполняющие экспрессивную функцию, например, междометия; 2) языковые знаки, выполняющие репрезентативную функцию [164, с. 67]. Согласно В.И. Шаховскому, такая классификация является условной, исходя из того, что репрезентативный знак в речевых условиях может реализовать эмоциональную функцию [159, с. 45].

Следует заметить, что заслуживает внимания точка зрения Р. Якобсона, который справедливо отмечал, что речевой акт необходим не только при описании, повествовании, посредством речи мы можем выразить свои

желания, предписания, которые невозможны без эмоциональных составляющих [164, с.67]. Тот факт, что семантическая структура слова включает не только эмоциональный компонент, но и рациональный, в настоящее время признается многими лингвистами и они соглашаются с тем, что разные виды дискурса (бытовой, художественный и др.) задаются эмоциональным выбором коммуниканта.

Также установлено, что эмоции меняются во времени – каждый возрастной период характеризуется своими эмоциональными особенностями. Как часть естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и свойственны всем культурам. Однако нормы реализации эмоций являются нестабильными и различны как в разных культурах, так и в разных эпохах. Следовательно, языковые и неязыковые средства выражения эмоций в разных культурах и эпохах различны. Так, например, в XVIII в. западная литература характеризовалась тем, что было запрещено говорить или печатать инвективы, «носовой платок» был символом «горя», «разлуки» [158, с. 118].

Было установлено, что эмоции обладают разными формами физиологической эстериоризации, например: *смех, слезы, тремор* и др.:

Tant de larmes le surprénèrent, une honte lui venait de sa rudesse; et il se tut, embarrassé, il la laissa se calmer un peu; ensuite, il recommença, d'une voix très douce: «Voyons, puisque ça vous contrarie, n'en parlons plus [242, с. 56]. – Ее слезы тронули его. Ему стало стыдно своей грубости, и он смущенно замолчал, давая ей время успокоиться, потом снова начал мягким голосом: - Ну, раз это вам так неприятно, не будем об этом говорить... Mais, Eau-douce, féroce comme il l'est dans le combat, impassible comme il le semble parmi les feuilles, – ici Pathfinder appuya légèrement un doigt sur le bras de son compagnon, – je l'ai vu verser des larmes comme une pluie [219, с. 45]. – Но,

Пресная Вода, как ни свирепо горят они в бою и как ни тускло мерцают, выглядывая из-за листьев, — тут Следопыт легонько, но выразительно коснулся пальцем рукава собеседника, — мне случалось видеть, как из них градом катились слезы. Il répétait d'une voix très douce: «Tenez, tenez, je souffre trop», et tout à coup, gagnée par cette douleur, par la contagion des larmes, elle sanglota, les nerfs affolés, les bras frémissants, prêts à s'ouvrir [229, с. 34]. — Она повторяла очень нежным голосом: «Держи, держи, я слишком страдаю и внезапно залилась слезами, она зарыдала, нервы ее были расстроены, руки дрожали, готовые раскрыться.— Bien... c'est déjà mieux, n'est-ce pas? dit Coconnas en se retournant vers La Mole, qui fit de la tête un signe affirmatif [220, с. 23]. — Вот-вот... Так-то лучше, не правда ли? — спросил Коконнас, оборачиваясь к Ла Молю, который утвердительно кивнул головой. Elle sortit de la torpeur où la plongeait la vue de la malle, toute pleine du parfum gâté de son ancien amour; et elle montra les verres aux trois hommes [242, с. 56]. — Она вышла из оцепенения, в которое ее поверг вид сундука, наполненного неприятным ароматом ее прежней любви; и она показала бокалы троим мужчинам.

Приведем примеры на материале таджикского языка:

*Вагарна чаро? Аз бозе ки ҳақиқати ҳолро фаҳмидам, ҳамин зан аҳъён-аҳъён ба хобам даромада, Фирӯзҷон, писарам, мегӯяд. Гоҳо лабонаш пир-пир парида, **гирья** мекунад. Либосаш ҳама вақт сафед...»*
Фирӯз ҳайрон шуд, ки чаро вай ба ӯ наъл дод [207]. — Почему? С того момента, как узнал истинное положение «вещей», эта женщина иногда приходит ко мне во сне: «Дорогой Фируз. — Иногда ее губы дрожат и она плачет. И постоянно в белой одежде.

Умуман порсол боз Қамчин пай мебурд, ки Хадича ба вай меҳрубон аст. Ҳар гоҳ ки дар кори калхоз бошанд, ба гаппаронию якта-нимта бадгумон дар

ханда чавоб гардонда, илоче меёфт аз Қамчин дур наафтад. Пас ба хоҳиши худи ӯ дар миёни онҳо амале ба монанди мусобиқа оғоз меёфт – ку бинед, кӣ чанд бағал алаф медаравад, кӣ чӣ қадар бел мезанад, кӣ чанд сатил ангур меканад...[207]. – Вообще, в прошлом году Камчин заметил, что Хадиджа была к нему добра. Всякий раз, когда они были на работе в колхозе, на разговоры о подозреваемом они отвечали смехом и находили способ держаться подальше от Камчина. Тогда, по его же просьбе, среди них началась акция вроде «соревнования - посмотрите, кто сколько тюков травы накосит, кто сколько сгребет, кто сколько ведер винограда наберет...

Однако, несмотря на различные средства реализации эмоций в разных лингвокультурах, ученые отмечают семантическую универсалию – лексику эмоций всех языков свойственна дихотомия оценочного знака. Эмотивная лексика с данной позиции обнаруживает во всех языках эмотивы с отрицательной коннотации, превосходящую в количественном отношении эмотивы с положительной коннотацией. Данное положение позволяет констатировать, что эмоциональная система разных лингвокультур универсальна: негативность превалирует в лексической системе языков, уступая позитивности, как в употреблении, так и в синтагматическом комбинировании (*Heureux et triste – радость и печаль*).

Et la vie me reprit, avec ses hauts, ses bas, ses changements de visage, ses liaisons finies aussitôt que commencées... et ses sautes brusques des intérieurs opulents dans la rue... comme toujours [234, с. 23]. – *И я попала в водоворот жизни с ее радостями и печалью, с этой постоянной сменой лиц, новыми знакомыми, с неожиданными вылетаниями на улицу из роскошных домов... как всегда...*

J'y veux partager vos peines et vos joies, reprit Consuelo, et je ne désire pas d'autre satisfaction que d'y être associée par votre confiance et votre amitié [241. С.156]. – *Я хочу разделить с вами ваши печали и радости, - продолжала Консуэло, - и не желаю другого удовлетворения, кроме как быть связанной с вашим доверием и дружбой.*

Сходство также проявляется в том, что в разных языковых культурах положительные эмоции реализуются более однообразно и диффузно, чем отрицательные эмоции. Отрицательные эмоции характеризуются конкретностью, многообразием и отчетливостью [158, с. 119].

Приведем примеры:

Agenouillé devant un grand Christ en carton peint, pleurant les larmes qu'il avait laissées sur ses joues, comme tant d'autres joies, le prêtre murmura: - mon Dieu, ce n'est pas vrai que tu es impitoyable [243, с. 45]. – *Стоя на коленях перед большим расписным картонным Христом, плача слезами, которые он пускал по щекам, как и многие другие радости, священник шептал: - О Боже, неправда, что ты безжалостен.*

Cette modeste épigramme redoubla sa fureur, elle trouva des larmes de dépit [217, с. 56]. – *Эта скромная насмешка удвоила ее ярость; даже слезы выступили у нее на глазах.*

Leur temple de Garizim, désigné par Moïse pour être le centre d'Israël, n'existait plus depuis le roi Hyrcan; et celui de Jérusalem les mettait dans la fureur d'un outrage et d'une injustice permanente [222, с. 23] – *Их храм в Гаризиме, названного Моисеем центром Израиля, больше не существовало со времен царя Гиркана; а храм в Иерусалиме привел их в ярость из-за постоянного возмущения и несправедливости.*

Основные теоретические подходы к изучению эмоций в лингвистике XX века в настоящее время получают дальнейшее развитие и обоснование. В фокусе внимания современной лингвистики – динамика языкового кода, его развитие, реализация скрытых возможностей; проблемы, связанные с эмоциональным своеобразием речи в различных условиях коммуникации. Современная эмотиология также исследует механизмы распознавания чужих эмоций и контролирования собственных эмоций в процессе высказывания; процессы декодирования как личностных, так и эмоциональных доминант чужих текстов, отражающих иные концептосферы и другие культуры.

1.2. Природа эмоций и их классификационные признаки

Исследования природы эмоций показали, что человек способен выражать своё эмоциональное отношение к окружающей действительности и к себе. Эмотивность свойственна любому естественному языку и каждый язык имеет свои специфические эмотивные средства выражения, которые входят в эмотивную структуру его культурно-языкового кода.

Независимо от расхождений, категория эмотивности присуща всем языкам на всех его уровнях: фонетическом, лексико-фразеологическом, морфолого-синтаксическом, стилистическом, текстовом, межтекстовом уровнях.

В работе «Эмотивный код языка и его реализации» [2003] обобщены основные результаты исследования эмоциональной сферы человека, а именно: речевая и неречевая коммуникация, опосредуемая эмоциями, которые, с одной стороны, выступают предметом значения, с другой, предметом выражения, и, наконец, являются средством эмоционального мировидения, которое находит отражение в эмотивных кодах каждого языка.

В данной работе также отмечается отсутствие проблемы противопоставления рационального и эмоционального интеллектуальному, исходя из того факта, что семантика слов, синтаксические конструкции эмоционально опосредованы. Также отмечается, что процессы функционирования слов разных частей речи в речевых актах эмоционально мотивированны.

Согласно точке зрения психологов, все уровни языка эмотивны, нет слов эмотивно нейтральных. Отсюда, любое высказывание эмотивно маркировано: эксплицитно или имплицитно, исходя из конкретной ситуации общения. Именно инегральность вербем свидетельствует о существовании эмотивного кода в языке. В процессе языкового опосредования происходит трансформация эмоциональности как психического явления в эмотивность, которая в свою очередь представляет собой языковое явление. Исходя из данного факта, когнитивная лингвистика рассматривает эмотивность не как аномалию или отклонение от языковых норм, а как природа самого языка. Без эмотивности невозможно описание языковой личности и эмотивно-дискурсивных контекстов человеческого поведения.

Несмотря на тот факт, что каждая лингвокультура в соответствии со своими национально-специфическими языковыми и культурными нормами репрезентирует эмоции, эмоциональная природа человека рассматривается когнитологией как психологическая универсалия [172, с. 223].

Когнитивная и эмотивно-речевая деятельность «Я» говорящий включает следующие аспекты: эмотивную фасцинацию языка, эмотивную интерпретацию лингвокультуры, глобализацию правил эмотивного общения и смысловую деривацию. Этим объясняется важность его эмоционального дейксиса, который эксплицируется при помощи дейктивов: интенцией, тональностью, модальностью и направленностью, варьирующие картину

мира «Я». Трансформация языковой картины мира связана с адресатом, объектом, субъектом и хронотопом. Разнообразие эмотивных смысловых валентностей языковых и речевых единиц, а также плодотворность комбинирования эмотивных смыслов в речевом акте обусловлено огромным количеством варьирующих стимулов. Следовательно, лингвистическое исследование эмоций невозможно без антропоцентрического подхода. При данном подходе эмоциональность получает ситуативно-личностное звучание.

Эмотивности свойственны две парадигмы: внутрисловная и межсловная. Принцип внутрисловной парадигмы заключается в следующем: эмотивное слово обладает либо эмотивным значением, либо эмотивной коннотацией, либо эмотивным потенциалом в каждом из данных вариантов. Однако, если эмотивное слово обладает только один из этих компонентов, то его семантическая структура должна включать либо оценочный компонент, либо экспрессивный или оба компонента одновременно. Обратное соотношение для данной парадигмы не свойственно: оценочный или экспрессивный компоненты могут и не иметь эмотивный компонент. Исходя из того, какой из компонентов в семантической структуре слова является основным, выделяют следующие эмотивные парадигмы: экспрессивно-эмотивно-оценочная, эмотивно-экспрессивно-оценочная и оценочно-эмотивно-экспрессивная. Парадигматические отношения в данной триаде строятся следующим образом:

1. Если основной компонент – оценочный, он может быть автосемантическим или сочетаться как с экспрессивным, так и эмотивным компонентами или одним из компонентов;

2. Если основной компонент – экспрессивный, то он, как и оценочный компонент – автосемантичен, может сочетаться как с эмотивным, так и оценочным элементами, либо только с оценочным;

3. Если основной компонент – эмотивный, он всегда синсемантичен, так как обязательно сочетается как с оценочным, так и с экспрессивным компонентами.

Проиллюстрируем данные положения примерами на материале таджикского и французского языков:

- *Бачам, Нозимиро аз туфайли занаш аз кор пеш кардӣ, мегӯянд рост? - пурсид аз Мавлонзода холаи Зевармоҳ. – Ҳа, хола. – Эҳа, кори нохуб кардӣ бачам, одамҳо зан сар медиҳанд, зан мегиранд, ин таомул аз як як қади дунё омадааст... Ина, худи ман ҳам аз шӯям баромада будам. О, хайр худат як фикр бикун, хӯроке, ки нафорад, ба даҳонат маза надихад, чӣ гуна мехӯрияш? Баъд, бачам, як чизи дигарро ба ҳисоб бигир, ки пои ҳеҷ зану шӯйро ба якдигар баста намондаанд.... [210, с. 62]. – Сынок, Нозим ты уволил из-за жены? – спросила у Мавлонзаде тетя Зевармах. – Да, тетя. – Некрасиво поступил. Люди женятся, разводятся, это прописная истина. Ведь я тоже развелась с мужем. Сам подумай, можно есть то, что тебе не нравится? Сынок, также запомни, нельзя держать в привязи мужа и жену... Дар остонаи тарабхона Шариф Шараф истод. – Чӣ шуд? – хавотиромез пурсид додситон. Вай ба ҷои ҷавоб ҳафт қадам пас рафта, ба навиштаҷоти тарабхона зеҳн монд. Додситон аввал эътино ба рафтори ӯ накард, аммо баъд чӣ фикре ба сараш зад, ки қафо гашта, наздаш омад. Чанде бетафовут ба ӯ нигарист, **неиҳанде** гирди лабонаш нақш баст. Ин қадар бодикқат зеҳн мондӣ, хайр аст? Ӯ эътино надода баланд хонд: - Тарабхонаи “келес” – Дар деҳа ин хел чизҳо нест. Зебо-а? Ба серӣ тамошо кун. Дар хонаи дили ӯ **аламолуд** нишаст [213, с. 30]. – Шариф Шараф остановился на пороге кафе. – Что случилось? Спросил тревожно судья. Вместо ответа он отошел на несколько шагов и стал пристально смотреть на надписи кафе. Судья вначале не обратил внимание на его поведение, но вдруг его осенила странная мысль, он подошел к нему. Равнодушно*

посмотрел на него и сказал с ухмылкой. – Странно, что ты так странно смотришь на надписи. Не обращая внимание, громко сказал: кафе “Келес”. В кишлаке нт таких мест. Наслаждайся. Ему вдруг стало горестно.

Ce vieux coquin de Porpora nous donne de toutes nouvelles bases qui traînent aux intersections! [240, с. 23]. – Этот старый плут из Порпоры дает нам совершенно новые основания, которые болтаются на перекрестках!.

Le serpent que tu es, s'écria la Corella, où tu as sucé le poison de la flatterie que ta langue et tes yeux dégagent? [241, с. 69]. – Змея, что ты, - воскликнула Ла Корилла, - где ты высосал яд лести, который источают твой язык и твои глаза?

В настоящее время в семантике одним из перспективных направлений является исследование связей лексических единиц относительно друг друга. При этом отмечается, что исследование использования лексических единиц в различных текстах может выявить разные трансформации в семантике лексических единиц, при этом отчетливо виден механизм функционирования конкретного языка в его непосредственной репрезентации при номинации разных сторон денотата, которые «выделяет» сознание коммуниканта, не входящие в семантическую структуру слова при его первичной номинации. Спецификой исследований такого рода является то, что за основу берется понетциальная сема, выступающая не только фактором динамичности, но и адаптивности лексической системы определенного языка [160, с. 134].

Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной литературы:

Elle était allongée, trop grande, souple comme un serpent, avec des rondeurs douces, une extension voluptueuse des lignes, toute la grâce d'un corps

naissant encore rempli d'enfance, déjà gonflé à la puberté [243, с. 34]. – Она лежала, слишком большая, гибкая, как змея, с мягкими округлостями, сладострастным расширением линий, всем изяществом зарождающегося тела, еще наполненного детством.

Quand j'ai ouvert les yeux, il faisait noir; Mon pauvre enfant, allongé sur moi, se tordait de sanglots au point de me briser le cœur, il ne restait que le sang de mon mari sur la route et les traces des roues de la voiture qui l'avait emmené [240, с. 167]. – Когда я открыла глаза, было темно; мое бедное дитя, лежащее на мне, корчилось от рыданий так, что разрывалось сердце, на дороге не осталось ничего, кроме крови моего мужа и следов колес машины, которая его увезла.

À ce moment-là, elle tremblait de nouveau plus fort qu'elle-même ; c'était ce qui l'effrayait: la conscience de son impuissance au milieu du silence riant de ce salon, la peur d'éclater soudainement avec des mots passionnés [243, с. 123] – В эту минуту она снова дрожала сильнее, чем Жульен; это было то, что ее пугало: сознание своей беспомощности среди смеющейся тишины этой гостиной, страх внезапно разразиться страстными словами.

В последние годы особый интерес вызывает у лингвистов семантическая структура слова. Разработаны новые методы анализа структуры слова. Если одни ученые при анализе семантики слова за основу берут аналитический метод и выводят семантические элементы, исходя из сравнения лексических единиц, другие ученые придерживаются синтетического метода, с учетом априорно установленных семантических категорий, определяющих семантическую структуру слов [48, с. 178-183].

Следует заметить, что различные методы, которые используются при анализе семантики слов, имеют общие черты: элементом лексической системы любого языка является семантика слова – не речь и не конкретная

речевая репрезентация лексической единицы. Однако как показал анализ языкового материала, при исследовании эмоции необходимо учитывать все три стороны: семантическую структуру слова, его реализацию в речи и конкретную репрезентацию, в совокупности, показывающие связь между сигнификатом и денотатом.

Анализ семантической структуры слова как языкового элемента может ограничиваться лишь отношением значения, то есть отношением означающего к сигнификату. Однако анализ семантической структуры слова в речи на первый план выступают отношения между знаком и денотатом. Данные отношения непостоянны, так как при выражении мысли один и тот же денотат может подводиться под самые различные понятия и, как результат, получить разное вербальное обозначение.

Общеизвестно, что контекст – это необходимое условие снятия языковой многозначности лексических единиц. Здесь необходимо затронуть вопрос языковой многозначности слова, представляющий собой результат взаимодействия семантики слова с разными контекстами. То есть дистрибуцией, которая способствует или препятствует репрезентации разных языковых потенций лексических единиц. Такая трактовка речевой многозначности позволяет рассматривать ее не как аномалия, которая снимается контекстом, а как лингвистический факт, входящий в систему речевой коммуникации.

Рассмотрим взаимообусловленность процесса реализации речевого значения многозначных лексических единиц с изменением их семантического потенциала и определим влияние контекста на семантическую структуру слов.

Discrètement, ses émotions sont devenues plus profondes et la peur de perdre ces plaisirs étranges lui a donné envie de les prolonger [241, с. 234]. –

Незаметно его эмоции стали глубже, и страх потерять эти странные наслаждения заставил его желать продлить их.

– Comment, vous quitteriez mon service, monsieur? dit Louis avec un mouvement qui décelait plus que de la surprise [224, с. 347]. – Как! Вы хотите оставить службу? – спросил Людовик голосом, выразившим не только удивление.

Sa surprise, sa franchise et sa confiance ont immédiatement désarmé la bonne cavalerie, qui, de toute sa vie, n'a pas pu résister à l'expression de la franchise ou de l'affection sincère [241, с. 189]. – Его удивление, его откровенность и уверенность сразу обезоружили добрую каноницу, которая за всю свою жизнь не смогла устоять перед выражением откровенности или сердечной ласки.

Moi-même, quand je voulus savoir quel si grand plaisir j'éprouvais à aller chez Mme de Montmorency, je fus un peu désappointé [233, с. 45]. – Постаравшись осознать, почему мне доставляют такое большое удовольствие поездки к герцогине де Монморанси, я тоже испытал разочарование.

Как видно из приведенных выше предложений, контексту принадлежит важная роль в формировании и выявлении различных значений слова.

Следующая парадигматика – межсловная эмотивная. Специфика данной парадигмы следующая:

1. Каждое эмотивное слово имеет неэмотивный коррелят;
2. Языковые единицы дескриптивной семантики вступают в системные связи с эмотивными единицами через синонимические ряды, антонимические ряды, лексико-семантические группы и лексико-

семантические поля. В данных полях эмотивные единицы образуют его периферию;

3. Возможно выделение лексико-семантического поля эмотивов.

Проиллюстрируем данные положения на примерах:

Le vieux finaud de Tabaret gardait la mine contrite d'un sacristain surpris à faire gras le vendredi, mais, au fond, il riait, il jubilait [223, с. 12]. – Старый **хитрец** скроил сокрушённую мину, словно пономарь, уличённый в том, что ест скоромное в пятницу, но в душе он веселился, он торжествовал.

Le petit, pourtant, lui parut drôle, tout en blanc comme une fille qui va communier, le museau rusé et gourmand [243, с.67]. – Однако мальчишка в белой, как у причастницы, одежде, с мордочкой **хитреца** и лакомки, показался ей занятным.

Sors, compère du diable, me dit un maréchal des logis aux épaisses moustaches. – Выходи, бесов кум! - сказал мне усастый вахмистр.

C'est un beau travail que tu as fait là, mon compère ! s'écria Robert ébloui [224, с. 90]. – Ты, я вижу, куманек, здорово потрудился! - восхищенно крикнул Робер.

Как мы уже отмечали, текст представляет собой результат следующих процессов: во-первых, необходимо выбрать адекватную лексическую единицу из данной парадигмы; во-вторых, учитывать связь данной лексической единицы с другими единицами. Следовательно, основным экспрессивным средством в тексте выступает речевая многозначность слова. Речевую многозначность также рассматривают как один из способов передачи «информации второго ряда», выступающей дополнительной к предметно-логической [72, с.145]. Под речевой многозначностью слова мы

понимаем совмещение в лексической единице нескольких значений одновременно в художественном тексте. Такое совмещение значений слов в художественном тексте дает возможность сказать больше, чем в обычном тексте.

Покажем на конкретных примерах речевую многозначность эмоционального слова, которая в художественном тексте выступает средством определенного эффекта.

Où que vous soyez dans une Europe civilisée, si vous êtes pauvre et sans défense, si vous avez du pouvoir ou du talent, vous êtes trompé ou maltraité par ces personnes [240, с. 89]. – *В каком бы месте цивилизованной Европы вы ни ступили, если вы бедны и беззащитны, если у вас есть какая-то сила или талант, вы подвергаетесь обману или насилию со стороны этих людей.*

J'appellerai le jardinier, et ses deux garçons et moi nous occuperons facilement de ces coquins qui n'ont pu pénétrer que par les murs; car j'ai moi-même fermé toutes les portes [241, с. 190]. – *Я позвоню садовнику, и мы с его двумя мальчиками легко разберемся с этими негодьями, которые смогли проникнуть только через стены; ведь я сам запер все двери.*

Quoi! cet homme est assez habile pour ne laisser que des indices si faibles qu'ils échappent à l'œil exercé de Gévrol, et vous voulez qu'il ait comme à plaisir préparé sa perte en disparaissant une nuit entière! [223, с.45]. – *Вы хотите, чтобы ловкач, оставивший настолько незаметные следы, что они ускользнули даже от намётанного глаза Жевроля, запросто обрёл себя на провал, исчезнув на целую ночь!*

Il était revenu scandalisé d'une représentation de Gluck: ces ingénieux Parisiens ne s'étaient-ils pas avisés de maquiller le terrible vieux! [241, с. 40]. –

Однажды он вернулся с постановки оперы Глюка возмущенный: эти ловкачи-французы ухитрились подрумянить грозного старца!

Quand je lui eus compté l'argent : «Cézanne se croit malin, me dit-il, mais il s'est foutu dedans quand il m'a fait cadeau de ça» [241, с. 208]. - Когда я отсчитал ему деньги, он сказал: — Сезанн воображает себя ловкачом, но он здорово сел в калошу, сделав мне этот подарок!

Внутрисловная и межсловная эмотивные парадигмы свидетельствуют об эмоциональном виде коммуникации, как одной из основных форм коммуникации. Именно в эмоциональном типе коммуникации наиболее чётко проявляется субъективный фактор в языке.

Отсутствие в лингвистической науке универсальной классификации эмоций объясняется тем, что эмоции – это сложное, многоаспектное явление, характеризующееся не только устойчивостью / неопределенностью, но и фразденностью и приобретенностью [158, с. 189].

Проявление различных эмоций связывают не только с опытом, но и воспитанием и индивидуальными особенностями человека. Речевой фактор является основным фактором, так как категории эмоции тесно с ним связаны.

Среди всех классификаций эмоций, известным является типология К. Изарда. С учетом следующих критериев, К. Изард выделяет десять основных базовых эмоций (*гнев, презрение, отвращение, дистресс (горе-страдание), страх, вину, интерес, радость, стыд, удивление*).

Основные критерии:

1. Базовые эмоции характеризуются четким и специфическим нервным субстратом;

2. Базовые эмоции могут проявляться при помощи выразительных и специфических конфигураций мышечных движений лица;

3. Базовые эмоции влекут за собой определенные специфические переживания, осознаваемые индивидом;

4. Базовые эмоции являются результатом эволюционно-биологических процессов;

5. Базовые эмоции оказывают доминирующее и организующее влияние на человека, служат его адаптации [81].

В современной психологии существует следующая классификация эмоций, с учетом психологических потребностей индивида в эмоциях [67, с 23]:

1. **Альтруистические эмоции.** Альтруизм как форма эмоционального поведения. Данный вид эмоции представляет собой содействие в помощи, покровительстве другим людям.

Примеры эмоций:

*Таишии – парешонї, ошуфтагї, изтироб, беоромї, ҳаяҷон –
рассеянный, обеспокоянный, встревоженный:*

Ё ба таишишу гусса розї шав.

Ё ҷигарбанд пеши зог бинеҳ. –

Либо согласись на беспокойство и тревогу.

Либо смирись.

*Фалочарам (умарои давлат) аз давлат ҳаззи вофї набурданд ва худро
ба таишии ва халқро дар азоб андозанд [199, с. 345] –*

Правители подвергли опасности как государство, так и народ.

Après le dîner, elle s'approcha de la fenêtre avec une certaine excitation, mais l'ingénieur n'était plus dans la rue. Elle a cessé d'y penser. После ужина она с некоторым волнением подошла к окну, но инженера на улице уже не было. Она перестала думать об этом.

Donnez-le aux pauvres, cela apportera le bonheur à notre pauvre Angèle [241, с. 56]. – Раздайте его бедным, это принесет счастье нашей бедной Анжель.

2. **Коммуникативная эмоция**, возникающая как необходимость в общении. Следует заметить, что не любая эмоция, которая возникает при общении, можно рассматривать как коммуникативную эмоцию. Коммуникативными являются те эмоции, возникающие как реакция на удовлетворение / неудовлетворение.

Таваччӯҳ – диққат додан, ба чизе рӯй овардан, майл кардан, лутф, меҳрубонӣ, диққат – внимание, привязанность, симпатия :

Дили бедор мебояд дар ин водӣ, таваччӯҳ кун,

Ки ман бо пои хоболуд кардам қатъи манзилҳо.

Пробужденое сердце должно быть в этой долине, посмотри.

Полусонный я отправился в долину.

Видоаи карда мерафтам ба хона,

Таваччӯҳ зад қадам бар остона [199, с. 298].

Я ушел, простившись.

Но, задумавшись, остановился.

Si l'humanité et la compassion m'ont donné le courage de venir ici, l'empathie, le respect particulier de vos mérites me donnent aussi le courage et le droit de vous parler comme je le fais [241, с. 156]. – Если человечность и сострадание дали мне смелость приехать сюда, сочувствие, особое уважение к вашим достоинствам также дают мне смелость и право говорить с вами так, как я это делаю.

3. Глорическая эмоция. Данный вид возникает на основе потребности в самоутверждении.

Гурур – фирефтан, кибру калонӣ, тақаббур, ҳавобаландӣ, болидан ба чизи ботил – гордость, высокомерие; проявление высокомерия:

Гурури ҳусн иҷозат магар надод, эй гул,

Ки пурсише накунӣ андалеби шайдоро. – Гордость красоты не позволили тебе, цветок, позаботиться о страстно влюбленном.

Мекашад сарриштаи кори гурур охир ба аҷз

Гар ҳама имрӯз шамшер аст, фардо сӯзан аст [199, с. 659]. – Высокомерие приведет к бессилию, сегодня все воины, завтра ничто (игла).

Dites donc, Brichot, qu'est-ce que vous dites de notre petite escapade? demanda le docteur avec une certaine fierté [226, с. 67]. – Нет, в самом деле, Бришо, как вам нравится наше приключеньице? – не без **чувства гордости** спросил доктор.

Par pudeur de souvenir et par fierté, elle ne pouvait se résoudre à le revoir [235, с. 49]. – Из **чувства стыда и гордости** она не могла решиться снова встретиться с ним.

Mais vous aimez nous tromper, et nous vous laissons faire, pauvres sottes que nous sommes, parce que vos tromperies sont encore des hommages rendus à la supériorité de nos sentiments, qui sont tout pureté [217, с. 67]. – Но вам нравится обманывать нас, а мы, бедные дуручки, уступаем вам, потому что, обманывая нас, вы признаете тем самым **превосходство** наших **чувств**, чистых и непорочных.

4. **Праксическая эмоция.** Этот вид эмоции связан с деятельностью; успешность / неуспешность.

Қаноат – ризомандӣ ва хушнудӣ, қонеӣ ва розигӣ ба ҷизи кам; кифоя, басандагӣ – удовлетворение, довольство малым:

Марде будааст ба зовияи қаноат маскан сохта.

Чангу ҷидолу мухосама байни салотин аз одами қаноат мехезад.

Қаноат кардан – розӣ будан ба ҳиссаи худ, қонеъ будан ба андаке ва расамаи кам – довольствоваться чем-либо незначительным, удовлетворяться чем-либо малым:

Бузурге дидам андар кӯҳсоре,

Қаноат карда аз дунё ба горе.

Қаноат кун, ки охир аз қаноат

Тавон гардид боюлбои мардум [199, с. 673].

Très actif aux Etats-Unis vers 1920, ce mouvement a apporté à de nombreux écrivains isolés, situés en dehors des circuits de l'édition, la satisfaction de voir leur production imprimée, distribuée et [208]. – Очень активное к 1929 году в Соединенных Штатах, это движение дало многим писателям, стоявшим

вне, за пределами издательских кругов, **удовлетворение** видеть свою продукцию напечатанной, распространяемой и читаемой.

5. Пугническая эмоция. Эта эмоция возникает в результате преодоления опасности.

Бим – тарсу ваҳм, хавф – страх испуг, опасение:

Зи бими ҳалокат ҳама марду зан

Намуданд тадбири тарки ватан

Опасаясь гибели всех мужчин и женщин

Решили покинуть страну.

Бими ҳон – хавфи марг – боязнь за жизнь:

Шукӯҳи тоҷи султонӣ, ки бими ҳон дар ӯ дарҷ аст.

Кулоҳи дилкаш аст, аммо ба тарки сар намеарзад [199, с. 184].

Даже тот, кто на троне сидит, вдуше страх пребывает,

Трон прекрасен, не стоит терять голову.

*Le jeune homme, animé par le danger, eut le bonheur de trouver des réponses admirables [208]. – Молодой дипломат, возбужденный **чувством опасности**, находил великолепные ответы.*

*Au chagrin de la séparation se mêlaient en moi des espérances vagues mais douces, l'attente impatiente des dangers et le sentiment d'une noble ambition [208]. – С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание **опасностей**, и **чувства** благородного честолюбия.*

6. **Романтические эмоции.** Данный вид эмоции представляет стремление ко всему необычному, таинственному. Таинственность, будучи «романтической эмоцией», появляется у нас тогда, когда мы ощущаем свою включенность в число объектов, получающие действие загадочного фактора, особенно, когда ему приписывают сознательную волю, одухотворенность.

*Ҳаяҷон – ошуфтагӣ, изтироб, ҷӯшу хуруш, оташиншавӣ,
барангехтагӣ – волнение, замешательство, возбуждение.*

La première excitation est revenue; et il s'approchait, déterminé à faire tout son possible pour cacher à nouveau, sous le couvert de l'insouciance et de l'espièglerie, la confusion mortelle qui s'élevait dans son âme [241, с. 83]. – Первое волнение вернулось; и он приближался, полный решимости приложить все усилия, чтобы снова скрыть под видом беззаботности и игривости смертельное смятение, поднявшееся в его душе.

7. **Гностическая эмоция** (конкретные переживания, например, удивление).

*Тааҷуб – ҳайрон шудан; ҳайронӣ, шигифт, ҳайрат – удивление,
изумление :*

Амрулайс аз ин кор ба тааҷуб монд .....

Тааҷуб кард шаҳ з-он устуворӣ

В-аз он сӯзе ба чандин пухтакорӣ [199, с. 291].

Ces perplexités disparaissaient dès qu'elle revenait sur scène: alors, comme par magie, elle oubliait tous les détails de sa vie réelle pour ne rien ressentir d'autre qu'une vague attente mélangée à de l'excitation, de la peur, de la gratitude et de l'espoir [241, с. 106]. – Эти недоумения исчезали, как только она

возвращалась на сцену: тогда она, как по волшебству, забывала все подробности своей реальной жизни, чтобы не чувствовать ничего, кроме смутного ожидания, смешанного с волнением, страхом, благодарностью и надеждой.

8. Эстетическая эмоция. Класс эстетических чувств выделен давно. Однако многие вопросы относительно природы данной эмоции до сих пор остаются открытыми. Сложность заключается в том, что эстетические отношения к изображаемому реализуются при помощи других чувств: таких как: радость, гнев, отвращение и др.

Ёддошт – чизе, ки барои хотира менависанд; ҳар аломат ва нишоне, ки барои ёдоварӣ мегузаранд:

Маҳсусоти хоси ботин низ ҳам панҷанд: ҳисси муштарак ва қуввати маъмура ва қуввати хаёлу фикр ва қуввати ёддошт [199, с. 413].

Et quand ils n'étaient plus ensemble, ils ne vivaient que de beaux souvenirs; ils se sont immergés en eux, ils ont revivre les heures qu'ils ont passées à se serrer la taille, à se caresser les uns les autres avec leur souffle [243, с. 34]. – И когда их больше не было вместе, они жили только приятными воспоминаниями; они погрузились в них, они заново пережили часы, которые они провели, обнявшись за талию, лаская друг друга своим дыханием.

9. Гедонистические эмоции. К данной категории относятся эмоции, которые связаны с удовлетворением потребностей – телесный и душевный комфорт.

Беғамӣ – гам надоштан, осудахотирӣ

Беғамӣ хуш вилоятест, валек

Зери фармони кас намеояд [199, с. 170].

Лоуболї – боке надорам, наметарсам, парво надорам:

Бо як-ду-се ринди лоуболї

Рохе талаб аз гурур холї.

Гарат мо бо хуш афтодаст, чун мо лоуболї шав,

На ёрон маст бархезанду ту мастур биншинї [199, с. 606].

Il est allé jusqu'à mépriser son ancien calme, sa ferveur légère, qui l'a conduit à un délice de jeune fille, qu'il n'a même pas senti des ecchymoses sur le sol à ses genoux [243, с. 23]. – Он зашел так далеко, что стал презирать ее прежнее спокойствие, ее легкую пылкость, которая приводила его в девичий восторг, что он даже не чувствовал синяков на полу у себя на коленях ...

*Elle se força un peu pour donner à son sourire la sérénité et le dédain habituels [208]. – Ей пришлось сделать усилие, чтобы придать своей улыбке обычную **безмятежность** и высокомерие.*

10. Акизитивные эмоции. Данный вид эмоции связан с интересом к накоплению или коллекционированию предметов (вещей).

*Au temps du muet, un jeune pouvait en « tapant » un oncle, en vendant la collection de timbres de la famille, réaliser un court métrage faisant office de carte de visite, de certificat d'aptitude [208]. – В период немого кино молодому режиссеру еще было можно, «подзаяв» у дяди и продав **коллекцию** семейных марок, снять короткометражку, а затем составить из визитных карточек удостоверение о своих способностях.*

Pendant que nous attelions leur voiture, il les conduisit à la serre pour admirer les quelques nouvelles plantes qu'il avait ajoutées à sa collection [242, с. 208]. – Пока мы запрягали их машину, он повел их в оранжерею, чтобы они любовались несколькими новыми растениями, которыми он пополнил свою коллекцию.

Для нашего исследования наиболее важной представляется классификация, данная Е.А. Зуевой, в рамках лингвистики эмоции [76, с. 150].

1. **Интеллектуальная оценка** (наличие или отсутствие): простые эмоции – страх, злость, удовольствие; сложные эмоции – гордость, любовь:

Лаззат – ҳиссе, ки аз дарки хушӣ ва гуворӣ дар кас пайдо мешавад; ҳаловат; хушӣ, маза – удовольствие – чувство, которое возникает из-за восприятия счастья по отношению к кому-либо; удовольствие, вкус :

Андар хирадмандон лаззати кувватҳои ботин галаба дорад – у мудрецов есть восторг от внутреннего мира.

Зоҳид, чӣ аҷаб, гар кунад аз ишқи ту парҳез,

Кас лаззати ин бода чӣ донад, ки нахӯрдаст – Отшельник, что на удивление, воздерживается от твоей любви. Кто знает вкус любви, если не вкусил еще всей сладости любви.

Лаззатгир – лаззатгиранда, аз маза ва гувориши чизе баҳраваршаванда – наслаждение от чего-либо:

Гарчи аз лаззот бетаъсир шуд,

Лаззате буд ӯву лаззатгир шуд [199, с. 591].

Фараҳ – хурсанд шудан; хурсандӣ, шодӣ, хушҳолӣ – радоваться; радость:

Номат шунавам, дил зи фараҳ зинда шавад,

Ҳоли ман аз иқболи ту фархунда шавад –

Как слышу твоё имя, сердце бьётся от радости.

Я счастлив от того, что счастлива ты.

Андешидам, ки то ҳамаи афъолу аъмоли худ бадал накунам, фараҳ наёбам.

Думал, что не буду счастлив, пока не избавлю себя от всех деяний.

Фараҳ ба синаи пурғусса аз ту чун ояд,

Ки гар ба кӯҳ бисанҷам, гамат фузун ояд [199, с. 411].

Счастье наполняет меня при мысли о тебе.

Anzoleto a été le premier à ne plus y penser, bien qu'ils lui aient causé de profondes émotions de joie, de fierté, de colère et de rivalité, dont la conséquence devait désormais être toute sa vie [241, с. 86]. – Андзолето был первым, кто, казалось, больше не думал об этом, хотя они вызвали у него глубокие эмоции радости, гордости, гнева и соперничества, следствием которых отныне должна была стать вся его жизнь.

*Et elle continua, elle tâcha de le blesser dans sa foi dans sa fierté, sachant où était le point sensible [242, с.12]. – Тун продолжала говорить на эту тему. Она старалась уязвить мужа, оскорбить его убеждения, задеть его **гордость**, так как знала, что это - его самое чувствительное место.*

2. **Стенические и астенические эмоции.** Данный вид эмоции связан со знаком переживания (положительные эмоции и отрицательные):

Писарак тирезаро маҳкам карду дам ба дарун гирифт, ноҷунбон нишаст. Пас аз дақиқае мард: - Кушо, лаънатӣ, кушо! ... – гӯён дари хонаи онҳоро думушта кӯфт. Вале писарак, дар ҳолате ки аз гояти тарс дилаш дар қафаси сина гӯё метаркид, дарро накушод.

Бегоҳи ҳамон рӯз мард – вай яқин каме ором шуда буд – ба падару модараш ишкоят кард. Ва писарак дар ҳузури ӯ гап шунида, танбеҳ гирифта, ала маш зтеда гардиду: - Ин кас одами ганда. Ганда, ганда .. – гуфта, ба чашмонаш ашк давид [214, с. 7]. – Мальчик плотно закрыл окно, перевёл дыхание, сел неподвижно. Через минуту мужчина: - Открой, проклятая, открой! – словно колотил в дверь кулаком. Однако мальчик из-за страха не открыл дверь. Вечером того же дня мужчина – успокоившись, пожаловался своим родителям: - Это плохой человек. Плохой, плохой..., сказав, заплакал.

3. **Личные и неличные эмоции.** Данный вид эмоций связан с тем, кому эмоция направлена – на говорящего или окружающих: тоска, отчаяние; жалость, восхищение и сострадание:

Ҳасрат – афсӯс, дарез, пушаймонӣ, гам, ғусса, андӯҳ – тоска, сожаление, горе, печаль:

Бирафту ҷаҳон дигареро сипурд,

Ба ҷуз ҳасрат аз даҳр чизе набурд.

Ҳасрат накунад кӯдакро суд ба тирӣ,

Ҳар гаҳ, ки ба хурдӣ бигурезад зи дабистон.

Дар ба рӯи ханда мисли ғунҷаи гул бастаем,

Ашки ҳасрат то равон бар рӯи одам дидаем [199, с. 737].

À cet âge, nous ne ressentons pas beaucoup de chagrin dans un moment de crise; mais l'ennui de l'isolement vous tuera un peu plus tard; cela signifie reculer pour mieux sauter [241, с. 30]. – В этом возрасте мы не очень остро чувствуем горе в момент кризиса; но скука изоляции прикончит вас немного позже; это значит отступить.

*C'était la vieille détresse solitaire plus ancienne que tous les sentiments [208]. – Это была **тоска** одиночества, куда более древняя, чем все остальные чувства.*

Tu l'entendras, divine Corella, et tu seras émue par une noble pitié, et tu l'encourageras au lieu de la faire siffler comme tu viens de le dire en te moquant [241, с. 78]. – Ты услышишь это, божественная Корилла, и ты будешь тронута благородной жалостью, и ты будешь подбадривать ее, вместо того, чтобы заставлять ее свистеть, как ты только что сказал, насмехаясь.

4. **Активные и пассивные эмоции.** Эти эмоции связаны с деятельностью человека: активизируют либо тормозят активность: воодушевление, отчаяние:

Маъюс – навмедишуда, дилишикаста, рӯҳафтода – разочарованный, убитый горем:

Беморе, ки аз илоҷ маъюс бошад, ... аз дил чӣ гуна рухсати нафас задан ёбад? [199, с. 667].

Dans cette première réunion, on convint de choisir l'avocat Savaron pour candidat, avec un enthousiasme que personne n'aurait pu espérer à Besançon [217, с. 45]. – На этом первом собрании, с воодушевлением, какого от безансонцев никто не мог бы ожидать, было решено выбрать Саварюса кандидатом.

5. **Эмоции высокой и низкой интенсивности:** счастье / несчастье; удовлетворение / досада:

Алам – дард, озор, нохушӣ; ранҷ – горечь, боль, неприязнь; страдание:

Султон фармуд, то ўро бар фил нишониданд, то аз алами ҷароҳат истироҳат кунад – Султан приказал, чтобы его посадили на слон.

Отойти от душевной боли

Аспе, ки саворияш саросар алам аст,

Бе роҳу тариқ мисли ӯ асп кам аст – Лошадь, у которой всадник в смятении, не найдёт дорогу.

Алами бедаво – дарди бедаво, дарди давонопазир, беилоҷ; киноя аз кори чоранопазир – незаживающая рана, безвыходность.

Қофия маъюбу радиф нораво,

Илллати вазнаш алами бедаво.

Алам кашидан – ранҷ дидан, азоб кашидан – горечь, страдание .

Гоҳ аз дӯст ғаме, гоҳ зи душман аламе,

Ғами он чанд кашему алами ин то кай?

Дар алам будан- ранҷ кашидан, азоб дидан - страдать.

Ғами дил бо ту нагуям, ки ту дар роҳати нафс

Нашиносӣ, ки ҷигарсӯхтагон дар аламанд [199, 1, с. 54].

Madame Josserand montrait une satisfaction navrée, en veuve que les bonheurs inespérés ne touchent même plus [242, с. 34]. – Г-жа Жоссеран выказала лишь скорбное удовлетворение, – даже самое неожиданное счастье не может взволновать безутешную вдову.

En effet, Bovary aurait pu réussir; Emma ne disait rien de ce qu'il ne savait pas, et quelle satisfaction aurait été pour elle si elle l'avait attiré dans une entreprise dont sa réputation et sa fortune auraient pu augmenter? [208]. – Действительно, Бовари мог добиться успеха; Эмме ничто не говорило о том, что он не умел, и какое удовлетворение для нее было бы, если бы она привлекла его к делу, от которого его репутация и состояние могли бы возрасти!

Следовательно, эмотивность представляет собой полистатусное явление и должна рассматриваться согласно выделяемому аспекту исследования.

1.3. Исследование эмоций в лингвистике

Эмотиология – молодая, которая начала входить в употребление междисциплинарная отрасль. Известный лингвист В.В. Виноградов отмечал: «Экспрессивные формы речи и экспрессивные элементы языка мало изучены в лингвистике» [38, с. 60]. После выхода в свет работы чешского лингвиста Ф. Данеша проблема эмотивности начала актуализироваться [169, с. 12]. Ф. Данеш первый указал на связь эмоции и когниции. Его

исследования были продолжены такими лингвистами, как: Е.М. Вольф [1987], В.Г. Гак [1996], А.И. Галичев [1987], Н.Ф. Ежова [2003], К.Э. Изард [2007], О.В. Кобзева [2009] и др.

Современный этап развития отечественной лингвистики также характеризуется возросшим интересом к исследованию эмотивной лексики: Ф.Ш. Аминова [2022], Д.Д. Мурувватиён [2021], Ш.Б. Рахимова [2010], С.А. Файзиева [2009].

В.И. Шаховским впервые было введено понятие «эмотиология». Он создал базу для дальнейшего исследования эмоции как одного из основных объектов лингвистических исследований. При анализе и исследовании эмоций в языке необходимо разграничить определение значений следующих понятий: **эмотивность, эмотив, эмотивное значение**. Вслед за В.И. Шаховским, под «эмотивом» мы понимаем языковую единицу, содержащую в своей семантической структуре – семантический конкретизатор / признак. Имманентный семантический признак языка, выражающий различными средствами эмоциональность – эмотивность. Эмотивность – факт психики и отражается в семантической структуре слов в виде социальных и индивидуальных эмоций. Облигаторное семантическое содержание – это эмотивное значение, совпадающее полностью для выражения эмоциональных состояний и отношения к ним [159, с. 26-27].

Идея выражения человеческих эмоций при помощи языковых средств в лингвистике не нова. Данный процесс сопровождается приобретением эмоций вербального оформления. Здесь необходимо понять эмотивный аспект семантики языка – соотношение эмоций с функциями сознания. Исходя из данного факта, необходимо рассмотреть следующие задачи:

1. Выяснить вопрос относительно факта эмотивного значения в лингвистической науке.

2. Установить взаимосвязь слова, понятия, мышления и эмоций.
3. Обосновать гипотезу относительно понятийной соотнесенности семантики эмотивного слова и разработать лингвистическую теорию эмоции в коммуникативном пространстве.

Особое значение в свете новых задач приобретает разработка эффективных путей анализа роли эмотивного значения как человеческого фактора в реализации речевого акта. Позиций относительно эмотивного значения слова в лингвистике существует немало. Суть данного феномена не выявлена до конца, хотя очевидно одно: он существует и с ним нужно считаться [Там же, 53].

Эмотивное значение у лексических единиц не всегда признавалось исследователями. Существует позиция, согласно которой «для репрезентации эмоций важную роль играет функция самого слова, а не его значение; данная функция вытекает из контекста и условий коммуникаций» [178, с. 143]. Самой сложной проблемой, связанной с эмотивностью, является соотношение эмотивного компонента семантики слова и мышления. Сюда можно добавить также соотношение эмотивного и денотативного компонентов в семантической структуре слова; каким образом эмотивность представлена в разных языках и на различных уровнях; расхождение эмотивной и дескриптивной номинаций; каким образом происходит межъязыковая эмотивная коммуникация.

По вопросу эмотивного значения слова существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным. Согласно первой позиции, эмотивный компонент входит в семантическую структуру слова: Н.Ф. Ежова [2003], Е.А. Зуева [2005], Т.В. Ларина [2003], согласно второй – важная роль эмотивного компонента в семантике слова: С.Н. Лазарев [2001], Н.А.

Лукьянова [1986], Е.Ю. Мягкова [2001]. Однако до конца остается неясной типология предельных элементов эмотивного значения.

Многими лингвистами предпринимались попытки выделения строгих критериев для установления не только внутренних параметров и формальных маркеров эмотивного значения, но и выявления эмотивного составляющего [например, метод семантической дифференциации У. Вайнрайха, Э. Бендикса, Ч. Осгуда]. Как отмечает В.И. Шаховский, данные методы ориентировались главным образом на интуиции ученых, следовательно, признать их доказательными нельзя [158, с. 54].

Существует ряд работ, предлагающих «отменить» эмотивное значение, из-за его неустойчивости, диффузности, зависимости от множества факторов, которые находятся как внутри его формы, так и за его пределами [164, с. 196]. Или Ч. Стивенсон, отмечал, что зависимость эмотивного значения от ряда факторов, таких как: первичность концептуального содержания, образительность значения, ассоциации и импликации слов, а также личные взаимоотношения говорящего и слушающего, делает эмотивное значение словарно нефиксируемым явлением. Так же следует заметить, продолжает автор, эмоции, подобно эмотивному значению, обладают множеством оттенков, которые не всегда поддаются объяснению, описанию словами [145, с. 34].

Однако нельзя согласиться с тем фактом, что эмотивное значение – это отражение эмоции только конкретного говорящего. Оно не является индивидуальным, а является обобщенным отражением социальной эмоции. Следовательно, эмотивное значение имеет социальный характер, подобно логико-предметному значению; оно соотносится с соответствующими эмоциями любого носителя данной языковой культуры. Носители конкретного языка в определенных эмоциональных ситуациях чувствуют и

демонстрируют одинаковые эмоции. Каждый человек, конечно, подводит типизированную эмоцию под конкретное слово в зависимости от своего личного опыта, но в рамках социального опыта. Благодаря этому обеспечивается дифференциация эмоций при их вербальном выражении посредством эмотивного значения того или иного языкового средства выражения эмоций.

Приведем некоторые примеры на материале таджикского и французского языков, доказывающие данное положение:

Вале ин ҳамаро усмон Азиз қариб ҳис намекард. Вай дар қайди андешаҳои гарони худ буд. Дилу ҷигараи дарғирифта, зану фарзандонашро ба хотир меоварад. Инчунин дар пеши назар чеҳраи нурони падару хандаҳои гарми модарашро меид; қомати паҳлавонона, рӯи зебо ва меҳрубониҳои додари Сулаймонро низ равшан тасаввур менамуд.

Замоне буд, ки онҳо дар ҳамин ҳавлӣ, дар ҳамин хонаҳои барҳаво хушу хурсанд зиндагӣ мекарданд, аз ғаму ғуссаи денё хабар надоштанд .... Аммо банагоҳ чӣ шуд? Чӣ шуд, ки бахт якбара аз хонадони ҳоҷӣ Азиз Матин рӯй тофт? Рӯзгори осудаи онҳо ғафлатан зеру забар гардид, ба бунёди умеду орзуҳои футур рафт... Ва чаро, барои чӣ... тақдир ўро нохост ба кӯи номуродӣ андохт? [214, с. 174]. – Однако, все это Усмон Азиз почти не чувствовал. Все его мысли были о его тяжёлом положении. Сердце его обливалось кровью (страдал), думал о своей жене и детях. Перед его взором встали светлое лицо отца и улыбающейся матери; статный рост, красивое и благородное лицо брата Сулаймона были перед его глазами. Было время, когда они в этом дворе, в этих прекрасных домах счастливо жили, не ведая о всех проблемах мира.. Вдруг что случилось? Почему счастье покинула дом Азиз Матин? Спокойная жизнь в одночасье закончилась, все его мечты были разбиты.... Почему? За что судьба отвернулась от него.

Hélas! Elle se disait que ces gens avaient honte d'avoir tellement de choses à garder! [241, с. 45]. – Увы! Она говорила себе, что этим людям стыдно за то, что у них так много вещей, которые нужно сохранить!

Tous ces gens bien-pensants qui voulaient mon bien m'écœuraient et renforçaient au contraire ma volonté de m'enfoncer dans ma marginalité [208]. – Все эти доброхоты лишь подхлестывали мое желание не оказаться конформистом.

Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, эмотивное значение осознано, дискретно, отождествляется и дифференцируется говорящим, одинако соотносится всеми говорящими с понятиями, объектами, которые детерминируют эмоции, оно также отождествляется конкретными языковыми единицами их репрезентации – носителями эмотивного значения – с обобщенными эмоциональными ситуациями их функционирования в художественном тексте [159, с. 55].

Например:

*Ва ӯ дар миёни аҳли оила танҳо монд. Боз фурсат поид, интизор шуд; чойи нишаст наёфта, хуни **чигар хӯрд**; гаштаву баргашта ба анлеши рафт. Вале ҳамааш барабас буд. Дарахти инқилоб рӯз то рӯз амиқтар реша медавонд. Чулхундишӯрони дина ба ними нон зор як-як соҳиби мулк, соҳиби ҳаққу ҳуқуқ мешуданд. Усмон Азиз чӣ? Вай ба ин муросо карда натавонист. Ниҳоят рӯ ба гурез овард. Гумон мебурд, дар хоки бегона **дили афсурдааш қарор мегирад**, бахмаш дубора механдад, осоишу салоҳ меёбад. Ҳамин тавр, ӯ дидаву доништа, худро ба гирдоби азоби **ҷонфарсо**, **ёди чигарсӯзи** ватан ва бенасибиву номуродиҳо зад, ки сазо сараи! Одамизод, алҳақ, маҳлуқи надоматпеша; аз аксар қадамаш пушаймон мешавад. Вагарна чӣ лозим буд якбора ба хоки гурбат рафтан? Чӣ натиҷа дод ба ман ин беақлӣ? Куҷоям зиёд шуд? Беҳтар набуд, ки дар ҳамин Нилу, бад ё нағз, қатори ҳамдеҳагон*

рӯз гузаронам, ба ғаму шодии онҳо шарик бошам? Не-е, бори гурур намонд, нахостам, рафтаам. ... Вай аз сиёҳмушкини худ, ки сабук ёл меафшонд, чашии наканда, як оҳ кашид ... [213, с.175]. – И он остался один в своей семье. И снова появилась возможность ждать и он ждал, не найдя себе место, страдал. Снова и снова возвращался к своим мыслям, но все было напрасно. Революция с каждым днем крепла и крепла. Вчерашний нищий сброд, который постоянно нуждался в куске хлеба, становился хозяином всего. А что Усмон Азиз? Он не хотел мириться с таким положением. И решил податься в бегство. Думал в чужих краях сможет вылечить своё “разбитое сердце. Зная все это, он сознательно вверг себя в водоворот мучительных страданий”. Такова природа человека – жалеть о большинстве своих шагов. Зачем нужно было создать себе столько проблем? К чему привела меня эта глупость (этот необдуманый шаг)? Что я получил от этого? Не лучше было бы остаться в Нилу, хорошо или плохо, жить со своими земляками, радуясь и печальясь вместе с ними? Нет, не захотел и выбрать бегство. – Он взглянул на своего вороного и глубоко вздохнул.

Ici, le plus spirituel de nos caricaturistes, à l'oeil malin, à la bouche mordante, guettait les épigrammes pour les traduire à coups de crayon [217, с.17]. – Здесь самый остроумный из наших карикатуристов, с лукавыми глазами и язвительным языком, следил за эпиграммами, чтобы перевести их карандашом.

Таким образом, можно констатировать, что эмотивное значение – коммуникативно. Эмотивные лексические единицы осознанно отбираются говорящим в пределах существующего кода, то есть отбор эмотивной лексики связано с сознанием говорящего в соответствии с ситуацией общения. Коммуникативность эмотивных единиц проявляется в том, что они передают душевные волнения говорящих. Употребление говорящими эмотивного значения в большинстве своем смоделировано.

Из сказанного становится очевидным то, что слово, понятие и мышление тесно связаны между собой. Следовательно, присутствие эмотивных слов в корпусе словаря того или иного языка указывает на связь эмотивной лексики с эмоциональным мышлением. Психологи давно признают эмоциональное мышление как объективно существующее психологическое явление [81]. В данном случае, мы исходим из того факта, что если эмотив – это слово, то слово, естественно, является элементом сознания. Однако нельзя не согласиться с Дж. Лайонз, который противопоставлял понятие и эмоции, разделяя их по полюсам мыслительной деятельности [177, с. 183]. Действительно, такие эмотивные слова как: страх, гнев, печаль и др. нельзя считать понятийными, тем не менее, их языковые выражения являются осмысленными, кодифицированными, то есть поднятыми до понятийного уровня сознания (понятие ужас и эмоции ужаса выражаются одной и той же лексической единицей).

Основные проблемы, связанные с семантикой эмоций – это соотношение объекта окружающей действительности и субъекта. Как правило, эмоции преобладают там, где данные параметры существуют. Любая эмоция представляет собой реакцию человека на стимул, заставляющий его по-другому объединять объекты окружающего мира и их свойства [158, с. 58]. Определённые понятия о тех или иных объектах и их признаках формируются как результат взаимодействия субъекта и объекта. Действие объекта на субъект и активное отражение объекта субъектом приводит к определенным психическим изменениям, то есть вызывает эмоциональные реакции [60]. Иными словами, осознание индивидом отношений субъект реакция и объект сопровождается эмоциями.

Проиллюстрируем данное положение:

Усмон Азиз маузерро дар гилоф андохта, Ҳалимбойро, аз ин ҳодиса ба даҳшат омада, саросема харсавор шудан мехост, ба имои даст чег зад. Ва ӯ хандаовар лапон-лапон давида, дар наздаш ҳозир гардид. – Ба падару модараш хабар дода, дар доираи ҳама расму русум дафе мекунад, - гуфт Усмон Азиз, ба ҳасади Ҷалол як назар давонда [214, с. 37]. – Усмон Азиз убрал маузер в кабуру, так он был в спешке, позвал Халимбоя, который был в состоянии ужаса от этого инцидента. Халимбой, смеясь подошёл к нему.

Elle sembla chercher, pendant quelques secondes, un autre mot plus fort qui ne venait point, puis soudain, elle expectora, avec le mouvement qu'on fait pour cracher: «Oh!... cochon... cochon... cochon... [208]. - В течение нескольких секунд она, казалось, искала другое, более сильное слово, которое не приходило, а затем внезапно отхаркнулась движением, которое делают, чтобы выплюнуть: «о!... свинья... свинья... свинья...»!

*Alors, comme tous les connaisseurs et les peintres me disaient, en voyant ses œuvres: «Quel est donc le cochon qui a fait ça ? » j'ai dû les anéantir [208]. – И вот, так как все знатоки и художники говорили мне при виде его произведений: «Что это за **свинья**, которая это сделала?» — я был принужден их уничтожить.*

Поиск прагматических механизмов в связном тексте упирается в лексику. То есть в единицы языка, выражающие смыслы и создающие прагматический эффект речи. В плане прагматики изучены очень немногие слои лексической системы различных языков. Дефицит сведений о прагматической ориентации лексических значений делает актуальным исследования различных групп лексики в этом аспекте. В современной лингвистике бытует мнение о том, что экспрессивно-окрашенная лексика является в основном результатом вторичной номинации, что условие прагматического успеха – апелляция к эмоциональному восприятию

сообщения, а это обычно достигается за счет образности [146, с. 14]. Данной позиции придерживается В.И. Шаховский. Разграничивающий лексику эмотивную и неэмотивную [158, с. 94]. В группу эмотивной лексики В.И. Шаховский не включает те лексические единицы, в семантике которых заключена эмоция, на том основании, что подобные единицы являются индикативными, то есть логико-предметными, а эмоции, которые обозначены в таких лексических единицах, на уровне репрезентации представляют собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о них [Там же, с. 96]. Согласно В.И. Шаховскому, эмотивными можно считать только те слова, которые выражают эмоциональные оценки и эмоциональные реакции человека, то есть бурные переживания, но кратковременные. Однако. С данной позицией не согласна Л.Д. Тарасова, которая утверждает, что здесь нельзя не сделать оговорки о том, что лексические единицы, которые называют эмоции, являются ассоциативно-эмотивными, так как они не выражают эмоции, а отсылают сознание говорящего в эмоциональную сферу, присутствующая в семантической структуре таких слов [145, с. 76].
Например:

Et il est bien laid avec sa peau de prune, il a des soies au lieu de favoris, il a l'air d'un marcassin, quoiqu'il ait des yeux d'oiseau de proie [217, с. 12]. –
Ничего, взлетит, он достаточно безобразен: черномазый, толстый, вместо бакенбардов — свиная щетина, да и вообще он похож на свинью, хоть и смотрит коршуном.

On se regarde un bon moment, Miss Hamilton et moi, comme ça, incapables de prononcer un mot, puis deux petites larmes coulent sur son champ de ruines, et je m'enfuis comme le traître après le massacre des endormis [217, с.87]. –
Несколько секунд мы смотрим друг на друга, мисс Гамильтон и я, не в силах произнести ни слова; затем две слезинки скатываются по ее руинам, а я

стремглав убегаю, как тот сукин сын, который предал убийцам своих спящих товарищей.

В первом тексте слово является эмоционально нейтральным, а во втором эмоционально окрашенным.

В приведенных выше текстах на материале таджикского и французского языков включены типизированные реакции, которые должны быть закреплены в структуре понятий об объектах окружающей действительности и распространены на семантическую структуру слов и на семантику высказываний, которые называют подобные объекты или описывают их взаимосвязь.

Исследуя эмотивное значение необходимо также рассматривать оценочные категории. Общеизвестно, что оценочное понятие является общепризнанной категорией. Содержательная структура понятия включает в себя такие составляющие, как: семантика, модальность, сигнификативное значение. А оценка, как известно, является компонентом модальности. Примерами лексических единиц, которые отражают оценочные понятия, выступают в таджикском языке: ***разил – низкий, подлый, презренный, номард – малодушный, трусливый, подлый, низкий: негодяй, подлец:***

- *Дуруғ .... Шумо, одамони доро, ҳама ба фиребу найранг рӯз мебинед. – Хайр, бигузур фиреб бошад, найранг бошад. Лекин ман ҳоло ба ту чизи дигар гуфтан мехоҳам. – Марҳамат, агар бисёр дилтангӣ, гап зан. – Чанд дақиқа пеш аз даҳонат кафк мепарид, ки ман номардам... – Чӣ, ба номардиат бовар надорӣ? – Ин суолат ба ҷавоб гардондан намеарзад. – Чунки аз сухани ҳақ метарсӣ [214, с. 232]. – - Ложь .... Вы, богатые люди, все привыкли к обману. - Хорошо, пусть будет обман, пусть будет уловка. Но теперь я хочу сказать тебе кое-что еще. - Пожалуйста, если что-то беспокоит, говорите. – Десять минут с пеной во рту, ты повторял,*

что я – негодяй, подлец ... – Что, ты не веришь в свою подлость? - На этот вопрос не стоит отвечать. - Потому что ты боишься говорить правду.

Вале Усмон Азиз ин гапи ўро нашунид: ҳоло вай савори сиёҳмушкину худ буд. Қурбона Гуломҳусайн низ саросема пой ба риқоби аспҳои беқарор мебурданд. Одамон аз нав ба ҷунбиш омада: **Разилон!** – Худо мезанад шуморо. – Гарданатро шикаста, шабу рӯз хун парто, Усмон Азиз! Дар тақдири шумо ҳам ягон бало будагист... гӯён ба саворон наздик мешуданд (Там же, с. 233). – Но Усмон Азиз эти слова уже не слышал, так как он садился на своего вороного. Курбон и Гуломхусайн также торопились к своим беспокойным лошадям. Толпа снова пришла в движение: Убийцы! Вас Бог накажет... Чтобы ты Усман азиз страдал! На вашей совести тоже наверняка много всего, говоря толпа приближалась к ним.

Во французском языке: **gredin** – мерзавец; **coquin** – злодей, негодяй, бездельник, мошенник; **hypocrite** – лицемер:

Il vaut mieux jeter le maître aux cochons que de le porter à ce gredin [243, с. 18]. – Лучше бросить причастие свиньям, чем нести его этому уроду.

Alors, je vous ai dit, curé, quand ce gredin s'est levé entre nous, que vous seriez les bienvenus là-bas [243, с.56]. – Итак, я говорил вам, кюре, когда этот негодяй встал между нами, что вам там будут рады.

Fanny, qui vivait très en froid avec son père, blessée de ce qu'il s'était retiré chez son gredin d'aîné, au lieu de se réinstaller chez elle, lui apporta du linge, de vieilles chemises à Delhomme [204]. – Фанни, которая была в очень холодных отношениях с отцом, оскорбленная тем, что он, вместо того, чтобы вернуться к ней, переселился к этому проходимцу, старшему сыну, принесла ему белье, старые рубахи Делома.

Toutes ces raisons, quoique exposées du ton le plus raisonnable par un homme qui avait bien d'autres chagrins dans le cœur, portèrent jusqu'à l'égarément la colère de l'archevêque; il alla jusqu'à accuser Fabrice d'hypocrisie [208]. – Все эти доводы, изложенные самым равнодушным тоном, каким может говорить человек, у которого на сердце совсем иные горести, довели разгневанного епископа до исступления, и он назвал Фабрицио лицемером.

Как отмечает В.И. Шаховский, оценочные отношения могут быть и эмоциональными, так как в результате сигнификации эмоции играют очень важную роль. В результате как рациональной, так и эмоциональной оценки при формировании понятия человеческое сознание как бы выводит за скобки маркеры эмоций основного содержания понятий [159, с. 58]. При этом следует заметить, что данные маркеры эмоции существуют в сознании носителей того или иного языка и репрезентируются в конкретных текстах речевой коммуникации.

В лингвистической литературе не менее дискуссионным является вопрос относительно оттенков эмотивного значения, а именно: различные окраски эмотивного значения не всегда возможно описать словами или терминами, а в коммуникативном пространстве на образование данных оттенков иногда оказывают влияние множество факторов, например, звуковой эффект [178, с. 158]. Как известно, при анализе любой проблемы или вопроса можно всегда найти доказательства. Однако, как отмечает В.И. Шаховский, при исследовании эмотивного значения необходимо установить те факторы, которые задают эмотивную роль слова, а также необходимо определить статус эмотивного элемента в семантической структуре слова, то есть нельзя отрывать слово от логико-предметного элемента [Там же, с. 64].

Общеизвестно, что язык представляет собой практическое сознание, исходя из этого, «вбирает в себя в той или иной форме все стороны

окружающей действительности» [130, с. 124]. Следовательно, нельзя отрицать факт связи эмотивного значения и понятия.

Признание того факта, что эмотивное значение – это продукт исключительно чистого интеллекта и оно может происходить от понятия, упростило бы сложный механизм формирования эмотивного значения и его соотнесенность с понятием. Отрицание зависимости эмотивного значения от логико-предметного содержания слова – означало бы включение эмотивной семантики языка в сферу стихийности человеческой психики.

Что представляет собой понятийная сопряженность эмотивного значения? Во-первых, в большинстве своём все языковые единицы с эмотивным значением обладают логическими коррелятами (это могут быть слова, описательные конструкции, которые передают те же понятия).

Сказанное позволяет заключить, что языковая репрезентация эмоций в конечном счёте представляется намеренным, даже несмотря на то, что она иногда и спонтанна: так как эмотивы всегда возникают на сознательном или подсознательном уровнях. Отбор эмотивности связан со скоростью их осмысления, который порой может быть незаметен участникам коммуникации, которые находятся в состоянии сильного эмоционального напряжения.

Согласно точке зрения некоторых ученых, эмоции и понятие – это разные явления, эмоции репрезентируются, как они отмечает, непонятно, посредством ритма, интонации, просодии и т.д. [169, с. 142]. Данная позиция отрицается В.И. Шаховским, так как многие понятия обладают определенной эмоциональной ценностью, которая в речевом акте переносится на семантику слова, вследствие которого она получает (семантика) понятийную обусловленность [160, с. 66]. Например, в таджикском и французском языках

многие зоолексемы в своих метафоричных значениях имеют эмотивную коннотацию (положительную или отрицательную):

Хар – пер., неодобр. Упрямый, как осёл; упрямец; хар ҳамону полонаш дигар пог. Старая песня на новый лад [2, с. 643].

Гов – пер., прост.1. Тупица; неотёсанный; 2. пер. богатырь; силач [2, с. 151].

Булбул – соловей; булбули хушилхон – сладкоголосый соловей [Там же, с. 122].

D'abord, naturellement, j'avais pris mes précautions, sur les conseils de ce vieux renard d'Archevêque, dans cette lettre à mes bonnes villes vous désavouant, mais, surtout, je n'aime pas qu'on se dévoue pour moi (Anouilh, Jean . L'Alouette, 56) – Сначала я, натурально, принял свои меры предосторожности по совету этого старого **лиса** архиепископа, разослал письмо по моим славным городам, в котором развенчал вас. Вообще-то я не терплю, когда мне слишком преданы.

– *Et quel est donc l'âne **bâté** de médecin qui l'a soigné?* [220, с. 38].– Кто же тот безмозглый осёл, который выходил его?

Многие лингвисты часто акцентировали внимание на совмещение противопоставленных значений в семантической структуре слова. Например, Ю.Д. Апресян рассматривал каузативность как вид регулярной многозначности [12, с. 212]. В этом направлении значительный интерес представляет работа М.М. Покровского, уделявшего большое внимание такому понятию, как «двойственность» значения [161, с. 60]. В частности, автор отмечал, что многие французские слова, которые заканчиваются на *eux* совмещают непереходные и фактитивные значения, например: *lacrimosus* имеет значения *полный слез* и *плачущий* или *вызывающий слезы*. Или в

приведенных выше нами предложениях слова *осел* и *лиса* имеют также противоположные значения.

О возможности совмещения в семантической структуре противоположных значений писал и Ю.Д. Апресян. Основными аспектами противопоставления, согласно автору, могут быть следующие факторы: причина и следствие, объективное и субъективное, активный и пассивный залог [11, с. 137].

Анализ фактического материала (исследование зоолексем) показал, что в таджикском и французском языках противоположные значения в семантике слов совмещаются у существительных, характеризующих человека, его личностные качества / свойства.

Il y avait là des ânes bâtés, dont l'ignorance in omni re scibili était proverbiale, et qui n'en étaient pas moins investis d'une autorité souveraine in omni re scibili [208]. – Среди этих последних было немало форменных ослов, невежество которых *in omni re scibili* было общеизвестно, и все же они считались непогрешимыми авторитетами именно *in omni re scibili*.

Vous êtes un bon sujet, ce sont les plus vieux coqs souvent qui sont les meilleurs [243, с. 90] – Вы славный парень, и, знаете, старые петухи для *курочек* неплохи!

Et quand il s'éloigna un peu en arrière, elle tourna à demi-tour; son visage brillait d'amour, sa bouche et ses yeux étaient pleins de tentation, qui l'appelaient avec une telle force qu'il l'accompagnerait partout comme un chien fidèle [243, с. 23]. – И когда он отошел немного назад, она повернулась вполборота; ее лицо светилось любовью, губы и глаза были полны искушения, которые звали его с такой силой, что он сопровождал бы ее повсюду, как верный пес.

Как видно из данных предложений, анализируемая группа слов (зоосемы), способна нести определенную прагматическую нагрузку в текст. Входя в семантическую структуру текста, они делают его эмоционально окрашенными, передают чувства, переживания, различные эмоциональные состояния говорящего. Большое количество примеров эмоционально окрашенных предложений, включающих зоосемы, которые характеризуют человека, не оставляет сомнения в том, что их следует отнести к сфере эмотивной лексики, той лексики, которая участвует в создании прагматического эффекта предложения и текста.

Albina avançait avec le flair d'un jeune chien, sans rien dire, toujours à la recherche d'une clairière heureuse, même s'il n'y avait pas de grands arbres dont elle rêvait [242, с. 56] – Альбина шла вперед «чутьем молодой собаки», ничего не говоря, все еще ища счастливую поляну, хотя там не было высоких деревьев, о которых она мечтала.

*Il doit crever comme un **chien*** [243, с. 56]. – Пусть и околевает, как пес.

*Et il paraissait né pour les champs, avec sa lenteur sage, son amour du travail réglé, ce tempérament de **boeuf** de labour qu'il tenait de sa mère* [243, с. 78]. – Казалось, он с его мудрой медлительностью и любовью к размеренному деревенскому труду, с его унаследованной от матери выносливостью тягловой скотины был рожден для этих полей.

*Et son **loup** de père triomphait, l'appelait vadrouille, lui demandait si elle en avait assez et si elle comprenait suffisamment qu'elle devait lâcher l'espoir de lui échapper, à cette heure* [242, с. 31]. – А зверь-отец торжествовал, называл ее шлюхой, спрашивал, довольно ли с нее, поняла ли она, наконец, что ей теперь от него не спрятаться.

Alors les enfants se rassemblèrent autour de la grande chaire, montèrent sur le tabouret pour chanter, ouvrirent l'autel; tandis que d'autres, sans prendre de retard, risquèrent bientôt d'entrer dans le confessionnal [222, с. 45]. – Тогда дети толпились вокруг большой кафедры, взобрались на табурет для пения, открыли алтарь; а другие, не отставая ни на шаг, вскоре рискнули пробраться в исповедальню.

Puis en voici un vieux qui rit et nous crie, en dansant comme un ours: - Fous, fous, nous sommes tous fous, moi, toi, le médecin, le gardien, le bey, tous, tous fous! [208]. – А вот старик, который смеется и, приплясывая, как медведь, кричит нам: - Сумасшедшие, сумасшедшие, все мы сумасшедшие: я, ты, доктор, сторож, бей — все, все сумасшедшие!

Entre les deux jurons de l'autre, il se répétait à voix basse. - Allez, allez, calmez-vous, serpent! [208]. – Между двумя ругательствами друг другу он повторял вполголоса. - Иди, иди, успокойся, змея!

Moi, dit Paul, je sais comment il faut faire: je me coucherai à plat ventre - et je glisserai comme un serpent, sans respirer! [208]. — А я знаю, — сказал Поль, — как надо сделать: я лягу на живот и подползу к ним тихонько, как змея, ни разу не дыхну даже!

Развивая концепцию о том, что в любом естественном языке существует эмотивная семантика – отражение эмоций в языке, можно сделать вывод, что она (эмотивная семантика) не является однородной: один из её видов – эмотивное значение – является значимым и обязательным. Несмотря на свою самостоятельность эмотивное значение связано с конкретными образами, которые уже созданы и социологизированы, и не могут существовать независимо от понятий.

Заложенный В.И. Шаховским базис «лингвистики эмоций» был расширен О.Е. Филимоновой, которая рассматривала данное явление в междисциплинарном русле (автор опиралась не только на исследования эмоций в лингвистике, но и в психологии). Согласно точке зрения О.Е. Филимоновой, «исследование реализации эмоций в художественном тексте будет плодотворным при интеграции таких наук, как: психология, лингвистика текста, стилистика, прагмалингвистика, когнитология, литературоведение» [152, с. 49].

Вслед за В.И. Шаховским, в своем диссертационном исследовании мы выделяем следующие проекции, необходимые при исследовании эмотивов:

1. Дифференциация эмотивных знаков, которые служат для фиксирования различных выражений эмоций.
2. Эмоциональный тип *mind style* и его воздействие на образование языковой картины мира. Концепция эмоциональной языковой картины мира.
3. Коммуникативная функция эмоций.
4. Соотношение лексикона эмоций разных языков мира.
5. Национальное своеобразие репрезентации эмоций.
6. Признаки эмотивности языка и его знаков.
7. Взаимосвязь лингвистики и паралингвистики эмоций.
8. Эмотивность текста
9. Прагматическое описание и реализация эмоций, имитация эмоций [159, с. 23].

Исходя из того факта, что эмоции – это неотъемлемое явление человеческой коммуникации, то главной проблемой в лингвистике эмоции

выступает проблема человеческой эмоции, человек в языке. Успешная коммуникация требует тщательного отбора не только лингвистических средств, но и эмоциональных, так как именно они представляют собой «инструмент, при помощи которого исследуется динамическое эмоциональное взаимодействие языковой личности и окружающей действительности» [Там же, с. 50].

Невзирая на то, что в современной лингвистике эмоции начали исследоваться не так давно, данная область имеет хороший потенциал. В языкознании появилось новое течение – эмотиология. Данное направление представляет собой комплекс научных исследований в разных сферах знаний, которые затрагивают анализ эмоций, эмоциональной сферы человека.

1.4. Способы репрезентации эмоций в художественном тексте

Эмоциональная составляющая является основным компонентом семантической структуры художественного текста. При этом следует заметить, что эмоциональное состояние персонажей наблюдается не прямо, а посредством специальных мотивных знаков языка, которые можно наблюдать непосредственно [160, с. 64]. Здесь нельзя не согласиться с В.И. Шаховским, который отмечал: «В художественной литературе отражается реальная / вымышленная жизнь людей, полная эмоций» [Там же, с. 64]. Художественное произведение, как стилизация объективной реальности, несет в себе информацию о данной реальности и реализует чувства, эмоции, настроения персонажей во всем их разнообразии. Данной позиции придерживаются многие лингвисты: Л.Г. Бабенко [2004], И.А. Бескова [2011], М.Л. Бутовская, В.В. Воинова [2006], С.А. Григорьева [2001]. В художественных произведениях писатели широко применяют различные

стилистические приёмы: повторы, сравнения, вариации, градации. Данные приёмы дополняют, усиливают реализации, эмоционального состояния, испытываемые персонажами. Также следует заметить, что в художественном тексте наравне с указанными приёмами широко используются слова-конкретизаторы, которые выполняют те же функции, что и указанные приёмы.

Анализ эмотивности художественного текста требует учета таких эмотивных смыслов, как:

1. Эмоционально-оценочные
2. Изобразительно-жестовые.
3. Интерпретационные [20, с. 134].

Оценочные высказывания персонажей, как правило, включают эмоциональные смыслы, которые Л.Г. Бабенко относит к высказываниям-экспрессивам [Там же, с. 122]. В свою очередь, эмоционально-оценочные смыслы включают **эмотивно-оценочные рефлексy**. Особенность данных рефлексов заключается в том, что они замкнуты в субъекте и направлены на самого говорящего.

Приведем примеры:

- *Мегўям, ки омодаї? – Ба чї? – Пешидмат меояд. – Ҳа-а, - табассум кард ӯ, - ман ҳамеша омодаам. Пешидмат, духтараки бисту панҷ сисолаи муғулсимо ба хизмат ҳозир шуд ва ба додситон рӯ овард:*

- *Как всегда?*

- *Не, не – саросема гуфт ӯ. – имрӯз ҳар чї ки ин кас фармояд. Пешидмат бо хушҳолї гуфт:*

- У вас гості?

- Не, меҳмон ман! – **хушнудона гуфт додситон.** – Мизбон ин кас. Маро меҳмондорӣ мекунад [207]. – Я говорю, что ты готов? – К чему? – Приходит официантка. - Да, - улыбнулся он, - я всегда готов. Официантка, двадцатилетняя смуглая девушка, обратилась к прокурору:

- Как всегда?– Нет, нет, - поспешно сказал он. - что бы этот человек не приказал сегодня. Официантка с радостью сказала:- Он ваш гость?- Нет, мой гость! - радостно сказал прокурор. - Хозяин этот человек. Он меня сегодня угощает.

-En voici bien d'une autre! s'écria-t-il gaiement [240, с. 167]. – Вот тебе и раз! – **весело воскликнул он.**

Elle s'approcha avec eux, elle s'écria de son air gai: – Tiens! [242, с. 189]. – Подойдя к мужу, она, как всегда, **весело воскликнула:** - Да!

Ah! te voilà, père la Joie! s'écria-t-elle gaiement, en l'apercevant [243, с. 47]. - А, вот ты где, кутила! - **весело воскликнула Бабетта,** увидя Буррона.

Эмотивно-оценочные регулятивы направлены, напротив, на собеседника. Ярким атрибутом эмотивно-оценочных регулятивов выступает коннотативная лексика, а сам текст относится к разговорному стилю:

Rosalie, que l'allocution du prêtre ennuyait, tourna vivement la tête, souriant à l'enfant [242, с. 20]. – Розали наскучила проповедь священника; она **живо повернула** голову и улыбнулась малютке.

Изобразительно-жестовые смыслы предназначены, чтобы мимикой, жестами показать внутреннюю, скрытую эмоциональную жизнь персонажей. Другими словами, данные эмотивные смыслы реализуются имплицитно. Например:

- Бале, сивудуто! Чаро ин қадар зиёд? Барои он ки хӯрад! *Пеишхизмат абрӯвони думи мораширо ба ҳам кашида, пурсид: Все? Тамом! Вале ӯ нарафт. Ба додситон нигарист. Додситон ба Шариф шараф рӯ овард. – И-и-и ... Э қоил-е! О, чизи асосиро фаромӯш кардӣ-кӯ? – Чиро? Додситон бо лабханд гуфт: Ороми ҷонро. Вай ба худ қиёфаи қиддӣ гирифта пурсид: - Ороми ҷонаш чӣ? – Ҷӯ! – бо ханда нидо кард додситон. – Ороми ҷон – арақро! Вай мутаҳайир ба ӯ нигарист. – Шумо арақ менӯшед? О, рӯзи корӣ-ку? – Инро бин-а? Э ҳайрияте, майнаи карахту хоболуди маро ба кор даровардӣ. Як ба атроф нигар. Ҳама менӯшад [207]. – Да, все тридцать два. Почему так много? Чтобы поел! Официантка, нахмутив брови, спросила: - Всё? Всё!. Но она не уходила. Смотрела на судью. Э-э-э. Самое главное забыл! Что? Спокойствие! Он спросил: “Какое спокойствие?”. – Водку! Он странно посмотрел на него. – Вы пьёте? – Так сейчас рабочее время. Э-э, какой ты странный. Оглянись, все пьют.*

*Il débarrassait un buste de ses linges, il montra une figure longue, allongée encore par des favoris, monstrueuse de prétention et d'infinie bêtise [243, с. 34]. – Он раскутал один из бюстов и показал **вытянутое лицо**, еще более удлиненное бакенбардами, лицо, изобличавшее чудовищное самомнение и непроходимую глупость.*

*Il tressaillait d'avance de plaisir à la pensée de la tête son chef et ses collègues [208]. – Он затрепетал от восторга, представив себе, как **вытянутся лица** у начальника и сослуживцев.*

В приведенных выше текстах мимические жесты *абрӯвони думи мораширо ба ҳам кашида* – приподняв брови; *лабханд гуфт* – досл. Улыбающиеся губы – улыбнувшись; *figure longue* – вытянутое лицо являются указанием на реализуемую эмоции удивления, радости, при вербальное проявления эмоции не наблюдается.

Интерпретационный смысл является базовым и олицетворяет скрытое состояние души персонажей [20, с. 119].

Например:

Dents serrées, front plissé, j'appuyai mes mâchoires sur les poignets et mimai la concentration afin de contenter mon maître [208]. – *Сжав зубы и наморщив лоб, я **подпер голову** руками и, чтобы не гневать учителя, изобразил сосредоточенность.*

Следует заметить, что функцию своеобразных эмоциональных маркеров могут выполнять лексические единицы состояния, отношения, воздействия, качества, описания.

Н.Ф. Ежова, исследуя основные средства языковой реализации эмоций, выделяет следующие средства выражения эмоциональных концептов.

1. Лексические единицы, номинирующие многообразные эмоции и чувства человека.
2. Лексические единицы, описывающие эмоции и чувства человека.
3. Эмотивные средства. Данный способ, как отмечает Н.Ф. Ежова, является самым объёмным [77, с.12].

В художественной литературе основным репрезентантом эмоций выступают вербальные средства, которые авторы включают в прямую речь персонажей. При этом следует заметить, что невербальные средства играют одну из основных ролей, дополняя, порой полностью заменяя речь. Исследования показали, что в художественном тексте эмоции могут быть выражены невербальным способом. В частности, В.В. Воинова, исследуя выражение эмоций на материале детской речи, отмечает широкое

использование в речи автора языковых единиц, которые описывают жесты персонажей [42, с.9]. Согласно точке зрения О.Е. Филимоной, исследующей специфику репрезентации эмоции в художественном тексте (на материале современной драматургии), «ремарки категории эмотивности представлены описанием невербальных способов реализации эмоций и способов, сопровождающих языковое выражение эмоций (описанием голоса, выражением лица, описание походки и т.д.)» [152, с.25].

Приведем примеры:

Модагург мингосзанон гириста, чунон ки ба думаи отаи афтида бошад, дар атрофи худ бадард гирд мегашт. Гоҳ-гоҳ хуни болои санғо ва тани сарду бепӯсти Ғазабро бӯй мекашиду аз ранҷу алам аз зояти раҳму шафқат бадтар девона шуда, бо гирд мегашт. Баъд вай муддате ба суриштишаста, ба он чизе, ки аз Ғазаб монда буд, дуру дароз нигарист; дигар оби дида намерехт, - хушк гардида буд чаишаи ашкани гӯё тамоман ....Модагург ба осмон назар давонд ва маҳтобро ёфта, ба сӯяи, чун ба ӯ Офаридгори ҳама вучуди зинда, аз мағз-мағзи дилу ҷигар уллос кашид. Ба ин уллоси ҷонситон дараҳо пайиҳам акси садо доданд. Вай боз уллос кашидан хост, ки ин чӣ бераҳмӣ! Вале натавонист: ба ҷойи он аз гулуяи мингосе баромад, ки беиштар нолаи беморро дар интизори марги ногузир мемонд [213, с. 63]. – Волчица жалобно заскулила и продолжала крутиться на месте, словно что-то обожгло её хвост. Она обнюхивала, запёкшуюся на камне кровь и изуродованное тело Серого. Она кружилась снова и снова от боли, страдания, скорби и желания отомстить – особенно той рыжей собаке, с отрезанными ушами. Потом она присела и не отрывала взгляд с того, что ещё вчера было Серым, но она уже не плакала, словно навсегда высок родник её слёз. Она подняла глаза к небу, найдя круглую луну, издала жалобный вой. Всем своим существом, болью на сердце она обратилась к Создателю, жалуясь ему на несправедливость. Словно эхо повторялся в

ущельях её душераздирающей вой. Она перевела дыхание и хотела завывать еще и пожаловаться на жестокость людей, но голос ее сорвался, и она издала звук, похожий на слабый плач.

*Dans cette foule bruyante, on remarque un groupe de trois personnages qui s'entretiennent à voix basse avec des gestes désespérés. C'est Gabriel, le maître de chant; Mercier, l'administrateur, et le secrétaire Rémy [208]. – В этой нестрой толпе трое мужчин о чем-то спорили **низкими голосами**, отчаянно жестикулируя: Габриэль, хормейстер, Мерсье, администратор, и Реми, секретарь.*

*Mais à peine Meaulnes avait-il pu jeter un coup d'oeil, qu'il entendit sur le palier un bruit de pas étouffé et de conversation à voix basse [208]. – Но едва Мольн успел взглянуть на них, как на лестнице послышался приглушенный шум **шагов и тихие голоса**.*

Таким образом, в художественном тексте для репрезентации эмоции, наравне с собственно эмотивными способами, особая роль отводится невербальным средствам выражения эмоционального состояния персонажей.

В художественном тексте неязыковые или параязыковые способы репрезентации эмоции выступают неотъемлемым атрибутом не только речевого акта, но и в письменной речи. Невербальные средства выражения эмоции в коммуникативном акте представлены «опосредовано, так как писатель может обращать на них внимание или не обращать, использовать разные средства выражения эмоции и по-разному использовать их в том или ином тексте [105, с. 132]. Невербальную коммуникацию Г.Е. Крейдлин рассматривает как смысловую сферу человека. Она выступает непосредственным каналом для передачи личностных смыслов [98, с. 129]. Неязыковые средства репрезентации эмоции в устной речи являются обязательным компонентом, быть намеренным / ненамеренным. Однако в

письменной речи им отводится второстепенная роль, они – не обязательное условие существования коммуникации, так как только авторский замысел определяет наличие или отсутствие неязыковых компонентов в художественном повествовании [38, с. 23].

Параязыковые средства в структуре художественного текста очень важны и обязательны, так как они придают речи героев точность, приближают коммуникативную ситуацию в текстовом пространстве к ситуации межличностного общения.

Многие исследователи отмечают, что именно невербальные средства репрезентации эмоций являются наиболее достоверными, так как они в меньшей степени подвергаются ментальному контролю. «Невербальные средства являются спонтанными, бессознательными и, в отличие от вербальных средств, всегда искренне» [118, с. 17]. В лингвистической литературе термин параязык, который был введён для номинации неязыковых средств выражения эмоции, обозначает явления и факторы, которые сопровождают речь, но не являются языковым материалом. Например: пауза нерешительности, модуляция голоса, визуальный контакт коммуникантов [105, с. 106]. Г.Е. Крейдлин рассматривает параязык как «звуковой код дополнительный к речевому коду, включенный в процесс коммуникации и способный в данном процессе передавать смысловую информацию» [98, с. 24].

А.Т. Хроленко, исследуя употребление параязыковых средств в художественном тексте, выделяет следующие структурные элементы: паралексему и паракинему. Согласно А.Т. Хроленко, паракинема – это слово или группа слов, которые описывают конкретный жест. Паралексема представляет собой слово или группу слов, которые передают закреплённую в тексте интонацию или различные фонации [90, с. 125].

1.5. Эмоциональная картина мира

В ходе анализа теоретической лингвистической литературы было установлено, что языковые формы существования языковой картины мира имеют свою особую разновидность – языковую картину мира. Языковую картину мира мы рассматриваем как совокупность понятий, концептов, человеческие знания, которые оформлены определенными языковыми знаками.

Термин «языковая картина мира» связан с такими понятиями как: картина мира, концептуальная картина мира. Язык, как известно, играет важную роль в динамике концептуализации объективной действительности, следовательно, концептуальная картина мира вербализуется языковой картиной мира. Здесь нельзя не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой, отмечающей следующее: «концептуальная картина мира репрезентируется при помощи языковых знаков, а часть её фиксируется в человеческой психике посредством ментальных репрезентаций (таких как: образ, схема, картинки) [101, с. 34]. Образы автор рассматривает как абстрактные, идеальные объекты, куда человек переносит полученные знания объективной действительности.

Термин «концептуальная картина мира» шире языковой картины мира. Языковая картина мира «подчиняется» концептуальной картине мира, внутри которой следует выделить различные зоны вербального воздействия [Там же, с. 45]. Основной зоной является та, которая влияет на формирование концептов и понятий. С одной стороны, человеческое знание проходит языковую обработку говорящими на том или ином языке и облекается в языковую форму. С другой стороны, возникновение новых понятий происходит по старой схеме, то есть их появление обусловлено влиянием концептов, которые уже имеют вербальное выражение. Следовательно,

концепты и понятия обладают конвенциональной языковой формой реализации. В данной зоне происходит слияние концептуальной картины с языковой. Существует и другая зона, в которой языковое воздействие абстрагировано на основе определенных свойств языковых знаков.

Таким образом, языковая картина мира образуется при помощи двух зон – зоны прямого и опосредованного воздействия языка на концептуальную картину мира. Вербальный этап выступает связывающим звеном концептуальной и языковой картин мира.

Эмоциональную языковую картину мира мы рассматриваем как одну из разновидностей языковой картины мира. Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность эмоциональных образов, понятий. Вербализуясь, данные элементы образуют сложное структурно-смысловое моделирование. Элементы, которые образуют эмоциональную языковую картину «эмоционально» обрабатываются человеком. Следовательно, эмоциональная языковая картина мира представляет собой оценочную деятельность человека при ментальном освоении окружающей действительности. Исходя из того факта, эмоциональная языковая картина мира находят отражение в человеческом сознании, её зарождение, развитие детерминированы самим языком.

Термин «эмоциональная языковая картина мира» тесно связан с термином «эмоция». Эмоции, будучи ментальной категорией, доступны не каждому индивиду вследствие индивидуально-психологического характера тех или иных эмоций. В эмоциях находит отражение этнокультурная специфика модели мира. Каждая лингвокультура обладает своими понятиями (концептами), определяющими структуру ментального мира индивида. Следовательно, эмоциональные концепты представляют собой этнокультурно обусловленные ментальные модификации, включающие не

только универсальные структуры, но и специфические фиксаторы, актуальные для конкретной лингвокультуры.

Выводы по первой главе

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования.

Эмоции в системе таджикского и французского языков являются значимой категорией не только в коммуникативном пространстве, но и в текстовом, моделируемые авторами. Эмоциональная составляющая и способы её репрезентации представляют значительный интерес для исследователей. В свете сказанного важен междисциплинарный подход изучения эмоций, предполагающий исследование эмоции с позиции лингвистики, психологии, философии и т.д.

Языковые и неязыковые эмоции, функционированию которых посвящена данная диссертационная работа, мы относим к активным эмоциям, которые влияют на человеческую деятельность и к эмоциям с высокой степенью интенсивности.

Лингвисты рассматривают эмоции в русле нового направления науки эмотиологии, решающей также вопросы взаимодействия эмоции и когнитологии. Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства эмоций недостаточно познаны (еще познаются, требуют дополнительного рассмотрения). Так, в частности, функционирование эмоций в художественном тексте могут быть рассмотрены в новом ключе (с учётом специфики разноструктурных языков), так как эмоциональная составляющая представляет собой важный атрибут любого художественного произведения. В художественном тексте могут

функционировать разные эмотивные смыслы. К эмотивным смыслам относятся: эмоционально-оценочные, изобразительно-жестовые и интерпретационные. Данные смыслы репрезентируются в текстовом пространстве как при помощи языковых элементов, так и параязыковых компонентов, которые также значимы в репрезентации различных эмоций.

Наряду с этим необходимо отметить следующее: в любом естественном языке существует эмотивная семантика – отражение эмоций в языке, можно сделать вывод, что она (эмотивная семантика) не является однородной: один из её видов – эмотивное значение – является значимым и обязательным. Несмотря на свою самостоятельность эмотивное значение связано с конкретными образами, которые уже созданы и социологизированы, и не могут существовать независимо от понятий.

Теоретический анализ литературы показывает, что проблема эмоций рассматривалась достаточно широко. В то же время целый ряд конкретных вопросов, связанных с эмоцией остается мало разработанным. К этим вопросам можно, прежде всего, отнести:

1. Необоснованность противопоставления интеллектуального и эмоционального в семантической структуре слова.
2. Ошибочное включение эмоциональных элементов семантики языковых единиц к непонятийным компонентам.
3. Включение всего эмотивного в языке за пределы языкознания.

Данные выводы позволяют с новых позиций изучать семантическую структуру языковых единиц и место эмоций в данной структуре и вообще в

системе разноструктурных языков, в частности в таджикском и французском языках.

Г Л А В А - П

Языковые и неязыковые средства репрезентации базовых эмоций во французском и таджикском языках (на материале художественной литературы)

2.1. Вербальные средства реализации базовых эмоций

Современный этап сопоставительных исследований разносистемных языков характеризуется повышенным интересом к лингвопереводческим аспектам анализа языковых средств. Этот интерес обусловлен тем, что сопоставительные исследования нацелены на выявление изоморфных черт в системах двух языков. Теория перевода имеет дело с текстами, в которых нет деления на отдельные единицы и ярусы языковой структуры

Следовательно, сравнительное исследование языков требует не только установление номенклатуры, но и выявление как семантических, так и структурных универсалий и специфики в системе разноструктурных языков. Если для теории и практики перевода подобные расхождения рассматриваются как релевантные, то для сравнительного исследования главное – семантическое тождество исходного языка и языка перевода.

На первый взгляд цели и задачи исследований в области сопоставительной лингвистики и теории перевода кажутся несовпадающими по своим конечным перспективам, однако в настоящее время немало исследований, в которых материалом для контрастивного анализа служат тексты перевода. На наш взгляд, это правомерно, так как парадигматическое противопоставление лексических единиц и грамматических форм, синтаксических конструкций и стилистических приемов не дает объемной

картины, так как языковой материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике. Гораздо более полное представление о межъязыковых корреляциях возникает при активном привлечении материалов переводов. Парадигматически выявленные потенциальные эквиваленты слов и конструкций исходного языка и языка перевода проходят проверку на субституцию в текстах оригинала и перевода, которая подкрепляется количественными данными, частотностью встречаемости в этих текстах и взаимозаменяемости, что порой очень существенно корректирует наши представления об анализируемых явлениях. На основе материалов переводов исследователь определяет частотность встречаемости окказиональных эквивалентов, у некоторых у которых, находящихся на парадигматической периферии, частотность в практике перевода достаточно высока.

Результаты исследований показывают, что перевод позволяет выявить случаи, когда частотными эквивалентами исходного языка и языка перевода становятся языковые единицы, парадигматически не отождествляемые как таковые и не включаемые, следовательно, в число потенциальных, системных языковых эквивалентов, то есть формируется новая синтагматическая парадигматика единиц исходного языка и языка перевода.

Общеизвестно, что при сопоставлении языковых единиц двух языков совершенствуются наши знания каждого из этих языков в отдельности, так как многие специфические особенности языка эксплицируются только при сравнении. Поэтому очевидно, что лингвистическая теория перевода может быть успешно разработана только в том случае, если предварительно будут вскрыты и описаны черты сходства и различия двух языков, составляющих переводческую пару, то есть исходного языка и языка перевода [136, с. 148].

В сопоставительной лингвистике к настоящему времени наметились две тенденции: сопоставление отдельных соотносительных по семантике слов двух языков и сопоставление целых лексико-семантических групп слов [74, с. 265].

В исследованиях первого рода проводится анализ отдельного слова, которое служит исходным пунктом и конечной целью анализа. В ходе анализа для сопоставления привлекаются другие словарные единицы – синонимы, антонимы, но эти связи не стоят в центре внимания: их прослеживание носит вспомогательный характер. Цель исследований второго рода – рассмотрение группы слов: анализ начинается с вычленения соотносительных лексико-семантических групп слов, затем исследуются члены этих групп во взаимном внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении. Целью анализа является выяснение структурно-семантических отличий отдельных слов, а также состава лексико-семантических групп слов двух языков.

Соотносительные слова двух языков могут рассматриваться в качестве потенциальных эквивалентов. Эквивалентность слов показывает их соотносимость, возможность переводимости с языка на язык и вместе с тем не снимает и не затушевывает национального своеобразия лексики разных языков [140, с.10].

Как известно, путь к выявлению алломорфных и изоморфных явлений в семантике, сочетаемости лексических единиц лежит через их сопоставительный анализ, необходимость и актуальность которого неоднократно подчеркивалось в работах отечественных и зарубежных ученых: Д. Нурматов [2006] – Национальная специфика и универсальные свойства глаголов со смысловой основой отношения в таджикском и русском языках: сопоставительный аспект, Функционально-семантическое поле

модальности предложения и способы его выражения в разносистемных языках: на материале английского, русского и таджикского языков; Ф.Ш. Солихов [2015] – Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках; Н.Р. Ганиева [2004]; В.Г. Гак [2018].

Нельзя не согласиться с Р.А. Будаговым, который отмечал, что проблема сходства и различий соотносительных слов в разных языках практически хорошо известна переводчикам, но до сих пор мало освещена в теоретической семасиологии. Он считает, что изучение особенностей значений и сочетаемости соотносительных слов в разных языках должно стать предметом специального исследования [32, с. 19].

Для обнаружения и описания таких особенностей необходимо использовать определенную совокупность и последовательность рабочих приемов, направленных на их раскрытие, то есть необходима методика сопоставления соотносительных лексических единиц двух языков.

Сопоставительное исследование лексики не может производиться без обращения к переводу. По мнению ряда лингвистов, сущность сопоставительных исследований сводится к следующему: «прежде всего мы должны установить, что некоторые явления двух и более языков эквиваленты по значению, то есть проще, переводят друг друга хотя бы частично. Затем мы устанавливаем их сходство и различие» [143, с. 215].

Успешный опыт использования перевода в качестве критерия проверки результатов сопоставительных исследований, как приема для обнаружения системных отношений в лексике, особенностей семантических структур и сочетаемости, национальной специфики сопоставляемых языков, был наглядно продемонстрирован в ряде интересных исследований [46, с. 19].

Для того чтобы раскрыть подлинную систему лексико-семантических отношений между соотносительными словами, необходимо подвергнуть планомерному сопоставлению максимально большое количество речевых контекстов, в которых встречается исследуемое слово, с переводами в другом языке в пределах одного жанра [64, с. 87].

Все качественные и количественные характеристики объектов сопоставления должны основываться на материале выборок, поэтому их объем должен быть одинаковым для каждого из языков, а тексты принадлежать к одному функциональному стилю.

Как отмечает Г.В. Быкова, метод всегда является системой, а основой конкретного лингвистического метода является какая-нибудь специфическая сторона языка, изучение которой предполагает разработку определенной совокупности научно-исследовательских приемов и аспектов исследования, методики их применения на практике [33, с. 23].

Ряд исследователей, проведя границу между тремя методами, которые предполагают использование приемов сравнения и сопоставления – сравнительно-исторический, типологический и сопоставительный, приходят к выводу, что сопоставительный метод предполагает сравнение синхронного состояния фонологических, лексических и грамматических аспектов языков независимо от их происхождения, а также направленность подобных исследований на выявление не столько общих закономерностей, сколько частных особенностей изучаемых языков, установление идиоматичности одного языка относительно другого [143, с. 34].

Во многих работах подчеркивается системный характер сопоставления, взгляд на него как на определенную последовательность решения нескольких типовых задач. Значительный интерес представляет работа Ю.Н. Пинягина [128, с.10].

Предлагаемая нами методика сопоставительного исследования эмотивной лексики, включает в себя как составную часть и переводческие аспекты, состоит из двух этапов. Первый этап – сопоставление в плане языка, второй – в плане речи. При таком подходе исследования учитываются, во-первых, данные лексикографических источников; во-вторых, подробно изучаются синтагматические связи слов в текстах.

Задачи первого типа сопоставления:

1. Выявление смысловых структур лексических единиц по материалам словарей.
2. Отождествление совпадающих лексико-семантических вариантов по семантике слов и установление коэффициентов семантической близости для каждой пары лексем таджикского и французского языков.

Второй этап сопоставления опирается на анализ материалов выборки, представляет собой комплекс аспектов исследования соотносительных лексем в речи, синтагматике. Объективному анализу внутреннего содержания этих лексем способствует вычленение их из контекста и рассмотрение соотношения синтаксических и лексико-семантических словосочетаний. На этом этапе основными аспектами и задачами исследования являются:

1. Сопоставление семантических структур лексем с учетом синтагматического этапа их исследования.
2. Выявление основных тенденций в лексической сочетаемости анализируемых лексем; рассмотрение валентных наборов этих слов в качестве формального критерия подтверждения коэффициентов их семантической близости.

3. Сопоставление моделей синтаксической сочетаемости тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных эмотивных лексем таджикского и французского языков.

4. Установление степени семантического и структурно-семантического тождества и идиоматичности таджикских и французских словосочетаний относительно их переводов.

5. Исследование транспозиции как проявление тенденций алломорфизма во взаимодействии структуры и семантики компонентов словосочетаний исходного языка и словосочетаний-соответствий в языке переводе.

Последние три из пяти рассмотренных аспектов исследования соотносительных лексем в синтагматике непосредственно связаны с переводом.

Переходим к анализу базовых эмотивных лексем «*хушӣ* – *joie* – *радость*» и «*гам* – *affliction* – *печаль*» в таджикском и французском языках по первому этапу.

Далее более подробно рассмотрим значение эмотивной лексики *хушӣ* – *радость*.

Словарная дефиниция данной лексики: *Хушҳолӣ* – *довольство; удовлетворение; радость, веселье* [2, с. 669].

Мы также установили семантические блоки данной лексики. Они выглядят следующим образом.

1. *Хушнудӣ* – *радость*
2. *Хушҳол* – *довольный; радостный; веселый.*

3. *Хуишхолкунанда* – радующий, веселящий; отрадный, радостный.

4. *Хуишхолона* – довольно; радостно, весело; довольный; радостный, веселый.

5. *Шодмонӣ* – радость.

6. *Шодӣ* – радость, довольство.

В данный блок мы также включили лексическую единицу *хуш* – 1. *Хуб, нек; зебо, дилкаш* – хороший; красивый, привлекательный.

Одно из значений данной лексики – *шод, хурсанд, хуррам* – радостный, счастливый [199, с.512].

Лексико-семантические варианты таджикской эмотивной лексики: *хурсандӣ, шодӣ, хушнудӣ, шодмонӣ, хушӣ* – радость.

В толковом словаре французского языка слово *joie* – **радость** имеет значение [7]: *Sentiment de plaisir, de bonheur intense, caractérisé par sa plénitude et sa durée limitée, et éprouvé par quelqu'un dont une aspiration, un désir est satisfait ou en voie de l'être : Ressentir une grande joie. Être fou de joie.* – Чувство удовольствия, сильного счастья, характеризующееся своей полнотой и продолжительностью и испытываемое тем, чье стремление, желание удовлетворено или находится в процессе удовлетворения: *Испытывать большую радость. Быть вне себя от радости.*

Семантические блоки:

1. **Bonheur** – *Bonne chance, circonstance favorable : Nous avons eu le bonheur d'arriver à temps* – *Удача, благоприятное обстоятельство* – Радость – это счастье.

2. **Plaisir** – *État de contentement que crée chez quelqu'un la satisfaction d'une tendance, d'un besoin, d'un désir* – *Состояние удовлетворенности* – Радость – это удовольствие.

3. **Tristesse** – *État de quelqu'un qui éprouve du chagrin, de la mélancolie ; affliction* – *Состояние человека, переживающего горе, меланхолию; несчастье* – Радость – отрицательная ассоциация.

4. **Sourire** – *Témoigner à quelqu'un de la sympathie, de l'affection, de la gentillesse, en lui adressant un sourire* – *Показывать кому-то сочувствие, привязанность, доброту, подарив им улыбку* – Радость – положительная ассоциация.

Интересно заметить, что известное французское выражение «*saracité à vivre*» - «умение жить» – обозначает радоваться каждой минуте, каждому дню; умение радовать себя каждый день.

Лексико-семантические варианты лексемы **joie** – **радость**: *allégresse - béatitude - exultation - félicité – jubilation – радость - блаженство - ликование - блаженство – ликование.*

Со всей определенностью можно утверждать, что французская лексема **joie** – **радость**, первоначально связанная с идеей удовольствия, ассоциируется с образом человека. Данная лексема чаще всего употребляется при описании характера человека, в то время как таджикская лексическая единица **хушӣ** – **радость** характеризует состояние человека. Французская лексема в отличие от таджикской имеет также отрицательную коннотацию.

Обратимся к рассмотрению лексических эмотивов «**gam** – **affliction** **печаль**».

В толковом словаре таджикского языка слово **гам** имеет значение [199. с. 645]:

Гам – гусса, андӯҳ, хафагӣ – печаль, грусть, скорбь.

Гам гирифташан – аз касе қасос ва ниқор гирифташан – совершить месть по отношению кому-либо.

Гам гусордан – гам хӯрдан, гам дидан – печалиться.

Французская эмотивная лексема **affliction** имеет значение [www.larousse.fr]: *Peine profonde ; abattement, détresse* – (лат. церковная скорбь) Литературный. *Глубокая печаль; уныние, бедствие.*

На материале таджикско-русского словаря мы выделили семантические блоки слова **гам** [2, с. 166].

1. **Забота.** *Дар гами касе будан – забодиться о ком-либо.*
2. **Тревога.** *Гами зиндагӣ, гами рӯзгори хона, гаму қулфат – жизненные невзгоды.*
3. **Помощь.** *Гами касеро хӯрдан - помогать кому-либо, печалиться о ком-либо.*
4. **Собственное благополучие.** *Дар гами ҷони худ будан – думать о собственном благополучии.*

Семантические блоки французской лексемы **affliction** выглядят следующим образом.

1. *État de quelqu'un qui est abattu physiquement ou moralement ; épuisement, prostration, découragement : Une période d'abattement causé par la maladie. – Состояние человека,*

который физически или морально угнетен; истощение, протрация, уныние: период депрессии, вызванный болезнью.

2. *État d'un lieu inhabité, désert, dépourvu de verdure : Pays de désolation.* – Безлюдное место, пустыня.

3. *Peine extrême, affliction extrême ; consternation : Être plongé dans la désolation.* – Крайняя скорбь; смятение: погрузиться в печаль.

4. *Ce qui est cause d'une grande contrariété .* – То, что вызывает сильное раздражение.

Второй этап сопоставления, как было отмечено выше, представляет собой исследования соотносительных лексем в художественной речи.

Примеры из художественной литературы:

*Ин дили шоди маро ношод кардї, шод бош,
Орзуҳои маро барбод кардї, шод бош.*

*Аз туву аз ишқу аз меҳру сафову мардумї
Ҳар чї ҷамъ оварда будам, бод кардї, шод бош.*

*Гуфта будам мерасї бар доди дил, фарёди дил,
Доди ман нашиндаву бедод кардї, шод бош!* [207].

Ты сделала мое счастливое сердце несчастным, будь счастлива

Ты разрушила мои мечты, будь счастлива.

От тебя, от любви, от добра и человечности

Что бы я ни собирал, ты все разрушила, будь счастлива.

Я сказал, что ты достигнешь “крика сердца”,

Ты не слушала меня и кричала, будь счастлива.

Память о тебе словно биение в моем сердце.

На материале французского языка:

Il les écarta de ses genoux, ressentant de la douleur, sentant leurs mains reposer sur ses vêtements, ne se souciant pas de faire exploser la joie des autres pères [243, с. 78]. – Он отодвинул их со своих колен, испытывая боль, чувствуя, как их руки касаются его одежды, не заботясь о них, не чувствуя радости других отцов.

Quelques instants plus tard, elle ne pensait qu'à son entreprise; et ce rêve qu'elle chérissait de ramener Albert à sa famille donnait une sorte de joie naïve à la monotonie de ses activités [242, с.56]. – Несколько мгновений спустя она думала только о своем бизнесе; и эта мечта, которую она лелеяла, вернуть Альберта к его семье, придавала своего рода наивную радость монотонности его жизни.

La nécessité de la séparation l'a amenée aux larmes; mais elle se répétait avec son grand courage que c'était nécessaire, qu'elle n'aurait plus de paix ni de joie si elle agissait autrement [208]. – Необходимость разлуки доводила ее до слез; но она повторяла себе со своим великим мужеством, что это необходимо, что у нее больше не будет ни покоя, ни радости, если она будет действовать иначе.

Des larmes lui vinrent aux yeux quand on parla du grand-père, et il parut éprouver une affliction profonde. – Он был подавлен всем этим и плакал, слушая рассказы о старике [208].

В своем исследовании мы понимаем значение и смысл не как бинарные понятия, а как принадлежащие к разным языковым уровням и находящиеся собственно в иерархической зависимости друг от друга. При рассмотрении отношений между семантикой слова и текстом мы исходим из структурной организации языка как иерархически организованной системы языковых

уровней, «находящихся между собой в определенных закономерных соотношениях» [93, с. 187]. Каждый уровень содержит ограниченный набор неразложимых с точки зрения данного уровня единиц и правил, по которым единицы, сочетаясь друг с другом, образуют единицы другого более высокого уровня. Согласно этой концепции, базисной единицей лексического уровня является слово, единицей синтаксического уровня считается предложение, а единицей суперсинтаксического уровня – микротекст.

Каждое слово содержит в себе определенное значение.

Являясь основой структурно-семантической единицей языка, оно обладает относительной самостоятельностью в пределах языковой системы. Слово – это предельная составляющая предложения, «способная непосредственно соотноситься с предметом мысли» [18].

Представляется необходимым отграничить предложение и микротекст, так как они не являются равноправными уже хотя бы потому, что предложение является компонентом микротекста, единицей нижележащего языкового уровня.

Основным средством реализации смысла предложения является его формально-грамматическая структура. Она определяет субъектно-предикативные отношения между элементами предложения. «Предикация рассматривается как обязательный и неотъемлемый признак предложения» [53, с. 138]. Если формальная сторона смысла, то есть определение в нем элементов «данного» и «нового» выражена вполне определенно, то эстетическая сторона смыслового содержания в нем только намечена. Она может имплицитно присутствовать в предложении и приобретать языковую эксплицитность только под влиянием всей системы средств связей, действующих в микротексте.

В микротексте каждое предложение занимает место, определенное общим смыслом отрывка. Порядок следования предложений в синтагматическом ряду играет ведущую роль в микротексте. Конвергенция формально-грамматических, лексических и стилистических связей диктует каждый раз свою неповторимую «субординацию» смыслов предложений в составе микротекста. Семантическая структура отрезка текста, больше чем простое предложение, подчиняется более сложным законам согласования между его элементами, чем формально-грамматические связи между элементами предложения. Лексические единицы линейно организованные отражают динамику движения единой мысли, ее развитие от предложения к предложению. Степень смысловой значимости отдельных предложений в микротексте определяется функциональным анализом с использованием метода функциональной перспективы.

В зависимости от того, какой тип связи преобладает внутри микротекста – логический или стилистический – можно соответственно выделить логический и стилистический смысловые центры.

В микротексте с логическим смысловым центром преобладает формально-грамматический тип связанности. Логика рассуждения, установление причинно-следственных отношений выработали определенную схему построения высказывания. Если смысловой центр располагается в начале отрывка, то последующие предложения поясняют, аргументируют его смысл, одновременно обогащаются дополнительными смысловыми оттенками значение актуализированного слова. Логическая спаянность предложений в микротексте сама выдвигает смысловой центр, его эстетическая значимость, сфокусированная в актуализированном слове, поддерживается ассоциативными отношениями в синтагматике. Опорой для ассоциаций служит семантическая связь, которая выделяет в предложениях микротекста опорные слова или точки опоры для реализации

актуализированного значения слова смыслового центра. Опорные слова несут в себе общую сему, потенциальную или окказиональную, для актуализированного слова (под потенциальной семой мы понимаем сему, имеющуюся в самой лексико-семантической структуре слова, под окказиональной – сему, не характерную для семантической структуры слова), которая и вызывает семантическое осложнение слова.

Смысловый центр может располагаться в конце отрывка, им как бы подводится черта под общим смыслом. Он выполняет роль логического умозаключения. Здесь используется преимущественно цепной тип связи (последовательное развитие мысли): каждое предложение последовательно связано друг с другом.

Связь конечного смыслового центра со смыслом всего микротекста более тесная и напряженная, чем у анафорического смыслового центра. Логическое движение смысла здесь подкрепляется ассоциативной связью, которая реализуется путем использования стилистических приемов, таких, например, как параллельные конструкции, антитеза, нарастание, лексический повтор.

В случае актуализации в одном смысловом центре двух слов с противоположным значением в микротексте образуются две линии ассоциативных связей.

Если смысловый центр располагается в середине, то в микротексте обычно действуют два типа формальной связи, последовательно сменяющие друг друга: цепная связь, идущая от начала микротекста к смысловому центру, сменяется лучевой или параллельной. Соответственно в отрывке происходит вначале прогрессивное, затем регрессивное движение смысла, которое носит центростремительный характер. Если центр заключает в себе два актуализированных слова, являющихся словарными антонимами, то

контекст способен затушевать у них контрастные семы и актуализировать общую сему.

Рассмотрим примеры, употребления эмоциональных лексем *радость* и *печаль*. Интересно заметить, что контрастное употребление лексических единиц *радость* и *печаль* в одном микротексте было выявлено как в таджикском языке, так и во французском.

Бегам *ҳама* *гамхорҳо,* *бесар* *ҳама* *сардорҳо,*
Аз *ваъда* *пур* *толорҳо,* *холӣ* *ҳама* *анборҳо.*
Пур *шуд* *агар* *сад* *кисае,* *холист* *милйун* *косае,*
Хориш *миллатро* *бубин* *дар* *кӯчаву* *бозорҳо.*
Хушкида *оби* *рӯйҳо,* *гандида* *оби* *чӯйҳо,*
Пӯсида *наъши* *одамӣ* *дар* *чолаҳо,* *дар* *зорҳо.*
Оҳангашон *ҳанги* *хару* *фарҳангашон* *банг* *асту* *ҷанг,*
Симои миллат зишт шуд аз зишти кирдорҳо.

Еще пример:

Фарёдҳо, *афсӯсҳо* *аз* *марги* *созу* *сӯзҳо!*
Вовайлато, *воҳасрато* *аз* *марги* *нангу* *орҳо!*
Бар *ҳоли* *ту* *мегирӣамо,* *ҳар* *лаҳзае* *мемирамо*
Эй халқ, халқи содадил, бо андуҳу тиморҳо...

Хандон *агар* *намекунӣ,* *гирён* *макун* *маро,*
Обод *агар* *намекунӣ,* *вайрон* *макун* *маро.*
Хушбахт *агар* *намекунӣ,* *аз* *бахт* *дам* *мазан,*
Шодон *агар* *намекунӣ,* *нолон* *макун* *маро.*

На материале французского языка:

*Mes petits enfants, vous pleurerez d'abord, mais votre **affliction** se changera en joie.* – Дети мои, вначале вы будете плакать, но ваша печаль обратится в радость. *Et la vie me reprit, avec ses **hauts**, ses **bas**, ses **changements** de visage, ses liaisons finies aussitôt que commencées... et ses sautes brusques des intérieurs opulents dans la rue... comme toujours* [208]. – И я попала в водоворот жизни с ее **радостями и печальми**, с этой постоянной сменой лиц, новыми знакомыми, с неожиданными вылетаниями на улицу из роскошных домов... как всегда... *J'y veux partager vos **peines et vos joies**, reprit Consuelo, et je ne désire pas d'autre satisfaction que d'y être associée par votre confiance et votre amitié* [208]. – Я хочу делить с вами ваши **печали и ваши радости**, – ответила Консуэло, – и не желаю иного удовлетворения, как заслужить ваше доверие и дружбу.

Яркая экспрессивная окраска смыслового центра (выделен жирным шрифтом) создается семантическим контрастом соположенных лексических единиц *Безам ҳама гамхорҳо – без печали все печали; Хандон агар намекуни, гирён макун маро – если не будешь смеяться, то заплачь; **affliction se changera en joie – печаль обратится в радость***. Вне контекста экспрессивная окраска приведенных предложений не эксплицирована.

В приведенных выше микротекстах ведущие сема «душевная горечь» в словах *гам – **affliction*** заглушается, отходит на второй план, на первый план выходит другая, потенциальная сема, сема притяжения. Яркий контраст притягивает внимание. Основным стилистическим приемом реализации смысла, придания ему единой эстетической значимости является использование параллелизма. Последовательное чередование параллельных конструкций придают определенный ритм всему высказыванию.

Стилистический эффект нарастания эмоциональной напряженности передается глаголами *Хандон агар намекунӣ, гирён макун маро – если не будешь смеяться, то заплачь; affliction se changera en joie – печаль обратится в радость.*

Сдвиг значения происходит и в словах *шод – en joie – радость.* В функциональном отношении слова *гам – безам; en joie – affliction* являются равнозначными элементами одного и того же смыслового центра микротекста. Имплицитно выраженный сдвиг значения в словах *гам – affliction* становится эксплицитным. Лексические единицы *гам– affliction* являются резюмирующими в описании чувств.

Одновременно под влиянием слов *безам – joie* в словах *гам* и *affliction* проявляется еще одна актуализированная сема, сема притяжения. Данные семы передают эмоциональное воздействие.

Динамика смыслового напряжения в микротексте вызывает в семантической структуре актуализированных слов своеобразную «игру сем».

В рассмотренных выше микротекстах непривычное сочетание актуализированных слов закладывает дополнительные контекстуальные значения, которые находят опору в смысловой структуре лексических единиц в составе микротекста. Они своеобразно взаимодействуют друг с другом и значительно влияют на общий смысл контекста. При этом следует заметить, что такое непривычное сочетание наиболее продуктивным является в таджикском языке:

*То гами талхе нахурдӣ, аз гами ширин мағӯ,
То гами фардо нахурдӣ, аз гами дерин мағӯ.
Худ чу урёнӣ, ба чашми ақл бар худ дарнигар,
Ҷомаҳои дигаронро чандаи чиркин мағӯ... [207].*

Не говори о сладкой печали, пока не испытаешь горькой печали.

Прежде чем осудить другого.

Значение актуализированного слова способно просвечиваться сквозь весь микротекст. Анализ показал, что формально-грамматическая структура предикативного предложения гораздо проще структуры релятивных предложений. Это объясняется, видимо, тем, что «естественная интерпретация» предикативного предложения невозможна без привлечения более широкого контекста, на которое данное предложение опирается.

Смысловой центр, выделяемый с помощью использования стилистического приема, мы называем стилистическим центром. К стилистическим приемам, обладающим способностью выделять смысловой центр высказывания, можно отнести практически все стилистические приемы композиции отрезков текста, из них особенно стоит выделить антитезу, ретардацию, хиазм и другие.

Стилистическая связь может вызвать смещение смыслового центра в микротексте, выделенного логической связью в сторону наиболее эмоционально нагруженного предложения. Смысловой центр, выделенный с помощью стилистического приема, способен раздваиваться, то есть занимать не одно, а два предложения дистантно или контактно связанных единым синтаксическим приемом. Обычно это раздвоение смыслового центра вызвано использованием параллелизма, хиазма, повтора. Актуализированные слова в таком микротексте становятся многозначными. Интересно заметить, что если в микротексте с логическим смысловым центром движение смысла от предложения к предложению имеет центростремительный характер, то для микротекста со стилистическим смысловым центром характерно центробежное движение смысла. Эстетическая нагрузка, приходящаяся на

отдельное актуализированное слово смыслового центра иррадирует на все высказывание.

Рассмотрим примеры микротекстов со стилистическим смысловым центром, образуемое эмотивными лексемами.

*Дилатро об кардї, то дили ёрат бувад шодоб,
На дил монду на дилдорат, худо ёрат, худо ёрат!*

Ты «растопил» свое сердце, чтобы была счастлива возлюбленная.

Не осталось ни сердца, ни возлюбленной,

Бог в помощь, Бог в помощь!

Anzoleto fut le premier qui parut n'y plus songer, bien qu'elles lui eussent causé une émotion profonde de joie, d'orgueil, de colère et d'émulation dont toute sa vie devait être désormais la conséquence [241, с. 78]. – Андзолето, по-видимому, первый перестал думать об этом, хотя слова профессора и вызвали в нем радость, гордость, гнев и смятение чувств, которым суждено было наложить отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Je ne sais si j'eus plus de joie que de chagrin en la retrouvant [208]. – Не знаю, причинила ли мне встреча с нею больше радости или огорчения.

Son affection faisait ma joie et mon supplice; sa constance, mon orgueil et mon remords [240, с. 167]. – Для меня ее любовь была и отрадой и мукой, а ее постоянство – гордостью и укором.

Данные микротексты построены с использованием стилистического приема антитезы.

Лексические антонимы *об кардї, шодоб – растопить – стать счастливым; joie* – *supplice*

становятся актуализированными, вокруг них формируется смысл каждого предложения и всего отрезка текста в целом.

Лексические единицы *об- вода; joie – радость* в рамках микротекста обретают новые контекстуальные значения: *об – горе, печаль; joie – отрада*.

В заключении отметим, что в контексте эмотивные лексические единицы двух языков приобретают контекстуальное значение. Расхождение проявляется при сопоставлении моделей синтаксической сочетаемости тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных эмотивных лексем таджикского и французского языков. Для таджикского языка характерны следующие модели: существительное + существительное; причастие + глагол; для французского языка: существительное + глагол; существительное + существительное; местоимение + существительное.

Исследование транспозиции показал расхождение во взаимодействии структуры и семантики компонентов словосочетаний исходного языка и словосочетаний-соответствий в языке переводе.

При сопоставительном исследовании особенностей лексики двух языков, использующем перевод, как отмечает В.Н. Комиссаров, обращаются к нему не как к процессу, а как к определенной совокупности речевых отрезков на двух языках с общим содержанием, полученных в результате перевода, и исключает из рассмотрения присутствующие в переводах субъективные элементы, то есть сосредотачивает внимание лишь на объективных закономерностях, характеризующих отношения между сопоставляемыми системами [95, с. 20].

Переводческие аспекты сопоставительного исследования лексем двух языков способствуют решению основных задач сопоставительного исследования – выявлению фактов изоморфизма и алломорфизма в семантике и сочетаемости соотносительных лексем этих языков.

Общеизвестно, что на определенном этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем еще не означает, что при функционировании в тексте это соответствия сохраняются, поскольку материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике.

Выявление парадигмы плана выражения различных лексико-семантических вариантов лексем исходного языка и последовательное сопоставление ее с парадигмой перевода имеет такое же большое значение для сопоставительной грамматики двух языков, как двуязычный словарь для сопоставления лексических единиц. Разница в том, что при этом сопоставляются синтаксические формы сочетаний слов (структурные модели), а не сами лексические единицы, которые входят в их состав. Важность проведения такого сопоставления для теории и практики перевода обусловлена тем, что взаимодействие семантики и модели словосочетания исходного языка является своеобразным, подчас не имеющим параллелей в языке перевода, отсюда при переводе появляется необходимость замены модели (в тесной связи с ее лексическим наполнением). Важно также установить количественную закономерность подобных замен, а в случае, когда данная структурная модель имеется и в исходном языке, и в языке перевода, выяснить, равноценны ли эти формы по своей функциональной значимости, употребительности в каждом из языков.

Сопоставительное исследование лексики двух языков предусматривает, в частности, установление степени семантического и структурно-семантического тождества системы словосочетаний с анализируемыми лексемами таджикского и французского языков. Это обусловлено стремлением выяснить и дать оценку частоты встречаемости соотносительных эмотивных лексем в процессе перевода с одного языка на другой, так как этот показатель может определенным образом

свидетельствовать и о степени близости семантических структур лексем определенного лексико-семантического разряда в двух языках в целом. Принимая один язык за эталон сопоставления, мы можем определить степень идиоматичности словосочетаний другого языка как степень отклонения от принятого эталона. Анализ переводов словосочетаний идет в двух аспектах.

При первом – эквивалентными переводами словосочетаний исходного языка считаются такие, в которых значения лексем исходного языка в язык перевода передаются словосочетаниями с соотносительной лексемой и словосочетания эти могут быть организованы по любым возможным в языке переводе структурным моделям. В случае таких переводов можно говорить, на наш взгляд, о межъязыковом тождестве словосочетаний исходного языка и их переводов, так как при возможной разнотипности их структурной организации в двух языках семантика словосочетаний в целом остается тождественной. Такой способ перевода лексем исходного языка мы условно назвали первой степенью эквивалентности перевода словосочетаний.

При втором подходе как эквивалентные рассматриваются лишь те переводы, таджикскому (французскому) слову в переводе соответствует французская (таджикская) лексема. Все остальные не считаются эквивалентными. При этом походе учитывается как тождество соотносительных лексем двух языков, так и идентичность синтаксических конструкций, в которых они выступают. В таких случаях мы можем говорить о наличии межъязыкового структурно-синтаксического тождества между словосочетаниями оригинала и словосочетаниями-соответствиями в языке перевода. Этот способ перевода словосочетаний мы рассматриваем как вторую степень эквивалентности перевода.

Специфическое понимание семантического и структурно-семантического тождества словосочетаний исходного языка и языка перевода

продиктовано стремлением и дать оценку частоты встречаемости соотносительных лексем в процессе перевода с одного языка на другой.

Принимая один из языков за эталон сравнения, мы можем определить степень идиоматичности словосочетаний другого языка как степень отклонения от принятого эталона. Межъязыковая идиоматичность сводится к тому, что та или иная лексема языка Я1 соответствует не одной, а нескольким лексемам языка Я2. Это означает, что лексема Я1 расчленяется на семемы относительно Я2 и данная межъязыковая полисемия может не совпадать с внутриязыковой [97, с. 34].

Словосочетание языка Я1 является идиоматичными относительно его переводов на язык Я2, если имеется хотя бы одна лексема, обладающая специфическим для данного словосочетания языка Я1 переводом на язык Я2. Применительно к материалу нашего исследования это означает, что специфическими переводами будут считаться те, в которых не появятся соотносительные лексеммы при переходе от исходного языка к языку перевода, или: они не переводятся друг другом. Чем больше специфических переводов имеет словосочетание исходного языка, тем оно идиоматичнее относительно словосочетаний-соответствий.

Проиллюстрируем данное положение. Языком-эталонном для сравнения будет таджикский язык.

Усмон Азиз дар болои сиёҳмушкин устувор нишааста, сараи андак хам, сукут меварзид. Дилаш гарқоби хун гашта, вай ҳамчунон дар азоб фикр мекард ... [213, с. 113].

В данном контексте конструкция *Дилаш гарқоби хун гашта – сердце обливалось кровью* не имеет во французском языке эквивалента. В таджикском языке тяжёлое состояние персонажа передаётся соматизмом *дил*

– *сердце*. Слово *дил* переводится на французский язык *cœur*. Выражение *Дилаш гарқоби хун гашта* можно перевести на французский язык: *cela nous fendrait le cœur de le voir dans cet état* – *больно смотреть на его состояние* (у него тяжёлое состояние), несмотря на то, что в описательной конструкции слово *cœur* – *сердце* присутствует, при переводе данная лексема отпадает. Однако интересно заметить, что конструкция *дил реи-реи мешавад* имеет свой эквивалент во французском языке *cœur se fend* (*сердце разрывается*).

Во французском языке также имеются словосочетания, не имеющие эквивалентов в таджикском языке. Например, жалкое, тяжёлое состояние человека можно выразить *un éléphant dans un magasin de porcelaine* – *слон в фарфорой лавке*: *Rien n'aurait ainsi pu mieux décrire les premiers instants de mes retrouvailles avec Rahim khan que l'expression «un éléphant dans un magasin de porcelaine».* – Возьмите хоть выражение «*сердце кровью облилось*». Оно лучше всего отражает пронзительную жалость, охватившую меня, стоило мне после долгой разлуки увидеть Рахим-хана.

Приведём ещё примеры.

⟨ ... *ҷойи нишаст наёфта, хуни ҷигар хӯрд*; *гаштаву баргашта ба андеша рафт* [213, с. 175]. Выражение *хуни ҷигар хӯрдан* – *жестoko страдать, сильно переживать* не имеет эквивалента во французском языке. Данное словосочетание передаётся глаголом: *souffrir* – *страдать*. Данный контекст таджикского языка можно перевести следующим образом: *il n'a pas trouvé sa place alors elle commençait à souffrir encore et encore, il est allé dans ses souvenirs.*

Тенденции алломорфизма во взаимодействии семантики компонентов и структуры словосочетаний исходного языка и словосочетаний-соответствий в языке перевода, а также наличие межъязыковой

идиоматичности сочетаний находят отражение в явлении транспозиции – передаче смысла в языке перевода иной частью речи, чем он выражается в исходном языке.

Явление транспозиции указывает на несоответствие межъязыковых форм плана содержания словосочетаний исходного языка и языка перевода. При анализе материала выборки это явление выражается в несоответствии форм выражения тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных слов при переводе с одного языка на другой. Новым в приеме анализа при выявлении случаев транспозиции является то, что анализ идет только по линии тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных слов двух языков. В этом случае между словами прослеживаются элементы сходства и различия во взаимодействии семантики компонентов в структуры словосочетания не вообще, а в четком бинарном противопоставлении тождественных лексико-семантических вариантов, что значительно повышает объективность результатов исследования. При исследовании транспозиции выявляются, каким образом, то есть между какими частями речи распределяется семантическое содержание лексемы оригинала в переводе, какие части речи более всего употребительны при построении сообщения в языке перевода, поскольку одна и та же семантема в соответствии со структурой словосочетания или предложения языка перевода в целом может принимать форму разных частей речи без ущерба для общего содержания высказывания [47, с. 45].

Важно заметить, что степень транспозиции сопоставляемых слов может оказаться различной при разных направлениях перевода, то есть при переводе с таджикского языка на французский и наоборот, тем самым можем в какой-то мере характеризовать сопоставляемые лексические единицы и языки в целом.

Сведение воедино всех переводов лексемы исходного языка и их системное рассмотрение предоставляет в распоряжение исследователя интересные данные, свидетельствующие о характере отражения семантического отражения лексемы исходного языка в язык перевода. Анализ отражения семантики таджикских слов во французском языке и французских слов в таджикском дает основания для корректировки некоторых статей двуязычных словарей по линии дополнения существующих списков эквивалентов новыми, которые выявлены в результате анализа переводов выборки и могут рассматриваться поэтому как объективные.

В результате применения изложенной методики исследования семантических структур и сочетаемости эмотивных лексем таджикского и французского языков можно сделать выводы, которые в определенной мере отражают общую картину структурных и семантических особенностей таджикских и французских эмотивных слов.

2.2. Эмоциональные кинемы во французском и таджикском языках

Важнейшим аспектом текста является его номинативная сторона, соотнесенность с внеязыковыми объектами, включая несубстанциональные элементы действительности, например, эмоции. В связи с возрастающим интересом к проблеме эмоций в философии, психологии и лингвистике приобретает актуальность и вопрос о видах словесных обозначений эмоциональных состояний.

Данный параграф посвящен этой теме, вернее, следующим ее аспектам: какие невербальные знаки выражают эмоции в обыденной речи, какими

средствами языка эти знаки передаются в связанных текстах и какую роль играют в их структурной организации.

Такая постановка вопроса требует некоторых – иногда достаточно подробных – пояснений и уточнений. Прежде всего необходимо осветить современное понимание сущности эмоций.

Эмоции – это форма отражения действительности, в которой взаимодействуют физиологическое и психическое, выступающие как две стороны единой нервной деятельности. В них отражение внешнего воздействия осуществляется одновременно и как субъективный процесс (переживание в сознании), и как ряд физиологических механизмов в регуляции функционального состояния организма (физиологические процессы эмоций). Эмоциональные мотивы в деятельности человека связаны с формированием оценочного отношения к целям и задачам этой деятельности и ее результатам, связаны с оценкой их общественного значения. Они развиваются вместе с формированием мировоззрения и моральных черт человека.

Внешнее проявление эмоций (удовольствие, страх, гнев и т.д.) наблюдаются не только у человека, но и у животных; эмоциональные сигналы, «язык» эмоций древнее вербального человеческого языка [62, с. 34]. По-видимому, возникновение общения людей тесно связано с эмоциональными сигналами. Определяющее значение в этом процессе, несомненно принадлежит социальным и психо-физиологическим процессам.

Язык и общение между людьми возникли одновременно с сознанием человека. Достоверной представляется гипотеза, связывающая развитие актуализированной речи с эмоциональными знаковыми сигналами и моторными сигналами – указательными жестами [Там же, с. 34]. Сложный процесс, в результате которого важнейшее свойство указательных жестов –

их направленность – было перенесено на звуки, возникшие одновременно с этими жестами, а экспрессивная функция звуков уступила место функции обозначения.

Как известно, и в настоящее время существует связь между языком и эмоциями, коммуникативными движениями и звуковыми комплексами. Имеется в виду не только существование междометий, которым приписывают статус «переходной части речи», «слов-предложений», сигнализирующих об эмоциональных состояниях и имеющих свойство вызывать последнее у партнера по коммуникации. Общеизвестна и существенная роль коммуникативных движений – мимики и жестов – в устном общении.

В данном параграфе мы попытались проанализировать выражение эмоций определенными невербальными компонентами коммуникативной ситуации в естественном устном общении, типизированном в художественных текстах, на материале современного таджикского и французского языков.

Цели и компоненты коммуникативной ситуации предполагают не только содержание речевых актов, но также оптимальные формы их выражений. Язык, несомненно, является основным и самодостаточным средством для обмена информацией, в этом смысле примат языка не вызывает сомнения. Однако в условиях конкретного речевого акта партнеры используют все средства коммуникации, чтобы сделать свое высказывание наиболее однозначным, доходчивым и впечатляющим и тем самым добиться желаемого коммуникативного, а затем и неречевого эффекта.

Одним из вспомогательных средств для оптимальной организации высказывания являются паралингвизмы – коммуникативные внеречевые специализированные действия человека, - дополняющие или заменяющие

структуру вербального высказывания в содержательном и эмоциональном аспектах. Параязык – это вспомогательная семиотическая система [6].

Серьезной проблемой является типология паралингвизмов. Отмечая расхождение взглядов по этому вопросу, мы хотим, в основном, присоединиться к классификации, учитывающей как субстанцию, так и функции паралингвизмов [79, с. 96-100].

К первой подгруппе мы также относим паралингвизмы со знаковым кодифицированным значением – указательные, изобразительные и символические, ко второй – с незнаковым характером – подчеркивающие и ритмические.

Но в отличие от рассматриваемой классификации мы не относим все эмоциональные паралингвизмы к единицам с незнаковым характером, то есть ко второй подгруппе. Эмоции могут находить выражение в психофизиологических признаках и в этом случае вообще находиться за пределами паралингвизмов. При включении в коммуникативный акт в виде подчеркивающих, ритмических жестов и телодвижений эмоции могут находить выражение в паралингвизмах второй – незнаковой – подгруппы. Наконец, включенные в речевой акт в знаковой – символической – форме, то есть соотнесенные с определенным содержанием сознания на достаточно высоком уровне абстракции, эмоции находят выражение в паралингвизмах первой – знаковой – подгруппы.

Итак, эмоции могут включаться в коммуникативный акт в форме кинем, то есть поднятых до уровня сознания, но автоматизированных знаков, которые дополняют или заменяют речевые действия. Эти кодифицированные положения тела, движения головы и конечностей, а также движения лица, имеющие специфические значения в определенной

социальной и культурной среде (особенности фонации мы не рассматриваем).

Кинемы раскрывают свое значение на различных уровнях: некоторые из них однозначно раскрываются в пределах коммуникативного акта (указание на предмет, изображение его свойств), в то время как понимания значения других необходимо знание традиций данной культуры или социума.

Коммуникация не равнозначна с выполнением коммуникативных действий, она возникает на основе человеческой деятельности, которая предопределяет содержание, цель и формы коммуникации. Мотивы и цель коммуникации связаны с некоммуникативными действиями человека. В зависимости от коммуникативной ситуации, то есть комплекса социальных, возрастных и других факторов, а также времени, места и обстоятельств протекания коммуникации, возникает определенная связь между условиями коммуникации и ее характером. Наиболее значим социальный компонент коммуникативной ситуации; стратегия выражения в значительной мере зависит от социальных отношений партнеров по коммуникации, социальные отношения предписывают формулировку сообщения. Помимо социальной ситуации коммуникативная ситуация включает как предметное окружение, так и фоновые знания участников коммуникативного акта [122, с. 89-95].

Интенция говорящего и коммуникативная ситуация предопределяют не только содержание актов коммуникации, но и формы их существования – выбор вербальных или невербальных средств.

В монологической речи, развернутом виде речи, паралингвизмы используются сравнительно редко. Это главным образом, подчеркивающие, реже указательные и изобразительные кинемы. Напротив, диалог, свернутый вид речи, предопределяет употребление паралингвизмов (в том числе и

символических). Диалог является формой естественного речевого общения людей, во время которого активно проявляются их эмоции.

Партнеры по коммуникации стремятся к оптимальной однозначности понимания со стороны собеседника, полному осуществлению своего коммуникативного намерения. Но в то же время наличие адресата делает возможным переспрос, что ведет к упрощению речевого информационного, а спонтанность – непосредственность и неподготовленность – диалога приводит к разгрузке речевого канала, так как информация передается и по другим каналам [Там же, с. 89-95].

Коммуникативная ситуация должна содержать компоненты, из которых следует кто (пациент), зачем (цель) и почему (причина) должен быть включен в общение. Эти компоненты ситуации в ряде случаев экономнее и нагляднее чем вербальными передаются невербальными средствами.

Приведем примеры на материале таджикского и французского языков:

Lorsqu'il tourna la clef avec effort dans la serrure rouillée, elle ne put s'empêcher de mettre le doigt sur le mot mystérieux, en regardant son hôte d'un air d'interrogation [240, с. 94]. – *Пока Альберт с трудом закрутил заржавленный замок, она не смогла удержаться и, указав пальцем на таинственное слово, вопросительно взглянула на своего спутника.*

Компоненты данной ситуации – причина и цель – относятся к фоновым знаниям участников. Элементы предметного окружения – *serrure rouillée* – *ржавый замок* – включаются в коммуникативный акт посредством указательных жестов.

Материал исследования показал, что указательные и изобразительные кинемы включают в коммуникативный акт соответственно наличествующие

или отсутствующие предметы и их свойства, а символические кинемы – абстрактные понятия.

Символические эмоциональные кинемы, как и другие поведенческие акты, передают понятие эмоций. Как и другие наглядно-изобразительные символы, они, возникнув в ряде случаев как непосредственная эмоциональная реакция, в дальнейшем, становясь общепринятыми в данной культурно-языковой общности, в большей или меньшей степени утрачивают связь с выражением субъективных конкретных переживаний и становятся их условными выразителями.

Выше упоминалось, что кинемы могут быть выполнены эмоционально. Анализ языкового материала показал, что для таджикского и французского языков характерны одни и те же жесты, тем не менее, некоторые из них являются универсальными.

Un instant, elle le regarda arracher les draps de ses mains crispées, râler son désespoir, la bouche collée à la couverture [208]. – Мгновение она смотрела на Паскаля, который рвал простыни скрюченными в судороге пальцами и в отчаянии хрипел, зажимая рот одеялом.

Ce n'est pas encore vrai, dit Remy en étendant sa main gauche sur la bouche du misérable qui se débattait sous lui, mais tout à l'heure! –[220, с. 196]. – Пока еще нет! – произнес Реми, зажимая рот отчаянно отбивавшемуся негодяю. – Но сейчас тебе придет конец!

Ses lèvres s'ouvrirent mais une main écrasa sa bouche. Mathilde lut dans les yeux injectés qui la regardaient: Tu cries, tu es morte [208]. – Ее губы приоткрылись, но он зажал ей рот ладонью, и Матильда прочла в налитых кровью глазах: «Закричишь – умрешь»

Comme Clara s'apprête à les immortaliser, l'une d'elles se retourne et nous fait signe de nous tirer [208]. – Клара собралась уже их увековечить, но одна из них оборачивается и машет нам когтистой рукой: катитесь, мол, отсюда, ребята.

Наряду с этим существуют кинемы, специализированные для выражения отношения партнеров коммуникации друг к другу и к предмету высказывания, то есть выявляющие такие эмоциональные состояния как **радость, гнев**.

Наиболее употребительными являются следующие жестовые компоненты коммуникации, выражающие **гнев, радость, тревога**:

1. Выражение глаз / взгляда:

Ба ҳамон бачаи мӯйсардароз Худо дода буд, ки хам шуда шими Меҳрубонро поен хамонд, Меҳрубон доду войгӯен, ба гуфтае лап зада ба ҷояш нишаст. Шапотие ба параи рӯяш хӯрд, зарби он сахт буд, аз чашмонаш оташак барқ зад. Ў талх гирифт, мегирист, аламҳояш тоза шуда мегирист.

- *Дам шав, овоз набарор, нӯш, ҷонат халос, нӯш баъд маслиҳат мекунем. Талаби моро ба ҷо мебиерӣ, илоҷ надорӣ, ҳа, бардор, бардор, то охир!*

Касе ба додаш намерасид, гӯе ҳайвонҳо, дарандаҳо дандонҳояшонро гиз карда, ҷонибаи меомаданд. Чашиҳо оташбор, тоби нигоҳашон надошт. Роҳи гурез набуд. Ба мисли ҷонвараке, ки ба дом афтода. Даступо заданҳояш нафъ намеовард [210, с. 211]. – Парень с длинными волосами наклонился и стянул штаны Мехрубан, Мехрубан вскрикнул и сел. Он дал ему сильную пощечину, удар был такой силы, словно из глаз сверкнула молния. Он горько плакал, плакал от обиды и досады.- Заткнись, не шуми, пей,

спасай свою жизнь, пей, а потом обсудим. Ты исполнишь нашу просьбу, у тебя нет выбора, да подними, подними! Никто не обращал внимание на его крики, словно хищники подходили к нему с оскаленными зубами. Глаза горели, выражая гнев. Спасения не было. Он напоминал животное, попавшее в капкан. Его усилия были напрасны.

- Чӣ гуфтам? Гапи мана намегирӣ?!

Ба нигоҳи хунхорона, сиесати Александр тоб наоварда, Мехрубон ба гирия даромад. Баландтар, боз баландтар гирист, ба замин, назди пойҳои ӯ афтид. Аммо ба ҳолаи раҳми касе намеомад. Танҳо нигоҳи пур аз меҳру муҳаббат ва миннатдоронаи як нафар ба ӯ шуда, нигоҳи марде, ки ҳамаи аҳли хона ба вай дарафтад, чун дарандаҳо куштан ва хӯрданаи мехостанд. Миени одамони аз ҳайвонҳо бадтар кӯдаке ҷонибдор, хайпхоҳаи. [210, с. 220]. – Не выдержав гневного взгляда Александра, Мехрубон заплакал. Он плакал все громче и громче и упал на землю к его ногам. Но никому его не было жалко. Лишь один взгляд, полный любви и благодарности, обратился к нему, взгляд человека, к кому были прикованы взгляды домачадцев. Они, словно хищники, хотели растерзать его. И среди этого “животного люда”, только один ребенок жалел его.

Дар равшани хираи чароғи карасинӣ ӯро модараи Сорохола пешвоз гирифт. Нигоҳаш баизтироб буд, дар чехраи пиронааш як олам таҳлука акс дошт. [213, с.134].

*В тусклом свете керосиновой лампы Анвар увидел **тревогу в материнских глазах.***

*Je serai content d'avoir des témoins de ma victoire; car maintenant rien ne peut te soustraire à mes embrassements, et tu as **allumé** en moi, par ta folie, des feux que tu eusses pu contenir avec un peu de prudence [241, с. 156]. – Я буду рад найти свидетелей своей победы, так как теперь уже ничто не сможет*

избавить тебя от моих объятий: своим безумием ты зажгла во мне огонь страсти, который могла бы сдержать, будь ты немного поосторожней.

*J'avais bien soin de baisser la tête, et de **regarder** du côté du ravin quand je passais au pied de la montagne. – Правда, проезжая у подножья горы, я всегда старался опустить голову и смотреть в сторону оврага.*

2. Выражение гнева посредством голоса и тона:

Менӯшад, ту қозӣ нашав, дам шав, - Чӯра таҳдид шунид.

- *Ҳозир дар ҳузури мо менӯшад.*

- *Тамошо мекунем.*

- *Ҳамин хел нанӯшидаҳоронӯшонӣ нагз, ба худо нагз, савоб мешавад, ба роҳи нав меандозем, ба роҳи худамон, ҳа, бардор гир.*

- *Бигӣ.*

- *Нанӯшад, даҳонаширо воз карда мерезем. Шимаширо мекашем. Агар ҳамин хел накунам, ба худо ман мард не, канӣ, бародар, - як бачаи аз ҳама хурдтар, ки мӯи сараш болои китфонаш хобида буд, остинҳои куртаашро бар зада, наздики Мехрубон шуд [220, с. 211]. – Он будет пить, не вмешивайся, ты – не судья. – услышал угрозу Джюра. – Теперь он выпьет в нашем присутствии, мы будем смотреть. Таких непьющих, поставим на путь истины, то есть на наш путь, бери, пей. Если не будет пить, заставим. Снимите его штаны. Если я это не сдела, я – не мужчина. Самый маленький мальчки с длинными волосами, закатав рукава рубашки, приблизился к Мехрубон.*

*J'espère, Madame, dit le comte à Consuelo d'un **ton ferme**, que vous ne me ferez pas l'affront de refuser ma gondole pour vous reconduire, et le chagrin de ne pas vous appuyer sur mon bras pour y entrer [341, с.89]. – Надеюсь, синьора, –*

обратился граф к Консуэло решительным тоном, – вы не захотите обидеть меня, отказавшись от моей гондолы, а также не пожелаете огорчить меня, не позволив мне усадить вас в нее.

- *Quoi? ma tante, dit Albert d'un ton ferme et avec une physionomie sévère.*
– Что поддерживать, тетушка? – спросил Альберт решительно и строго.

Enfin il parut presque stupide à la comtesse, dont les coquetteries échouèrent devant ce sérieux glacial et ce respect diplomatique [217, с. 45]. – В результате графиня, кокетство которой не могло преодолеть его ледяной серьезности и дипломатической почтительности, сочла его просто глупым.

Как следует из приведенных текстов, прилагательное *glacial* – ледяной репрезентирует свой эмоциональный заряд в большей степени в предикативной функции, то есть актуализирует стативные значения.

Je vous ai demandé, Mademoiselle, le nom de ce jeune homme qui demeure avec vous chez maître Porpora, reprit-elle d'un ton glacial, et vous ne me l'avez point dit [208]. – Я спросила вас, сударыня, как имя молодого человека, живущего с вами у маэстро Порпоры, а вы мне не ответили, – снова проговорила императрица ледяным тоном.

Тот факт, что многие ученые не включают прилагательные, выражающие эмоции, в разряд эмотивной лексики, можно объяснить тем, что в данных лексических единицах не совпадают прагматические и сигнификативные функции. Данные слова, называя в языке одно из эмоциональных состояний, довольно часто репрезентируют, входя в семантическую структуру предложения, другое значение.

Les sèches paroles de ce bulletin nécrologique furent articulées d'un ton amer qui enfonça autant d'aiguilles dans le coeur de la pauvre Consuelo [240,

с. 89]. – *Сухие слова этого посмертного бюллетеня были произнесены с горечью и вонзались, как иглы, в сердце бедной Консуэло.*

Je pense, Consuelo répondit-il avec un sourire amer et des yeux secs, que nous avons eu quelque peine à y souscrire, mais que nous finirons par nous y habituer [241, с. 208]. – *Я думаю, Консуэло, – ответил он с горестной усмешкой, хотя глаза его при этом оставались сухи, – что нам было не особенно легко на него согласиться, но что в конце концов мы с ним свыкнемся.*

Общеизвестно, что метафоризация является одним из способов развития эмоциональных оттенков в семантики лексических единиц. Очень часто стилистически нейтральные лексические единицы, употребляясь как метафора, могут получить яркий экспрессивный оттенок. Как было отмечено, именно в контексте слова получают эмотивный оттенок. В тексте слова, будучи нейтральными в стилистическом отношении, становятся эмоционально окрашенными.

В любом языке немало стилистически нейтральных слов, употребляющихся метафорически в нехарактерных для них значениях. Метафора становится фактически значением данных лексических единиц. Как правило, нейтральное значение – это прямое значение слова, а оценочное – его переносное значение.

Лексическую систему любого языка можно рассматривать с позиции эмотивной составляющей, обладающей большими возможностями в репрезентации эмоционального состояния коммуникатора и реципиента. Нейтральные лексические единицы способны раскрывать эмотивное значение через контекст. Многие слова, имеющие одно словарное значение, в контекстуальной интерпретации получают дополнительную эмотивную окраску. Можно констатировать, что степень выражения эмотивного кода

либо усиливается, либо подавляется в зависимости от текстового пространства.

L'influence de mes contemporains l'emporte, dit-il tout haut et avec un rire amer [208]. – Вот оно, влияние современников! — сказал он вслух, горько посмеиваясь.

Olivier se fâcha et fut **amer** [208]. – Оливье злился и становился желчным.

L'influence de mes contemporains l'emporte, dit-il tout haut et avec un rire amer [208]. – Вот оно, влияние современников! — сказал он вслух, горько посмеиваясь.

Elle releva la tête et, pâle d'épouvante, l'oeil sec, la bouche tremblante, elle essaya de percer du regard ce masque impassible qui lui cachait peut-être la pâleur d'un coupable, ou le rire diabolique d'un scélérat [208]. – Она подняла голову и, бледная от волнения, с сухими глазами и дрожащими губами попыталась проникнуть взглядом сквозь эту бездушную маску, быть может, скрывающую бледность преступника или дьявольскую улыбку злодея.

Les notabilités, qui se trouvaient comprises dans cette dernière catégorie, étaient suffoquées d'un tel manque d'égards [208]. – Именитые горожане, которых она отнесла к этому последнему разряду, разгневались на дерзкую особу.

Je ne te demande qu'une innocente faveur, et je t'implore à genoux, moi qui, de mon souffle, pouvais te terrasser et connaître encore, malgré ta haine, un bonheur dont les dieux eussent été jaloux! [208] – Я прошу у тебя только невинной милости и молю тебя о ней на коленях, а ведь я мог бы одним дуновением сокрушить тебя и, несмотря на твою ненависть, испытать счастье, которому позавидовали бы сами боги!

*Lorsqu'il me cherche sans jamais me trouver, lorsqu'il se résigne enfin à **baisser** les yeux ou à empoigner le cordon pour anéantir la certitude de mon existence, il fuit, il fuit, il fuit l'insoutenable [208]. – Когда он ищет меня и не находит, когда, отчаявшись, опускает глаза или дергает за шнур, чтобы я перестала существовать, он прячет, прячет, прячет сам от себя то, что ему невыносимо.*

*Elle finit par le **baisser**, en disant: – Ça y est [242, с. 104]. – Наконец она опустила ее со словами: - Готово!*

3. Молчание, вызванное эмоциональными переживаниями (гнев, страх, радость):

Аз ҳарос дастони ларзони Мехрубон ба ҷониби қадаҳи пурмай, ки ба хаелаш аз захр ҳам бабу бадбӯӣ буд, дароз шуданд. Ба умеде, ки қадаҳро бигирад, халос меебад. Аммо ӯ беҳабар буд, ки баъди қадаҳро гирифтани халосӣ намеебад, бояд ин захри ҳалоҳилро бинӯшад [210. С.210]. – От страха дрожащие руки Мехрубана потянулись к стакану с полным вином, которое показалось ему полным яда. Надеюсь, если он выпьет чашу, то избавится от них. Но он не знал, что, взяв чашу, он не убежит, он должен выпить этот отвратительный яд.

Падару писар хомӯш монданд. Аз афташ дар хаели Нозимӣ деҳа, хешовандон буданд, ки дар рӯзҳои хурсандиаш баъзан саломашонро алек намегирифт. Имрӯз ба онҳо корафтод, мӯҳтоҷ, зарур шудаанд [210, с. 243]. – Отец и сын молчали. Видимо, в селе Нозими были родственники, с которыми он не всегда здоровался в свои счастливые дни. Сегодня он нуждается в них, они стали нужны.

*L'infortuné compositeur s'était flatté de retrouver à Vienne **quelques** nouvelles chances de succès et de fortune [241, с. 208]. –*

Несчастный композитор, направляясь в Вену, мечтал о новых успехах и благосостоянии, а его встретила холодная почтительность.

*Alors, **sans** perdre une **minute**, madame Deberle se donna un mal infini. [242, с. 102]. – Тогда, не теряя ни минуты, госпожа Деберль принялась за дело.*

*Troublée, elle inclina la tête, sans **prononcer** un mot [243, с. 108]. – Она смущенно опустила голову и не ответила ни слова.*

*Il est vrai que les mots sont bien arrangés, et qu'ils arrivent facilement sur la langue, quand on les chante; mais quand on pense au personnage qui les dit, on ne sait où prendre, je ne dis pas de l'émotion, mais du sérieux pour les **prononcer** [241, с. 89]. – Правда, рифмы хороши и петь их легко, но что касается персонажей, произносящих все это, то не знаешь, где взять, уж не говорю, подъема, а просто сил удержаться от смеха, изображая их.*

*Pas **un mot** de plus! répondit le maître en la repoussant.» Et il entra dans sa chambre, dont il ferma la porte sur lui avec fracas [241, с. 103]. – Ни слова больше!.. – вскричал маэстро, отталкивая ее, и прошел к себе в комнату, с шумом захлопнув за собой дверь.*

Кинемы служат включению элементов ситуации общения, в том числе предметного окружения и абстрактных понятий, в речевой акт. В условиях дефицита времени (диалог) или известного расстояния, разделяющего партнеров, или в условиях массовой коммуникации удобнее и экономичнее указать на элементы ситуации общения, изобразить их или представить символически, чем дать их вербальное описание. Сказанное относится и к эмоциональным кинемам, соотносящимися с абстрактными понятиями переживания и оценок человека.

В отличие от всех знаковых, указательных и изобразительных кинем, соотносящихся с различными и неопределенными явлениями действительности и не имеющих фиксированную форму, символические кинемы выступают в стереотипной кодифицированной форме и соотносятся с определенным абстрактным содержанием сознания. Форма их выражения произвольно или лишь опосредствованно связана с содержанием.

Границы между произвольными-символическими и непризвольными-эмоциональными движениями весьма текучи. В результате повторения движения поколениями людей (жесты и позы смирения, мольбы). Так создается впечатление, что движение всегда производилось произвольно, аналогично рефлекторным реакциям.

В зависимости от ситуации общения и интенции говорящих в каждом конкретном случае приходится решать, к какому виду относится данное движение, а именно: символический жест, рефлекторная реакция.

- *Чӣ хел, чӣ хел.. ўро акнун масхара карда, Ҷалол пиқ-пиқ механдид. Аммо чашмонаш газаболуд буданд. Баъд вай якбора ба худ ваҷоҳати ҷиддӣ гирифт. – Ҳамин хел! Аз афту башараат дили кас беҳузур мешавад. Ба ҳолат раҳмам омад, маҷбур гуфтам... – Кошки! Либоси ту барин гозиҳо табаррук. Маркаб бетоқат шуда, пойҳои ҷафодидашро монугир мекард [207].*

- *Что как, что .. дразнив его, рассмеялся Джалол, но его глаза были полны гнева. Затем, взяв себя в руки, - Вот так, вот! Один твой жалкий вид вызывает сострадание у любого. Мне стало жаль тебя. Если бы. Одежда подобных гази священна. Маркаб начал проявлять беспокойство.*

Je te le déclare, en mon âme et conscience, la conquête du pouvoir ou d'une grande renommée littéraire me paraissait un triomphe moins difficile à obtenir qu'un succès auprès d'une femme de haut rang, jeune, spirituelle et

gracieuse [217, с. 89]. – Заявляю тебе, что душой и совестью я считал завоевание власти или Большой литературной известности менее трудным триумфом, чем успех у высокопоставленной, молодой, остроумной и изящной женщины.

Sans bouger, les mains serrées contre le cœur, elle continuait à sourire, elle écoutait les parfums qui chuchotaient dans sa tête bourdonnante [243, с. 45]. – Не двигаясь с места, прижав руки к сердцу, она продолжала улыбаться, она слушала ароматы, которые шептали в ее гудящей голове.

Voyons, la main sur la conscience, est-ce vrai? [208]. – Ну, признавайтесь **положа руку на сердце**, правду я говорю?

Je te le déclare, en mon âme et conscience, la conquête du pouvoir ou d'une grande renommée littéraire me paraissait un triomphe moins difficile à obtenir qu'un succès auprès d'une femme de haut rang, jeune, spirituelle et gracieuse [217, с. 89]. – Заявляю тебе, что душой и совестью я считал завоевание власти или Большой литературной известности менее трудным достижением, чем успех у высокопоставленной, молодой, остроумной и изящной женщины.

Milady, qui se leva, se pencha brusquement sur une chaise, la tête baissée en arrière, ses beaux cheveux lâches et lâches, sa gorge à moitié nue sous des dentelles froissées, une main pressée contre son cœur et l'autre suspendue [220, с.189]. – Миледи, которая встала, резко откинулась в кресле, откинув голову назад, ее прекрасные волосы распущены, ее горло наполовину обнажено под смятыми кружевами, одна рука прижата к сердцу, а другая свисает

Бале ...- Амонов аз бари миз хеста, дар рӯйи фарши гилӣ каме қадам зад ва боз ба ҷояш омада, аз қуттии неши чароғ дона папирос гирифт. Баъд

онро дар байни ангуштонаш тоб додаву мулоим карда, ба сухан давом намуд: - Аз ҳисоби комсомолонат чанд касро ҳамроҳ гирифта метавонӣ? - Панҷ-шаш нафар ҷангдида ҳастанд, лекин силоҳ надоранд. Ғайр аз ин .... баъзе аз онҳо пойи пиёда [213, с. 10]. – Да ... Амонов встал со стала, прошёлся по ковру несколько раз, затем взял сигарету. Поиграв сигоретой, продолжил: - Сколько у тебя комсомольцев, готовых пойти с тобой? Пять-шесть человек, одна у них нет оружия. И к тому же у некоторых нет коней.

- Каму беш, - сар ҷунбонд Анвар, беихтиёр ба ғилофи наган даст бурда. – Тирандозии ӯро ман борҳо санҷидаам, - гуфт Каримов, мӯйлаби гулии зардчатобаширо қаноатманд сила карда. – Аз ин ҷиҳат осуда бошед, бехато мезанад [213, с.10].

Только иногда, - кивнул Анвар, взяв на руки наган. – его стрельбу я наблюдал много раз, - сказал Каримов, погладивая свои рыжие усы. На этот счёт будьте спокойны, он хорошо стреляет.

Эмоциональные кинемы вступают в разнообразные отношения с речевыми элементами высказывания, подчеркивая их. Поэтому взаимодействия вербальных и невербальных элементов высказывания объясняют тенденцией к речевой экономии, к импликации; но если ситуационная обусловленность диалога ведет к импликации, то его неподготовленность, спонтанность, наоборот, вызывает тенденцию к экспликации – повторению, усилению.

Как и все явления объективной действительности, паралингвизмы, в том числе эмоциональные кинемы, могут быть описаны средствами языка. При этом следует различать стандартные, нестандартные, эксплицитные, имплицитные и свернутые (конденсированные) номинации эмоциональных кинем.

К нестандартным имплицитным номинациям в двух языках относятся свободные словосочетания: *expression de dégoût* – выражение отвращения; *geste nerveux* – нервный жест; *искаженное лицо* – *visage déformé*; *сияющее лицо*; *тень на лице*:

- Рост, одамизод .... **ба танаши оташи афтод**, шиноварӣ карда метавонад ё не, ҷониби дарё метозад, - гуфт Амонов, папиросаширо даргиронда. Баъд боз ба Анвар нигарист. Ин даъфа қадре кушода буд чехрааш. Чашмони калон-калони ӯ дар зери абрувони сиёҳи зафсааш **равшан ва хеле зинда метофтанд**. Хулоса, мо қарор додем, ки ба таъқиби аскарони сурх нигоҳ карда навишта, чун солҳои пешин ... ба меҳмонони нохонда худамон машгул шавем. Чӣ гуфти? [213, с. 10]. – Правда, такова человеческая природа ... как только нагрянет беда, не важно умеет плавать или нет, бросается в реку, - сказал Амонов, зажигая сигарету. Затем снова посмотрел на Анвара. На этот раз его лицо сияло. Его большие чёрные глаза из-под густых бровей сверкали и были полны жизни. Вывод такой, мы решили, не дождавшись красной армии, как в былые времена, ... самим заняться незванными гостями. Что скажешь?

Бинобар ин, ҷояш ояд, аввал чӣ будани ҳукумати коргару деҳқонро ба онҳо дуруст фаҳмонед, фаҳмонед, ки мо барои чӣ ин қадар қурбониҳо дода, инқилоб кардем. – Хатман, то метавонем... – Агар нафаҳманду дар қасди ҷонатон бошанд..... аз худ домангир шаванд. Шумо ҳам дил доред, ҳис доред, тиру туфанг доред [213, с. 11]. – Поэтому, в первую очередь объясните им, что такое государство рабочих и крестьян, каким образом мы рискуем своей жизнью ради революции... - Мы сможем... если не поймут и захотят вам отомстить... думайте о себе. И у вас есть сердце, есть оружие!

Интересно заметить, что в приведенном отрывке внутреннее состояние персонажа в таджикском языке передается многоточием. Однако переводчик

использует конструкцию *тень легла на его лице*, чтобы точнее передать состояние героя.

Son visage indiquait un sentiment de répulsion voisin de l'horreur [217, с. 98]. – На её лице было написано **отвращение**, чуть ли не ужас.

Procureur du roi! fit avec stupéfaction le président, sans remarquer le bouleversement qui se faisait sur la figure de Villefort; procureur du roi! [220, с.12]. – *Королевский прокурор!* - изумленно повторил председатель, не замечая **искажившегося лица** Вильфора.

Quand elle se releva, les poignets cassés, la face contractée par une souffrance, tout son mépris de l'homme était remonté dans le regard noir qu'elle lui jeta [243, с. 30]. – Когда она поднялась, с онемелыми руками, со **страдальчески искаженным лицом** все ее презрение к мужчинам вылилось в мрачном взгляде, который она бросила на Октава.

Son visage exprimait la torture du triomphe sinistre [208]. – Зловещее торжество мучительной гримасой **исказило его лицо**.

Le trafiquant saisit machinalement un paquet de Karo, les sans-filtre locales, et en sortit une [208]. – Наркоторговец **нервным жестом** схватил пачку «Каро» – турецких сигарет без фильтра.

Эти описания создаются в текстах и содержат лишь намек на коммуникативное движение, выполняющий его орган незван.

К стандартным эксплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся устойчивые словочетания: *лагат задан* – ударить ногой; *cracher sur* – воротить носом; *качать головой*; *hausser les épaules* – пожать плечами; *piétiner de colère* – топтаться в гневе, топтать ногами, *Il piétinait de colère* – он топтался в гневе:

Дилаш хунук нагашта ўро мезад. Мехрубон пеши пойҳои Александр, рӯи хона мегелид. Аз лингаи кашола карда, дари оиҳонаро кушода ва ўро ба он ҷо дароварда рӯи фарш партофта, дарро ба рӯяи сахт пӯшида ва барои наст нишондани газабаш буд, ки лагаде аз пас ба дар зад, гур-гур кард, боз чи суханҳои қабаҳе ба забанош омад, гуфт. Ва бо ҳамон дараҷаи кину газабе, ки дар дил пайдо намуда буд, ба сари он мард, ки дами дар дароз мехобиду хуни лабу даҳонашро бо рӯймолча пок мекард омад [210, с. 221]. – Он жестоко избивал его. Мехрубон валялся у ног Александра. Заташив его на кухню, плотно закрыл (в гневе) дверь и гневно пробурчал что-то. В состоянии гнева подошел к нему и протер нос платком. Дари ҳавлиро ба мисли харрӯза оҳиста, боодобона накушод, ба лагат зад табақаҳои дарвозаро. Аз миени ҳавлӣ боз ба осмон аз автомат тир андохт. Модаркалон ва завҷаи бемораи садои даҳшатноки тирро шунида аз хона тарсонун ларзон берун дави [210, с. 225]. – Он не открыл дверь во двор медленно и спокойно, как обычно, а пнул дверные панели. С середины двора он снова выстрелил в небо из автомата. Бабушка и его больная жена выбежали из дома, услышав страшный звук выстрела. Барои чӣ ин хел мегӯӣ? Се рӯз боз моро мехӯронад.... – Ҳамааш аз тарс. Вагарна дар ҷойи нону он ба косаат санги сепарра меандозад. Аз **афтаи маълум, аз чашмони бозигараш** маълум. Ғайр аз ин .... сарулибосаш чӣ? Бой бошад ҳам, аз гӯлаҳи Пешовар бадтар. Ё ту надидӣ? - Хайр шуд, - гуфт **бо оҳанги норозӣ** Қурбон ва боз ба кӯҳҳои Боботаг рӯй овард, ки аз канори водии Гардон, бисёр хира ва .. чун дар тасарруфи туман хокистаранг метофт [213, с. 16]. – Почему ты так говоришь? Вот уже три дня, как он нас кормит. А что если вместо еды, они принесёт тебе камни? Видно по его лицу, по его играющим глазам. И к тому же ... а его одежда? Если и богат, то он хуже топки Пешавар. Или ты не видел? – Ну, все! – сказал недовольным голосом Курбон и снова перевёл взгляд в сторону гор Боботаг, которые были покрыты туман, пришедшей с долины Гардон.

Quand elle sortit, reculant d'un pas, sans le quitter, il haussa les épaules, mâchant à travers ses dents une obscénité que personne n'avait entendue [242, с. 108].— Когда она вышла, отступив на шаг, не сводя с него глаз, он пожал плечами, пережевывая сквозь зубы непристойность, которую никто не услышал.

*Il y en a même qui n'ont jamais goûté de venaison chez eux, à moins qu'ils n'aient braconné, et qui font fi de la cuisse de daim la plus grasse qu'on puisse avoir ici [243, с. 89]. – Даже оболтусы, в жизни не пробовавшие другой дичи, кроме той, которую им удавалось убить тайком в барском лесу, и те **нос воротят** от самых жирных окороков.*

Эти описания воспроизводятся в текстах. Выполняющий коммуникативное движение орган назван, обозначено и само движение.

К стандартным имплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся нераспространенные и распространенные устойчивые словочетания: *échanger des vues* – *обменяться взглядами*; *faire des grimaces* – *делать гримасы*:

*Tous deux échangèrent un regard. Une sueur froide sortit soudain de tous les pores de cette femme [217, с. 97]. – Они **обменялись взглядами**, и вдруг она вся покрылась холодным потом.*

*Nous nous arrê tâmes, et, à travers les trous de leurs masques, la camériste et l'amant se jetèrent des regards de feu comme pour se dire: — Le tuerons-nous s'il s'éveille? [217, с. 67]. – Мы замерли, и, сквозь отверстия своих масок, камеристка и любовник **обменялись** огненным **взглядом**, как бы говоря: „Убить его, если он проснется?“*

Elle leva les yeux brouillés par la peur sur le beau visage de la jeune baronne, et ce regard qu'ils échangèrent Brisa immédiatement la glace [240, с.

28]. – Она подняла свои затуманенные страхом глаза на красивое лицо молодой баронессы, и этот взгляд, которым они обменялись, сразу же сломал лед.

Эти описания воспроизводятся в текстах, однако их распространители свободно варьируются. Выполняющий коммуникативное движение орган не назван, само движение может быть обозначено / не обозначено. Данный тип был выявлен на материале французского языка.

К нестандартным эксплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся свободные словосочетания: *aux visages fermés* – хмурое лицо; *froncer les sourcils* – хмурить брови:

- Лозим не, - ба абрувони пайвастиш беиштар гиреҳ андохт Усмон Азиз, - худатон хӯред. – Синас ҷомаашро, ки лӯнда шуда, дар рӯйи гилем мехобид, чанг зада, қароҳатомез ба пушти болини паҳлуяш партофт. – Вай ҳамин ҷо? [213, с. 19]. – Не нужно, - сказал Усмон Азиз, нахмурил брови. – сами ешьте. – После, взяв свой халат, закинул его за падушку, спросил. – Он здесь?

Celui qui marchait le premier, et derrière lequel son compagnon semblait décidé à s'effacer entièrement, était petit, et d'une figure assez maussade [241, с. 56]. – Тот, что шел первым и являлся как бы ширмой, за которой, казалось, пытался укрыться его товарищ, был небольшого роста, с довольно **хмурым** лицом.

Les employés aux visages fermés veillaient encore, mais cette veille était inutile. – Служащие с **хмурыми** лицами еще дежурили, но их дежурство было бесцельным. *Ils froncent les sourcils pour bien souligner leur agacement* [240. С. 45]. – Они **хмурят брови**, чтобы подчеркнуть свою досаду.

Эти описания создаются в текстах, выполняющее коммуникативное движение орган назван, само движение не обозначено.

К стандартным конденсированным номинациям эмоциональных кинем относятся лексемы типа: *faire un clin d'œil, cligner de l'œil* *подмигивать*; *claquer vi; frapper vi sur, taper vi sur* – *хлопать, топать*, однозначно имплицитующие *руки, глаза и ноги*. Выполняющий коммуникативное движение орган не назван, само движение обозначено.

Приведем примеры:

- *Мемурй?! – ногаҳон наъра кашид Усмон Азиз ва лачомро зуд ба дасти чап гузаронда, дасти росташро ба гилофи маузер бурд. Асп дар таги пойи ӯ безобита шуда, ёл афшонд, сум кӯфт, гарданак зад. – Охир .... Дуртар рав! – гуфт Усмон Азиз [213. С. 36]. – Тебе сложно, – зарычал Усмон азиз, взяв уздечку в левую руку, а правой рукой схвативь маузер. Его лошадь обезумела от состояния своего хозяина и начала бить копытами. – В конце концов. – Убирайся! – сказал Усмон Азиз.*

Puis, se tournant vers le conducteur: - Quelle est donc cette mauvaise plaisanterie? lui dit-il non sans un clignement d'oeil que Consuelo observa très-bien [240, с. 34]. – Затем, повернувшись к вознице, он сказал ему, подмигивая глазом (что прекрасно подметила Консуэло): – Какая глупая шутка!

Elle disparaissait sous les arbres, traversait des nappes de soleil, revenait, essoufflée, tapant des mains [242, с. 20]. – Она пряталась за деревья, проходила по солнечным местам, возвращалась обратно, вся запыхавшись, хлопала в ладоши.

При сопоставлении двух языков были выявлены универсальные признаки употребления эмоциональных кинем, а именно:

1. Эмоциональные кинемы вербально наиболее адекватно передаются стандартными номинациями – эксплицитными, имплицитными и конденсированными. Нестандартные номинации выделяют признаки этих действий, или передают эти действия наглядно, образно.

2. Номинации эмоциональных кинем в художественных текстах употребляются преимущественно в составе повествовательной авторской речи.

Взаимодействие повествовательной авторской речи с прямой речью персонажей выявляет функциональную характеристику и прагматический тип прямой речи. Например:

- Ah, c'est comme ça, dit l'étranger en clignant des yeux pour avertir le curé de la paroisse, c'est évidemment le même vieillard qui nous a chanté Porpora? [241, с. 128]. – *Ах вот как, - сказал незнакомцу, моргнув глазом, чтобы предупредить приходского священника, - так это, очевидно, тот самый старец, который пел нам Порпору?*

- Qu'on ne vienne plus me dire du mal de l'ordinaire de la Bastille, dit-il en clignant les yeux; heureux les prisonniers qui ont par jour seulement une demi-bouteille de ce bourgogne! [243, с. 206]. – *Какой вздор говорят о плохом довольствии в Бастилии, - сказал он, подмигивая. - Счастливыцы эти заключенные, если им ежедневно дается даже по полбутылки этого бургундского!*

В приведенных выше предложениях, эмоции радости, лексически выраженные в прямой речи, поддержаны восклицательной формой высказывания и эмоциональными кинемами. Таким образом, коммуникативное намерение выражено однозначно, наблюдается

соответствие локутивного и иллокутивного актов. Локутивный акт – сообщение о чем-либо, иллокутивный акт – речевое действие.

Номинации эмоциональных кинем в текстах вызывают своеобразное явление: пропозиция и иллокуция, относящиеся к одному и тому же коммуникативному акту, оказываются разведенными в разные высказывания.

Кинемы многозначны, так *taper vi du pied* – *топать ногами* в зависимости от контекста, может обозначать и радость и гнев. Такие кинемы были выявлены на материале французского языка:

Son oeil s'injectait de sang et devenait terrible, ses traits se contractaient, elle frappait du pied [241, с. 203]. – *Ее глаза наливались кровью и становились страшны, лицо перекашивалось, она топала ногой.*

Malgré ses quatre-vingts ans, le vieil homme tapotait si fort avec ses talons que ses lourdes chaussures de fer sculptaient des étincelles dans les silex de la route [243, с. 78]. – *Несмотря на свои восемьдесят лет, старик так сильно постукивал каблуками, что его тяжелые железные башмаки высекали искры из кремней дороги.*

На стилистической окрашенности вербального описания кинем их соответствие / несоответствие общепризнанным нормам поведения не отражается. Как *радость, гнев и печаль* могут быть переданы нейтральными единицами:

- *Номат чї буд? – Пояширо ба сундуқи синаи ӯ гузошт. Марди чун мурғи чун мурғи нимҷонгашта ҷавоб гуфта натавонист. Бо ишораи Александр ӯро боз зери лат кашиданд, бачаҳои вай то хастаю монда шудан шаттакориаш карданд. Ба дараҷае расид, ки дигар маҷоли ҷунбиданаиш намонд. – Ба ҳалочо кашед, баред, лаънатиро ҷуволакї мекунем, фаҳмидед, ҷуволакї. Ба ҷонам расонд, айшамонро талх кард. Ҷазояширо бинад,*

чуволакӣ. – Александр хукмаширо ба такрор ба забон овард. Сангину як нафари дигар, ки остинҳои куртаашонро то ба оринҷ бар зада, болои сараши меистотанд, паи адои супориш шуданд. Марди ниммурдаро ҷониби хочатхона кашиданд [210, с. 221]. – Как тебя звали? - Он поставил ногу на грудь. Человек, похожий “на полудохлую курицу”, не мог ответить. По знаку Александра его снова избили, дети дразнили его и избивали его до тех пор, пока не устали. Его избили до того, что он не мог двигаться. – Отнесите его в холл, отнеси, черт подери, ты понял, иди. Он испортил мне жизнь. Пусть увидит свое наказание, ублюдок. - Александр повторил свою фразу. Сангин и еще один человек, закаталврукава рубашки до локтей, встали над головой избитого, чтобы исполнить приказ Александра. Полумертвого мужчину затащили в унитаз.

Qu'as-tu, ma chère vie ? dit-il en s'asseyant près d'elle et lui prenant la main qu'il baisa [217, с. 56] – Что с тобой, жизнь моя? - сказал он, садясь возле нее и **целуя ее руку**.

– *Ah! Sire, s'écria Saint-Luc en baisant la main du roi, j'ai retrouvé mon maître bien-aimé!* [220, с. 91]. – Ах, государь, – воскликнул Сен-Люк, **целуя** королю **руку**, – наконец-то я снова нахожу своего любимого господина!

Comme je n'ai absolument rien à vous dire, répondit Consuelo d'un ton glacial, vous n'avez pas à m'écouter; et quant à me mettre à genoux, c'est ce que vous n'obtiendrez jamais de moi [217, с. 39]. – Так как мне совершенно нечего вам сказать, – ответила Консуэло ледяным тоном, – вам не придется меня слушать. А **встать** перед вами **на колени**... нет, этого вы никогда от меня не добьетесь.

В художественных текстах вербальное описание эмоциональных кинем оказывается эффективным средством передачи эмоций действующих лиц, то есть имеет место «изображение внутреннего через внешнее».

В речевом акте говорящий стремится выразить свое душевное состояние – эмоциональное отношение к предмету действительности (событиям, лицам, реальным и ментальным объектам). Выражение эмоций адресантом имеет своим последствием индуцирование эмоционального состояния / отношения у адресата. Таким образом, мотивы выражения эмоций не сводимы к эмоциональной реакции на внешний стимул. К ним необходимо отнести также стремление адресанта эмоционально тронуть адресата, чтобы активизировать его, чтобы в результате он совершил / не совершил те или иные действия. Это делает возможным использовать эмоциональные единицы для передачи адресату установок и оценок автора. Эмоциональные кинемы являются существенными элементами в реализации коммуникативной направленности текста – его воздействия на адресата.

Материал исследования в двух языках свидетельствует не только о сходстве функций эмоциональных кинем, но и их специфике в устном общении и их номинаций в художественных текстах.

Номинация эмоциональных кинем может рассматриваться как факт совмещения языковой формы с элементами структуры события.

2.3. Эмотивный текст и его признаки во французском и таджикском языках

Следует заметить, что текст многие ученые рассматривают как объект лингвистики – науки, занимающейся исследованием языковых закономерностей, которые определяют единство текста. Тот факт, что мы

говорим не словами, а целыми предложениями и даже текстами, в настоящее время не вызывает возражения. Любой текст, так или иначе, связан с различными ситуациями, декодирующими смысл слов и предложений [53, с. 45]. Эмотивный текст стал предметом пристального изучения в последние десятилетия.

Объектом пристального внимания ученых становится такая разновидность текста, которая будучи не самостоятельной, но по смыслу и формально отличается от других типов текста тем, что содержит различные эмоции. Следует заметить, что решением проблем эмотивного текста занимаются не только филологи, лингвисты, но также специалисты в сфере психолингвистики, специалисты в области текстолингвистики и др. Данная проблема является актуальной, так как она связана в первую очередь с проблемой эмотивной лакунарности – национально-специфическая черта любого эмотивного текста, которая рассматривается как в теории, так и в практике перевода [158, с. 190].

Согласно точке зрения многих ученых, любое высказывание содержит эмотивный аспект, так как информация о каком-либо факте может повлиять на психическое состояние реципиента. Данной позиции придерживается Ч. Стивенсон, рассматривающий эмотивный текст как текст, изменяющий чувства и отношения людей [144, с. 67].

Однако данная точка зрения вызывает возражение у ряда ученых. В частности, В.И. Шаховской отмечает, несмотря на то, что текст меняет психическое состояние реципиента, это не является основанием рассматривать такой текст как эмотивный. Сложность определения эмотивного текста заключается в том, что в его содержании не всегда присутствуют формальные эмоциональные знаки, несмотря на то, что в

тексте много «реальных эмоций», то есть само содержание текста может быть имплицитно эмотивным [Там же, с. 195].

Согласно С.В. Ионовой, чтобы определить лингвистический статус эмотивного текста, необходимо разграничить эмоциональность – языковая личность автора и эмоциональность текста – его имманентная характеристика [79, с. 23]. Следует заметить, что эмотивность может быть разной в различных функциональных текстах: в научном и профессиональном текстах уровень эмотивности намного ниже, чем в художественном тексте и в СМИ. Важно, чтобы эмотивные элементы присутствовали на всех уровнях организации речевого произведения [152].

Так как объектом нашего исследования в данном параграфе является эмотивность художественного текста, более подробно рассмотрим данный вид текста в разноструктурных языках.

Специфика художественного текста заключается в том, что эмоции присутствуют на всех уровнях его организации, которые определяют динамику его эмотивного содержания. Эмотивность таких текстов является текстуальной, а не узуальной [45]. Исходя из вышеизложенного, эмотивность можно рассматривать как важное средство интерпретации содержания текста [49].

Новые условия коммуникации позволяют акцентировать внимание на новые возможности реализации эмотивности в языке, а также на его скрытые ресурсы. В этой связи становится необходимым углубленное понимание не только эмоциональной достоверности автора, но и эмотивной достоверности текста [123]. Важно заметить, что эмотивная компетенция авторов художественных произведений является не только способностью использовать эмотивные средства и стилистические приемы данного языка, но и процесс отражения национально-культурных реалий.

Эмотивный текст обладает функциями не только обычного текста, такими как: преобразующая, компенсирующая, нейтрализующая, но и своими собственными функциями, а именно: способностью сделать предметное значение слова контекстуально-коннотативным. Данная функция эмотивного текста при наличии просодических и фонационных элементов безгранична. При этом следует заметить, что названные функции, исходя из специфики семантики языковых единиц эмотивного текста, обладают особой представленностью. Такую специфику можно объяснить взаимодействием значений слов, которые входят в определенный контекст и их влияние друг на друга: в различных текстах одна и та же лексическая единица может по-разному варьировать свою семантику.

Следующий немаловажный аспект исследования эмотивного текста – это интертекстуальное качество эмотивности, которое связывает эмотему многих текстов в эмотивный свертхтекст [158, с. 196]. Эмотивный свертхтекст, как отмечает F. Danes, подлежит узнаванию в каждом новом эмотивном тексте. Подобное узнавание происходит при помощи интертекстуальных формантов и финитивов, таких как: топосы, клише, образы, символы и др. [169, с. 272]. Данные наблюдения позволяют заключить, что литературная культура и транстекстуальность обладают пространственно-временной непрерывностью. При этом главным фактором, позволяющим понять смысл эмотивного текста является межтекстовая компетентность реципиентов [172].

Перекодирование каждого нового текста происходит при помощи специальных средств, так называемых межтекстовых эмоциональных фреймов. При этом следует заметить, что интертекстуальные фреймы у всех читателей разные. План выражения и план содержания текста видится разными читателями по-разному. Следовательно, этим объясняется множество интерпретации одного и того же текста. Учет эмотивной

интертекстуальности необходим, так как без него невозможно адекватное понимание всех смыслов художественного текста [159].

Следовательно, эмотивный текст можно рассматривать как своеобразное «здание», где находятся все «этажи» эмотивности языка. Исследование смысла эмотивного текста позволяет выявить эмотивность в действии: как она «работает», ее различные проявления, взаимодействия с когнитивными значениями единиц эмотивного текста, их экспрессивность и оценочность. Специфика эмотивного текста заключается в соотношении многообразных эмоций различных пластов текста.

Основная черта любого текста – это ситуативность [124]. Следовательно, действительность семантически интерпретируется текстом. Такая интерпретация может быть и эмоциональной, так как именно эмоции выступают «пусковым механизмом» речевого акта.

Основными компонентами эмотивного текста являются: 1) языковые единицы: эмоционально окрашенная лексика, фразеология, эмотивные конструкции; 2) параязыковые единицы: эмоциональная кинесика. Неязыковыми компонентами эмотивного текста являются эмоциональные намерения, эмоциональная позиция участников коммуникации в процессе общения, а также общий эмоциональный настрой [158, с. 202]. Данные компоненты находят свое выражение в лексических средствах, синтаксисе, в стилистических средствах, в просодии, кинесике, выступающих в роли сигналов об эмотивности определенного текста.

По справедливому замечанию Ш. Балли, спецификой разговорной речи является стремление к эмоциональному выражению мысли [24, с. 78]. В.Г. Гак отмечал, что любое высказывание сопровождается эмоциями [49, с. 100]. При этом следует заметить, что письменный текст менее эмоционален по сравнению со звуковым текстом, благодаря просодии и фонации.

Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной литературы на материале таджикского и французского языков:

Оҳ, ту баробари зудхаимӣ боз берӯю бешарм ҳам будайи! – қоҳ-қоҳ зада **механдид** Антипатр. – *О, ты столь же вспылчив, сколь и бесстыден!* – Антипатр засмеялся.

Оре, қисму қон ин лаҳза пеши чаишаи мисли кӯҳ омад.

Оҳ, кош ин поёни бадбахтии ӯ мебуд. Охир, ӯ рӯзи қиёмат чун зинда шавад, м ебинад, ки Лайли дар оғӯши Маҷнун асту шод мегардад, ки Худо ошиқонро, ҳ амчунон ки ваъда дода буд, ба мақсад мерасонад ва рӯ меорад ба Ширин, дар ҳоле, ки Ширин ӯро намешиносаду дар оғӯши Хусрав аз бахт меболад. – Да, тело и душа в этот момент предстали перед его глазами, как гора. О, мне бы хотелось, чтобы это был конец его страданий. Ведь когда он возвращается к жизни в День Воскресения, он видит, что Лайли находится в объятиях Меджнуна, и радуется, что Бог приведет влюбленных к месту назначения, как он и обещал, и обращается к Ширин, а Ширин не узнает его и в объятиях Хосрова счастлива [210].

–Je sais qu'il est votre élève, beaucoup plus que celui du professeur que je lui ai donné, répondit le comte en souriant. – Знаю, знаю, что он в большей мере ваш ученик, чем ученик того профессора, которого я ему дал, – улыбаясь, заметил Дзустиньяни. – Не отнекивайтесь, моя красавица! [241, с. 20].

В ходе анализа художественных произведений на материале таджикского и французского языков были выделены два вида эмотивов: эмотивы-стимулы (S 1) и эмотивы-реакции (R 1). Данные эмотивы тесно взаимосвязаны. Исследование взаимоотношений эмотивов – стимулов и эмотивов-реакций выявило одну закономерность: преобладание отрицательной связи в эмотивном высказывании. Суть такой регулярности

заключается в том, что при наличии в эмотивном высказывании-стимуле эмотивного компонента с отрицательной коннотацией, компонент со знаком минус будет преобладать также и в эмотиве-реакции. При наличии в эмотиве-стимуле компонента со знаком плюс, то и в эмотивном тексте-реакции должен присутствовать компонент с положительной коннотацией.

Проиллюстрируем данное положение. Приведем примеры, показывающие, как проявляется закономерность с положительной и отрицательной оценкой.

На материале таджикского языка:

Дилу бедилон когазро кушод, хаташиро беовоз хонд ва когазро боз чорқа т карда ба кисабагалаш монд ва бе ҳеҷ ҳиссиёт гуфт: «ту навкари азизи ӯ бу дай».. Ва таваққуф кард, ва вақт аз гардиш бозмонд, ва Рӯзимурод гӯё одами зинда не, балки сурати деворе буд; ва Амир лаб кушод:

*Вай ба мо хиёнат кард, ту бояд **бимирӣ!**»; ва Амир аз ҷояш хест, рӯбарӯи Рӯзимурод истод:*

*«Туро ҳар вақт **куштан** мумкин, алҳол дар ҳамин ҷо бош. Он тарафаширо мебинем...». – Он с неохотой развернул газету, молча прочитал строки, снова сложил бумагу, положил ее в карман и без каких-либо эмоций сказал: «Ты была его дорогой новичком...», но это была картинка на стена; и Амир открыл рот: «Он предал нас, ты должен умереть!»; И Амир встал и встал перед Дуримурадом: «Тебя могут убить в любой момент, оставайся здесь и сейчас. Потом посмотрим, что будет дальше...» [207].*

На материале французского языка:

*Ah! dit Joseph avec une **gaîté triste**, j'aimerais mieux tuer ton comte Albert ou moi-même»[240, с. 67]. -- Ах! Я предпочел бы **убить** твоего графа Альберта или себя, – с грустной улыбкой промолвил Иосиф.*

*Je veux donner la mort à ta passion funeste, et par la vérité je veux te rendre Нем! Я хочу **убить** твою пагубную любовь, а тебя вернуть к жизни, открыв тебе правду!» [241, с. 39]. – ответил старик, прижимая руку девушки к своему возмущенному великодушному сердцу. à la vie, répondit-il en serrant le bras de l'enfant contre sa poitrine généreuse et indignée.*

Приведенные примеры иллюстрируют проявление отрицательной закономерности. Как видим, в двух языках она совпадает.

Приведем примеры с положительной коннотацией.

В таджикском языке:

Шоҳнарак ба оро нигариста:

*Дугонаи азизам, орузон, бас будагист чамбу гир кардан, **биё каме рақсу бозӣ кунем**, аз охирин гулҳо бӯйи ширини зиндагӣ бикашем, лаззати машом диҳем*
, – *гуфт* [207].

– *Дугоначон, вақти истироҳат фасли зимистон аст.* – *Шахнарак*
посмотрела на пчелу:

Мой дорогой друг, мечтай, давай соберемся, немного потанцуем и поиграем, почувствуем сладкий запах жизни от последних цветов, насладимся вечером, - сказал он. - Друзья, настала зимняя пора отдыха.

На материале французского языка:

– *Ah! dit Anzoleto avec un profond soupir, tu mets le doigt sur ma plaie, **rauvre Consuelo!*** [241, с. 67]. – *Ах, Консуэло, **дорогая**, как ты растравляешь мою рану, – тяжело вздыхая, проговорил Андзолето.*

*Il répéta tout bas, plusieurs fois de suite: - **Chère, chère, chère** Any.* [241, с. 56]. – *Он тихо-тихо повторил несколько раз: – **Дорогая, дорогая, дорогая** моя Ани!*

Следующая особенность эмотивного текста заключается в том, что эмотивные элементы не встречаются в нейтральных текстах, когда намерения коммуникантов нейтральны, то и сам текст – неэмоционален.

Однако, как показал анализ фактического материала, если ситуация – неэмоциональна, но в ней присутствуют эмотивные элементы, то они характеризуют либо речь персонажа, либо имеют фактическую цель – общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения.

Исследование позволило выявить специфические признаки эмотивного текста на материале таджикского и французского языков. Так, если во французском языке в эмотивных текстах присутствуют клишированные эмотивные конструкции, которые тяготеют к эмотивным высказываниям, то в таджикском языке используются главным образом лексические единицы с положительной и отрицательной коннотацией.

Проиллюстрирует данное положение. Приведем примеры клишированных эмотивных структур во французском языке:

Ah!, c'est bon, dit Annette, en respirant à pleine gorge [208] – Ах, – как хорошо! – глубоко дыша, сказала Аннета.

– C'est cela, dit Marguerite en sautant comme une enfant, nous allons souper. – — Ах как хорошо! [210, с. 97]— сказала Маргарита, подпрыгивая, как ребенок. — Мы поужинаем.

Et tous deux, sous la chaleur du soleil calmée par l'air marin, devant le vaste et doux horizon d'eau bleue moirée d'argent, pensaient en même temps: «Comme il aurait fait bon ici, autrefois» [208]. – И, греясь на солнце, зной которого умерялся морской прохладой, любясь широким, безмятежным

простором и голубой, отливающей серебром гладью вод, оба они одновременно думали - "**Как хорошо** нам было бы здесь в прежние времена".

В таджикском языке как было указано выше, используются лексические единицы с положительной и отрицательной коннотацией.

Например:

*Бо вучуди ин Барот мушташиро гиреҳ карда ба пеш дароз мекунаду аз м
иён болояширо аз тиреза бароварда бо овози баланд, то шоҳидон шунда бош
анд, сиёсат мекунад:—Аблаҳи **ахмақ**, ту худат Ёфтаки Боймад,—
ва барои эҳтиёт саросема худро пас кашида тирезаро боз мепошаду парда
широ низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад [207]. – Несмотря на
это, Барот сжимает кулаки и тянется вперед, высовывая голову из окна и
громко говоря, чтобы свидетели могли услышать: - Глупый дурак, ты
оказался богатым, - и, чтобы быть осторожным, он поспешно
отстраняется, снова закрывает окно и задергивает шторы, чтобы больше
никакой шум не доходил до его ушей.*

*Таънаи янга Падару модараш акнун пир шуда буданд ва янгааш худро
хуљаини мутлақи хона дониста, гоњ-гоњ ба Назокат бењурмати мекард.
Боре янгааш писарчаашро берањмона лату кӯб кард, Назокат кӯдакро аз
зери дасти модари золимаш кашида гирифта келинро, ки шогирди собикаш
буд, сарзаниш намуд:—Э садкаи номи модар шавӣ **ту беинсоф**, кӯдаки
бечораро зада мекуши?! -Кори ту чи, **мекушамаш**, мехӯрамаш, бачаи худам,
аввал шӯ ёфта якта зой, баъд ба ман маслињат дењ,-фарёд зад келин [207].
– Невестка упрекала старых родителей, и она считала себя абсолютной
хозяйкой дома и иногда не уважала Назокат. После того, как ее молодой
человек безжалостно избил ее мальчика, Назакат вырвала ребенка из-под
рук деспотичной матери и отругала невестку, бывшую свою ученицу: «Ты
недостойна быть матерью, ты нечестна, вы забили бедного ребенка до*

смерти?!» - Какое тебе дело, я его убью, я съем его, сын мой, сначала выйди замуж и заведи ребенка, потом давай мне свои советы, - кричала невестка.

Анализ языкового материала также позволили выделить следующую специфику эмотивного текста в таджикском языке – «плотность эмотивов». В широких текстах, имеющих размер фразового единства, не выражается одна изолированная эмоция – одна эмоция вызывает другую, то есть эмоции выступают в комплексе. В таких случаях наблюдается конвергенция эмотивов, чем их больше, тем плотнее становится эмотивность текста.

Приведем пример из Национального корпуса таджикского языка [207]:

Агар имрӯз чаими хирад бикишоему аз даричаи ақл назаре ба таълиму тарбияи волидони худ биандозем, аз тарбияи эшон қаноатманд мешавем? Дар ҳоле, ки падар пеши фарзандон бо телефон суҳбат мекунад ва дурӯғ мегуяд, модар пайваста пайи кинаву озори ҳамсоя сухан мекунад, падар бо даҳони ифлосу забони қабех “эй сагера” ва ё “эй падарлағнат” фарзандро садо мекунад, ҳамсари худро пеши фарзандаш бо зишттарин суханоне, ки аз доираи инсоният берун аст, дашином медиҳад ва амсоли ин боз дигару дигар... Имрӯзҳо дар хонадони аксари кӯдаки хурдсол аст, вале афсӯс, ки бархе аз волидон на он тарбияеро, ки фарзандро ба сӯйи камолот раҳнамун созад, медиҳанд – Если сегодня мы “откроем глаза мудрости” и посмотрим на образование и воспитание детей родителями, будем ли мы удовлетворены их образованием? Пока отец разговаривает по телефону и врет при детях, мать постоянно говорит назло и раздражает своих соседей, отец нецензурной лексикой называет ребенка «ты, собака» или «черт тебя побери», а свою супругу при своем ребенке оскорбляет неприятными словами, и так далее... В наше время это распространено в домах, где много маленьких детей, но, к сожалению, не все родители дают своим детям достойное образование.

Исследование эмотивных текстов показало, что определенные эмотивные компоненты употребляются в определенных коммуникативных типах предложений. Например, если эмотивные единицы, выражающие *удивление, возмущение, радость* встречаются главным образом в восклицательных или в вопросительно-восклицательных предложениях, то лексические единицы, выражающие *грусть, печаль* встречаются в повествовательных предложениях. Данный факт обусловлен лингво-психологическими закономерностями.

Кодированность языковых единиц, выражающих различные эмоции, сигнализирует о различных эмоциональных состояниях и отношениях в эмотивном тексте. Далее рассмотрим примеры, использования эмотивных клише в качестве эмотивного сигнала.

Бо вучуди ин Барот муштаиро гиреҳ карда ба пеш дароз мекунаду аз миён болоширо аз тиреза бароварда бо овози баланд, то шоҳидон шунида бошанд, сиёсат мекунад. – Аблаҳи ахмақ, ту худат Ёфтаки Боймад,– ва барои эҳтиёт саросема худро нас кашада тирезаро боз мепӯшаду пардаширо низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад...Тасдиқ [207]. – Несмотря на это, Баро сжимает кулаки и тянется вперед, высовывая голову из окна и громко говоря, чтобы свидетели могли услышать. - Глупый дурак, ты оказался богатым,- и, чтобы быть осторожным, он поспешно отстраняется, снова закрывает окно и задергивает шторы, чтобы больше не было слышно шума... Подтверждение

Que veux-tu dire, imbécile ? demanda d'Artagnan, qu'est-il donc arrivé ?[220, с. 56] – Что ты хочешь этим сказать, дурак? – спросил д'Артаньян. – Что здесь произошло?

Как видим, эмотивное клише не всегда может быть экспрессивным по смыслу для участников коммуникации. Они экспрессивны лишь по своим

формальным сигналам определенного намерения отправителя, которые вызывают определенный настрой у реципиентов.

Следующая особенность эмотивных текстов по сравнению с нейтральными текстами – это дистрибуция неэмотивных языковых единиц. Сравним: *il en sait beaucoup* – много он знает и *beaucoup il en sait* – он знает много:

Sans doute il cherche Albert, ou il vient l'attendre; preuve, ma pauvre enfant, qu'il ne sait pas plus que nous où il est! [208]. – Верно, он ищет Альберта или ожидает его? Вот вам доказательство, дорогая, что **он не больше** нашего знает, где находится Альберт.

*Ман бо ҳамин васила дили худро ба дарёву парасту ва дар пораи баъдина ба асти ҷувоз монанд кардаам, ки умре бо чаими баста кундаи ҷувозро мегардонад. Ва ҳар бор бо саволи «Раҳи ту аз кучо то бар кучо, дил» **донистан мехоҳам**, ки қисмати дил ба чӣ ранг аст! Ҳамин тавр, агар мақсади муаллиф дуруст пай бурда нашавад, мисраи гурези «Раҳи ту аз кучо то бар кучо, дил?» бечо менамояд [207]. – Таким образом, я сравнил свое сердце с рекой и пастухом, а в более поздней части — с лошастью, которая с закрытыми глазами переворачивает пень. И каждый раз я хочу узнать, какого цвета часть сердца с вопросом «Откуда и куда ты идешь, сердце!» Таким образом, если замысел автора понятен неправильно, бегущая строка «Откуда твой путь, куда, сердце?» это выглядит неуместно.*

Или, например: *Ман донистан мехоҳам / Ман мехоҳам донам.*

Как видим, трансформация эмотивного предложения в нейтральное в первом предложении приводит к потере эмоциональной информации, а фактуальная информация изменяется на противоположную. Во втором высказывании фактуальная информация сохраняется, сопровождаясь

репрезентацией эмоции. Из этого следует, что эмоции способны не только изменить грамматическую структуру высказывания, но даже разрушить его. Следовательно, эмотивные высказывания могут иметь свой синтаксис, специфичный для каждого языка, как мы видим, из приведенных выше примеров на материале таджикского и французского языков.

Нами также была выявлена еще одна закономерность эмотивного высказывания, удачно выраженная Г.К. Честертоном: «Мы не умеем разнообразить хвалу так, как мы разнообразим порицание» [156, с. 137]. Следует заметить, что наиболее частотным является микрополе «неодобрение». Анализ лексикографических источников таджикского языка по сравнению с французским языком выявил преобладание эмотивов неодобрения.

Одним из важных свойств эмотивного текста является то, что в нем редко употребляется одна изолированная эмоция. Обычно эмоции выступают в комплексе. Такую специфику эмоций К. Изард называет «выражением эмоции в континууме» [81]. Этим можно объяснить тот факт, что эмотивы в текстах редко выступают в чистом виде; наблюдается их сплетение в одном «пучке». Как отмечает В.Н. Телия: «Чем плотнее эмотивность высказывания, тем интенсивнее его прагматика» [146, с. 34].

Эмотивная семантика высказывания обычно притягивают компоненты, которые усиливают его эмотивное содержание.

Например, во французском языке:

Ce n'est pas un bon père, c'est un porc dégoûtant, c'est une bête sanguinaire, c'est une bête sanguinaire. – Он не добрый отец, он - грязная свинья, кровожадная скотина повёрнутый на себе кретин!

un crétin mégalomane, un uniforme plein de merde! – Он - чёртов солдафон, полный дерьма! [208].

Значение эмотива в первом предложении строится эмоциональными компонентами *c'est un porc dégoûtant, c'est une bête sanguinaire* – *отвратительная свинья, кровожадный зверь*. Данное предложение было бы менее эмоциональным, если не было бы разложено говорящим на перечисленные доли. Сама конструкция **un + A +A** является языковым эмотивом, кроме местоимения **un** , являющееся контекстуальным эмотивом из-за своей дистрибуции и эмоциональной роли.

Аналогичное выявлено нами в таджикском языке. Однако структура эмотивного высказывания иная: **N+N**

В таджикском языке:

Аблаҳи ахмақ, ту худат Ёфтаки Боймад, – ва барои эҳтиёт саросема худро пас кашида тирезаро боз менӯшаду пардаашро низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад...Дар вақти дар редаксиаи газетаи вилоятии «Роҳи ленинӣ» кор кардан бо ҳайати корие фаъолият доштем, ки ҳамагӣ шахсиятҳои шинохта ва чеҳраҳои эътирофгаштаи вилояту ҷумҳур буданд [207]. – Глупый дурак, это ты нашел Боймада, - и, чтобы быть осторожным, он поспешно ретируется, снова закрывает окно и задергивает шторы, чтобы шум больше не доносился до его ушей... Во время работы в редакции журнала областная газета «Рохи Ленини», мы работали с рабочей группой, в которую вошли только известные личности и признанные лица региона и страны.

Таким образом, можно отметить, что художественная литература – это своего рода депозитарий эмоций. В ней описываются различные эмоциональные ситуации, средства и способы коммуникаций эмоций.

Выводы по второй главе

Результаты проведенного исследования позволяют отметить следующее. Сведение воедино всех переводов лексемы исходного языка и их системное рассмотрение предоставляет в распоряжение исследователя интересные данные, свидетельствующие о характере отражения семантического отражения лексемы исходного языка в язык перевода. Анализ отражения семантики таджикских слов во французском языке и французских слов в таджикском дает основания для корректировки некоторых статей двуязычных словарей по линии дополнения существующих списков эквивалентов новыми, которые выявлены в результате анализа переводов выборки и могут рассматриваться поэтому как объективные.

Двойственная природа эмоций состоит в сопряженности внутренних психо-физиологических процессов с их внешним проявлением, поэтому номинации эмоциональных кинем являются одним из распространенных выразительных средств художественной литературы. С помощью таких номинаций внутреннее состояние человека передается посредством описания его поведения.

Исследование разноцветной палитры вариантов универсальных эмоций в разных национальных культурах (таджикском и французском языках) позволяет нам говорить о возможности исследования эмоций конкретной лингвокультуры.

Анализ эмотивного текста позволяет отметить, что эмоции проникают во все уровни системы языка, однако пока сложно установить точное соответствие между эмотивными высказываниями и интерпретациями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования огромного фактического материала позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования.

Проблема репрезентации человеческой эмоции сегодня представляет собой тот исследовательский фокус, где перекрещиваются такие парадигмы современной лингвистики как: коммуникативно-когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая и т.д. Такая полипарадигмальность лингвистики эмоций – это результат развития психологически ориентированной лингвистики, установившей, что эмоции охватывают всю ментальную сферу человека, эмоциями пронизана вся вербальная и невербальная деятельность человека.

Позиция Э. Сепира (учёный отмечал, что если эмотивный компонент не входит в семантическую структуру слова, то, следовательно, эмотивность не представляет никакого интереса), которая долгое время считалось в лингвистике авторитетной, в настоящее время не отвечает требованиям науки о языке. Эмотиология начала активно развиваться ещё в 70 годы прошлого столетия. С тех пор написано огромное количество работ, посвященных эмотивности языка, роли эмоции, об эмоциональной языковой личности, а также много исследований, посвященных эмоциональным концептам.

Огромное количество работ, которые посвящены данным проблемам, позволяют установить широкий спектр метаязыка, такие как: эмоциональная коцептосфера; эмоциональный дейксис; эмоциональная вербалика / авербалика; эмоциональная картина мира; эмоциональный фактор и др.

В современной лингвистике эмоции рассматриваются как основа сознания и языкового поведения. Фактически человек говорит и чувствует одновременно. Эмоции счастья, радости, успеха возможны лишь в условиях коммуникации. Именно этим фактом объясняется исследование вопросов теории и семиотики эмоций, концептуализации и вербализации данного феномена.

Важным для нашего исследования является положение о том, что категория эмотивности свойственна всем языкам на всех уровнях языковой системы: лексическом, лексико-фразеологическом, синтаксико-стилистическом, текстовом и др.

Весьма полезными оказались результаты исследований эмоций в психологии, установившие эмотивность языка и отсутствие эмотивно нейтральных языковых единиц. Следовательно, любое высказывание эмотивно маркировано (эксплицитно или имплицитно), характеризуясь особой градацией силы и чувственной выразительностью говорящего. Именно эта интегральность является доказательством существования эмотивного кода у любого естественного языка.

Была установлена связь когниции и эмоции: если эмоции мотивируют когниции, то когниции облачаются эмоциями; эмоции не только возникают в определенных ситуациях, но и сами способны порождать конкретные ситуации. Эмоции тесно связаны с языком, следовательно, они исследуются посредством языка, и именно язык – это и элемент и инструмент исследования эмоций.

Исследования показали, что базовые эмоции в системе разноструктурных языков можно легко обнаружить в лексической системе языка (таджикского и французского) и они способны семантизироваться даже вне художественного пространства, так как эмотивный компонент уже

заложен в семантической структуре базовых эмоций. Такие лексические единицы в лингвистике определяются как эмотивные, а в семиотике – кодировано эмотивные. Эмотиология сегодня рассматривается как фундаментальная область исследований в лингвистике и смежных науках.

Подробный анализ фактического материала позволил нам установить, что эмоции всегда возникают в специфичных и абстрактных ситуациях, которые вслед за В.И. Шаховским, мы назовём категориальной ситуацией. Так, в частности, несправедливость может вызвать гнев, предательство – ярость и т.п.

Эмоциями пронизана вся коммуникативная деятельность человека. При этом следует заметить, что нормы репрезентации эмоций – не универсальны для представителей разных лингвокультур, эпох, социальных классов.

Художественное пространство – это депозитарий эмоций; оно описывает эмоциональную категориальную ситуацию; вербальное и невербальное поведение человека; эмоциональный и индивидуальный опыт человека также запечатлены в художественном тексте. В этом смысле художественная литература – это бесценный учебник по развитию культуры эмоционального общения.

В результате сопоставительного исследования таджикско-франкоязычных базовых эмоций были определены существенные особенности, выявлены общее и специфическое в формировании и функционировании базовых эмоций в сравниваемых лингвокультурах.

Базым эмоциям отводится важное место в таджикской и французской языковых картинах мира. Человеческое представление, знания находят отражение в языке. Языковую картину мира мы рассматриваем как совокупность понятий, концептов, человеческие знания, которые

оформляются определенными языковыми знаками. Наряду с языковой картиной мира, мы выделяем также эмоциональную языковую картину мира, представляющее собой сложное структурно-смысловое образование. Фрагменты языковой картины мира оязыковлены и отображены в человеческом сознании.

Языковое выражение базовых эмоций составляет значительную часть языковой картины мира. Эмоции знаково оформлены. Их знаковая экспликация может быть представлена не только вербально (посредством языковых средств), но и невербально (при помощи жестов, мимики).

Лексические единицы являются основным способом репрезентации эмоций, так как именно они наиболее чётко отражают объективную действительность. Основными языковыми средствами выражения эмоций являются прямые, вторичные (метафорические) номинации. Первичные номинации сформированы небольшим количеством лексических единиц, которые номинируют разные эмоции и чувства индивида (радость, печаль, гнев и т.д.). Вторичные номинации значительно превосходят первый тип количественно. Вторичный тип представляет собой результат переноса наименований объектов действительности, как по смежности, так и по ассоциациям.

Также были выявлены специфические способы реализации базовых эмоций в двух языках. Детальное описание базовых эмоций осуществляется при помощи метафор, персонификации. Наиболее продуктивными в таджикском языке являются конструкции *чаимони барқзо* – *глаза,метающие искры* (состояние полного гнева); *чаимони газаболуд* – *гневные глаза*. Во французском языке отсутствует сочетание гневные глаза, эквивалентом данной конструкции выступают прилагательные – *irrité, courroucé* – *раздраженный, разгневанный*: *Sois bonne, ne me regarde*

pas de tes yeux irrités. Aide-moi à retrouver mon coeur. – Будь же добра, не гляди на меня такими гневными глазами (гневно), помоги мне возродить мое сердце.

Во французском языке *печаль* может ассоциироваться с «тысячами иглами», с болью и криком.

На материале таджикского языка были выявлены контексты, в которых состояние персонажей (чувства радости, печали) даны в контексте с природой, что является отражением специфики таджикской ментальности.

В двух языках *страх* выражается при помощи прямой номинации или метафор. Во французском языке *страх* связан с *морозом, холодом*, при этом «мороз пробегает по лопаткам». Однако в таджикском языке *страх* не ассоциируется с *морозом* – *ба ларза афтодан* – *трятись от страха*.

В таджикском языке *гнев* рассматривается как «плохой советчик», во французском языке *гнев* выступает синонимом *зла* и противопоставлен *добру*.

Базовые эмоции, функционирующие в художественном тексте, обнаруживают не только универсальные свойства, но расхождения, которые заключаются в коммуникативных регистрах, включающие образно-оценочные, ассоциативно-ценостные смыслы.

Анализ кинесических средств выражения эмоций позволил выявить следующие способы их взаимодействия: 1) кинемы наслаиваются на эмотивную интонацию (то есть употребляются одновременно); 2) предшествуют фразам с просодическими рисунками; 3) следуют за высказываниями с определенными просодическими рисунками.

Многоаспектный анализ неязыковых средств репрезентации базовых эмоций позволяет сделать вывод о лексико-грамматических и функциональных особенностях параязыка в системе двух языков.

Исследуя эмотивное значение необходимо также рассматривать оценочные категории. Общеизвестно, что оценочное понятие является общепризнанной категорией. Содержательная структура понятия включает в себя такие составляющие, как: семантика, модальность, сигнификативное значение. А оценка, как известно, является компонентом модальности. Примерами лексических единиц, которые отражают оценочные понятия, выступают в таджикском языке: *разил* – *низкий, подлый, презренный, номард* – *малодушный, трусливый, подлый, низкий; негодяй, подлец*. Во французском языке: *gredin* – *мерзавец; coquin* – *злодей, нигодяй, бездельник, мошенник; hypocrite* – *лицемер*.

Оценочные отношения могут быть и эмоциональными, так как в результате сигнификации эмоции играют очень важную роль. При этом следует заметить, что данные маркеры эмоции существуют в сознании носителей того или иного языка и репрезентируются в конкретных текстах речевой коммуникации.

Результаты исследования также показали совмещение противоположенных значений в семантической структуре слова. Многие французские слова, которые заканчиваются на *eux* совмещают непереходные и фактитивные значения, например: *lacrimosus* имеет значения *полный слез* и *плачущий* или *вызывающий слезы*.

Анализ языкового материала также позволили выделить следующую специфику эмотивного текста в таджикском языке – «плотность эмотивов». В широких текстах, имеющих размер фразового единства, не выражается одна изолированная эмоция – одна эмоция вызывает другую, то есть эмоции

выступают в комплексе. В таких случаях наблюдается конвергенция эмотивов, чем их больше, тем плотнее становится эмотивность текста.

Исследование эмотивных текстов таджикского языка показало, что определенные эмотивные компоненты употребляются в определенных коммуникативных типах предложений. Например, если эмотивные единицы, выражающие *удивление, возмущение, радость* встречаются главным образом в восклицательных или в вопросительно-восклицательных предложениях, то лексические единицы, выражающие *грусть, печаль* встречаются в повествовательных предложениях. Данный факт обусловлен лингво-психологическими закономерностями.

Особенность французских эмотивных текстов по сравнению с нейтральными текстами – это дистрибуция неэмотивных языковых единиц.

Общими признаками эмотивных текстов таджикского и французского языков является следующее: эмотивная семантика высказывания обычно притягивает компоненты, которые усиливают его эмотивное содержание.

Эмотиология, имея богатую историю, в настоящее время все еще находится на стадии развития. В лингвистике эмоций много неясного: расплывчатость категорий, полиморфизм понятий, недостаточно четко обозначены языковые маркеры. Эмоциональная речь обладает фантастическим разнообразием средств, что свидетельствует о полистатусной природе категории эмотивности.

Вышеперечисленные проблемы – далеко не всё, что предстоит учёным разработать в сфере эмотиологии. В настоящее время многие учёные, занимающиеся проблемами эмоциональной коммуникации, едины во мнении о том, что эмоции своим «скользким характером» бросают ей серьёзный вызов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. на русском языке:

1. Абрамова, Н.Т. Несловесное мышление / Н.Т. Абрамова. – М.: ИФ РАН, 2002. – 236 с.
2. Азарова, Н.М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст) / Н.М. Азарова. – М.: Гнозис /Логос, 2010. – 496 с.
3. Айданова, Ю.Ф. Интертекстуальные знаки советского прототекста в современной российской прозе и стратегии их перевода на английский язык: автореф. дис. ... филологических наук: 10.02.20 / Ю.Ф. Айданова. — Омск, 2012. — 21 с.
4. Алексикова, Ю.В. Концептуальная метафора как способ формирования эвфемизмов в современном английском языке / Ю. В. Алексикова // Вестник ТГУ, выпуск 3 (71), 2009. С. 148—154.
5. Алексикова, Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке / Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики №3 (24), 2010. С. 126—132.
6. Аминова, Ф.Ш. Этнопсихоконгнитивный анализ концепта «Страх» в таджикской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Аминова. – Душанбе, 2022. – С. 13.
7. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): уч. пособие для студ. фак. иностр. яз. Вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003.
8. Апресян, В.Ю. Эмоции: современные американские исследования / В.Ю. Апресян // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.:

Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1994. – С. 82—97.

9. Апресян, В.Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись / В.Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 15—20.

10. Апресян, В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке / В.Ю. Апресян. Дис. д-ра. филологических наук: 10.02.01 / В.Ю. Апресян. – Москва, 2015. – С. 45.

11. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. С. 37—67.

12. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а.

13. Аренс, У.Ф. Бове К.Л. Современная реклама /У.Ф. Аренс. – М.: Издательский дом «Довгань», 1995. – 704 с.

14. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

15. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 911 с.

16. Арутюнова, Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 5—30.

17. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка: количественный аспект / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – 676 с.
18. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Едиториал УРСС, 2004.– 422 с.
19. Бабаева, Е.Э. Современная лексикография о структуре многозначности прилагательного простой // Языковая картина мира и системная лексикография / Е.Э. Бабаева. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 761—844.
20. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
21. Багана Ж. Судьба Французского языка в Африке: социолингвистические и лингвокультурологические особенности : монография / Ж. Багана. — М. Инфра-М, 2013. — 148 с.
22. Багдасарова, Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.19 / Н.А. Багдасарова. – М., 2004. – 24 с.
23. Базылев, В. Н. Российская лингвистика XXI века: Традиции и новации / В.Н. Базылев. – М.: Изд. СГУ, 2009. – 379 с.
24. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
25. Бернадская, Ю.С. Текст в рекламе: учебн. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Реклама» / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 23

26. Блинова, А.В. Структурно-семантический анализ невербальных средств коммуникации и их отражение в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / А.В. Блинова. – М., 1994. – 16 с.
27. Богуславская, О.Ю. Храбрый, смелый, отважный, мужественный, бесстрашный, неустрашимый / О.Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 394—400.
28. Бодалев, А.А. Психология общения / А.А. Бодалев. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 367 с.
29. Брагина Н.Г. Красота: энергия влечения и образ власти // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 487—503.
30. Болдырев, Н.Н. Язык и структура сознания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. № 24. – М.: ИЯз РАН, 2016. – С. 25—32.
31. Брагина, Н.Г. Красота: энергия влечения и образ власти // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Н.Г. Брагина. – М.: Индрик, 2004. – С. 487—503.
32. Будагов, Р.А. Типы несоответствия между значениями слов в родственных языках / Р.А. Будагов // Филологические науки. – 1982, №5. – С. 19.
33. Быкова, Г.В. Внутриязыковые лакуны в системе языка / Г.В. Быкова. – Благовещенск, 1999. – С.23.

34. Вайгла, Э.А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале): автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01/ Э.А. Вайгла. – М., 1978.
35. Вакуров, В.Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц / В.Н. Вакуров // Филологические науки. – 1991. – № 6. – С. 74-83.
36. Васильева, Н.В. Антропонимическая самоидентификация в двух лингвокультурах / Н.В. Васильева // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы конф., 26—27 мая 2017 г. – М.: «Канцлер», 2017а. С. 46—47.
37. Васильева, Н.В. Прагматический потенциал русской формулы имени / Н.В. Васильева // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конф. Т. 1. – УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017б. С. 33—38.
38. Виноградов, В.В. Вопросы языкознания / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – №1. – С. 70-87.
39. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
40. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
41. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи / Л. Виссон. — М.: Р. Валент, 2011. — 191 с.
42. Воинова, В.В. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.04 / В.В. Воинова. – СПб., 2006. – 230 с.

43. Волек, Б. Типология эмотивных знаков / Б. Волек // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С.15.
44. Волов, В.В. Инновационный подход к исследованию базовых механизмов эмоционального интеллекта / В.В. Волов // https://elibrary.ru/download/elibrary_28803647_86382119.pdf.
45. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
46. Вострикова, И.Ю. Особенности проявления национальной специфики мини групп «Трудовая деятельность, направленная на разрушение», в русском и английском языках / И.Ю. Вострикова // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2018. – С. 19-22.
47. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1977. – С. 45.
48. Гак, В.Г. Молчание и чувство / В.Г. Гак // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. С. 178—183.
49. Гак, В.Г. Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность / В.Г. Гак. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 20-31.
50. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: URSS. – 2018. – С. 78.
51. Галичев, А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения / А.И. Галичев. – М.: МВИ, 1987. – 125 с.
52. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 448 с.

53. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – С. 138.
54. Ганиева, Н.Р. Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках: автореферат дис. ... канд. филологических наук. – Душанбе, 2004. – С. 10.
55. Германова, Н.Н. История нормирования английского языка : лингвокультурные основания британской нормативной грамматики / Н.Н. Германова. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. – 358 с.
56. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
57. Горбачевский, А.А. Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях: автореф. дис. ... д-ра филологических наук: 10.02.20 / А.А. – Екатеринбург, 2001. — 44 с.
58. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2008. – 544 с.
59. Гоулман, Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 266—269.
60. Грайс, П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217-237.
61. Григорьева, С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. М.—Вена: Языки русской культуры, 2001. – 151 с.

62. Дарвин, Ч. Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. — СПб.: Питер, 2001. — 384 с.
63. Джигоева, А.А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка / А.А. Джигоева. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 151с.
64. Девкин, В.Д. О неродившихся немецких и русских словарях / В.Д. Девкин // Вопросы языкознания. — №1. — 2001. — С. 87.
65. Делл, Д., Линда Т. Учебник по рекламе. Как стать известным, не тратя деньги на рекламу / Д. Делл, Т. Линда / Пер. с польск. Н.В.Бабиной — Мн.: ИООО «Современное слово», 1997. — 320 с.
66. Дмитриева, Е.Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Е.Г. Дмитриева. — Волгоград, 2005.
67. Додонов, Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности / Б.И. Додонов // Вопросы психологии. — 1975. — № 6. — С. 21-33.
68. Дронов, П.С. Очерки по культурным трансферам по фразеологии / П.С. Дронов. — М.: ИЯз РАН, 2018. — 102 с.
69. Дронов, П.С. Глаза из орбит и глаза на лоб: об одном симптоматическом движении во фразеологии / П.С. Дронов // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020: материалы международной конференции. — М.: ИЯз РАН, 2020а. — С. 13—19.
70. Дьяченко, Ю.А. Жест как ручная речь и его роль в художественном тексте (на материале прозы Е.И. Носова) / Ю.А. Дьяченко //

Курское слово. Выпуск 10. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. – С. 53-58. 18.

71. Залевская, А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин, 1987. – С. 34-49.

72. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

73. Зализняк, А.А. Шмелев А.Д. Льстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия / А.А. Зализняк // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012а. – С. 388—394.

74. Зеленский, А.Л. Сопоставительная типология основных европейских языков // А.Л. Зеленский. – М.: Юрайт, 2022. – 265 с.

75. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: Ч. 2. / В.А. Звегинцев. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. — 332 с.

76. Зуева, Е.А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.04 / Е.А. Зуева. – Белгород, 2005. – 162 с.

77. Ежова, Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л.Н Толстого «Анна Каренина» / Н.Ф. Ежова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – №. 2. – С. 10-21.

78. Иванова, Ю.В. Паралингвистические элементы художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю.В. Иванова. – 79. Смоленск, 2009. – 357 с.
79. Иванова, Ю.В. Три уровня функционирования жестов в художественной речи / Ю.В. Иванова // Риторика. Лингвистика, 2019. – С. 96-100.
80. Иванян, Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н. Деликатная тема на разных языках: монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская, И.Н. Никитина. — Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2012.
81. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб., Питер, 1999 // <http://www.libok.net/writer/3949/kniga>.
82. Иоанесян, Е.Р. Семантика русских противительных союзов но и только / Е.Р. Иоанесян // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сборник научных трудов ИЯз РАН. – Вып. 6, 2014. – С. 33—111.
83. Иорданская, Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
84. Кабакова, Г.И. Роды / Г.И. Кабакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 450—452.
85. Казакова, Н. В. Формирование институциональных особенностей научно-учебного дискурса: на материале английских грамматик XVI-XIX вв.: автореферат дис. ... канд. филологических наук: 10.02.19 / Н.В. Казакова. – Ижевск, 2012. – 23 с.

86. Калимуллина, Л.А. Современные трактовки эмотивности / Л.А. Калимуллина // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-81.
87. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2013. — 318 с.
88. Каратаева, Л.В. Сопоставительный анализ рекламной лексики в текстах русской и немецкой прессы: Функционально-семантический и словообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филологических наук. – Майкоп, 2003. – С. 16.
89. Кедрова, Е.Я. Вербальное обозначение жестов персонажей при передаче прямой речи в художественном тексте: на материале прозы А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Я. Кедрова. – Ростов-наДону, 1980. – 190 с.
90. Кобзева, О.В. Вербальная репрезентация кинемы в художественном тексте: семантика и прагматика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Кобзева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 190 с.
91. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
92. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: УРСС, 2012. – 456 с.
93. Кодухов, В.И. Общее языкознание / В.И. Кодухов. – М., 2008. – 302 с.
94. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2010. – 96 с.

95. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе / В.Н. Комиссаров. – М.: Наука. 1986. – С.20.
96. Комова, Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию / Т.А. Комова. – М. : URSS : КРАСАНД, 2010. – 124 с.
97. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко. – Воронеж, 1989. – С. 34.
98. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
99. Крылов, С.А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения / С.А. Крылов // Логический анализ языка: Космос и хаос. – М.: Индрик, 2003. С. 302—319.
100. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика / Л.П. Крысин. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28—49 // <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.
101. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
102. Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога: к прагмалингвистической теории драмы / В.И. Лагутин. — Кишинев: Штиинца, 1991. — 97 с.
103. Леонтьев, А.А. Табу / А.А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
104. Ло, Ш. Языковая репрезентация телодвижений и поз как коммуникативных жестов в художественной литературе / Ш. Ло // Ученые

записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки: научный журнал. – 2015. – № 3 (66). – С. 134-137.

105. Ло, Ш. Элементы параязыка в художественной прозе курских писателей: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Ш. Ло. – Белгород, 2016. – 218 с.

106. Логинова, Е.Г. Полиmodalный потенциал текста пьесы // Когнитивные исследования языка / Е.Г. Логинова. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка // Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. – Москва — Тамбов, 2018. – С. 151—158.

107. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2005. – С. 10—42.

108. Магидова, И.М. Введение в английскую филологию / И.М. Магидова. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 138 с.

109. Мамадназаров, Абдусалом. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: на материале таджикского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абдусалом Мамадназаров. – Душанбе, 1986. – 193 с.

110. Маслечкина, С.В. Выражение эмоций в языке и речи / С.В. Маслечкина // Вестник Брянского государственного университета, 2015. – №3. – С. 231-236.

111. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. — 202 с.

112. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие / А.Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 147 с.
113. Мелерович, А.М. О структуре и функциях фразеологических символов / А.М. Мелерович // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 94—101.
114. Мещеряков, Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 632 с.
115. Михальская, А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнит-ист. риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А.К. Михальская. – М.: Academia, 1996. — 190 с.
116. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии / М.И. Михельсон. – СПб.:Брокгауз-Ефрон, 1912. – 103 с.
117. Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
118. Молчанова, Г.Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. – №2. – С. 13-30.
119. Москвин, В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В.П. Москвин // Вопросы языкознания, 2001. – №3. – С. 58—70.

120. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 262 с.

121. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / М. Назирова. – Душанбе, 2009. – С. 11.

122. Носова, О.Е. Стратегические ресурсы молчания / О.Е. Носова // Вестник челябинского государственного университета. – 2009. – №7.– С. 89-95.

123. Нурматов, Д. Национальная специфика и универсальные свойства глаголов со смысловой основой отношения в таджикском и русском языках: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филологических наук. – Душанбе, 2006. – С. 12.

124. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

125. Пеньковский, А.Б. Очерки по русской семантике / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.

126. Пикулева, Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Ю.Б. Пикулева. — Екатеринбург, 2003. – 22 с.

127. Пименова, М.В. Концептуальные исследования: введение: учебное пособие: [для студентов филологических факультетов по специальности 031001 и 031000.68 - "Филология"] / М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 174 с.

128. Пинягин, В.И. Аспекты сопоставительного исследования языков / В.И. Пинягина. – Пермь, 1988. – С. 10.

129. Рахимова, Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / Ш.Б. Рахимова. – Душанбе, 2010. – С. 16.

130. Резников, Л.Д. Понятие и слово / Л.Д. Резников. – Л., 1987. – С. 124.

131. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1998. – 705 с.

132. Русина, Е.А. Сравнительный анализ параязыковых явлений в русских и английских художественных текстах: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Е.А. Русина. – Курск, 2002. – 215 с.

133. Рябцева, Н. К. Измененные состояния сознания по данным языка / Н.К. Рябцева // Сублогический анализ языка. – М.: ИЯз РАН, 2011. – С. 361—371.

134. Савенко, А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / А.С. Савенко. – М.: URSS : Ленанд, 2012. — 198 с.

135. Сепир, Э. Речь как черта личности / Э. Сепир. – М., 1993. – С. 285.

136. Сдобников, В.В., Петрова О.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ, 2006. – 448 с.

137. Солихов, Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предложения и способы его выражения в разносистемных языках: на

материале английского, русского и таджикского языков: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Солихов. – Душанбе, 2015. – С.14.

138. Соболев, А.Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Том I: Homo balcanicus и его пространство / А.Н. Соболев. – Наука – Санкт-Петербург, Verlag Otto Sagner – München, 2013. – 310 с.

139. Солодилова, И.А. К вопросу о соотношении понятий «Эмоция» и «Когниция» / И.А. Солодилова // Вестник Башкирск. ун-та, 2009. – №4. – С. 134.

140. Сохацкая Ю.Г. Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. – М., 1984. – С. 10.

141. Спивак, Л.И., Спивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология / Л.И. Спивак // Сознание и физическая реальность. Т. 1, № 4, 1996. – С. 48—55.

142. Степанов, Ю.С. Публичное изготовление концепта... (новый жанр) / Ю.С. Степанов // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докладов международного научного семинара. – М.: Азбуковник, 2009. – С. 217—220.

143. Стернин, И.А. Толерантность и коммуникация / И.А. Стернин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург. – 2003. – 135 с.

144. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной литературе. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 129.

145. Тарасова, К.С. Возрастные и гендерные особенности социо-эмоциональной компетентности младших школьников / К.С. Тарасова // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4(60). – С. 188-202.
146. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13-25.
147. Томаселло, М. Истоки человеческого общения / М. Томаселло. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 323 с.
148. Урысон, Е. В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира / Е.В. Урысон // Путь: Международный философский журнал. – 1994. – № 6 С. 219—231.
149. Урысон, Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания, № 3, 1995. С. 3—16.
150. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1996. – №4. – С. 25—38.
151. Файзиева, С.А. Семантические классы глаголов эмоционального ощущения в таджикском и русском языка: автореф канд. филологических наук: 10.02.20 / С.А. Файзиева. – Душанбе, 2009. – С.13.
152. Филимонова, О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие / О.Е. Филимонова. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 448 с.
153. Хакимова, М.М. Табу и эвфемизмы в таджикском и английском языках / М.М. Хакимова // Ученые записки Худжандского государственного

университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (42). – С.5.

154. Халикова, З.К. Семантический анализ глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках: на материале глаголов семантического класса «любовь и ненависть»: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / З.К. Халикова. – Душанбе, 2010. – С. 18.

155. Хомякова, Е.Г. Лингвокультурология. Английские миниатюры / Е.Г. Хомякова. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. — 286 с.

156. Честертон, Г.К. Несколько слов о простоте / Честертон Г. К. // Собрание сочинений в 5т. Т. 5. – СПб: Амфора, 2000. – С. 283-284.

157. Чоршанбиева, З.А. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20. – Душанбе, 2020. – С. 10.

158. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. – 208 с.

159. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

160. Шаховский, В.И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – С. 64-69. 49.

161. Шаховский, В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учебное пособие / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

162. Экпан, П. Психология эмоций / П. Экпан. – Издательство: Питер. – 2021. – 336 с.

163. Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград. – 2003.

164. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука. – 1975. – С. 67.

Б. на французском и английском языках:

165. Argyle, M. The Psychology of Interpersonal Behavior / M. Argyle. – Longman, 1967. – p.23.

166. Arnold, M.B. Emotion and Personality / M.B. Arnold. – New York: Columbia University Press, 1960. – p.63.

167. Arnold, M.B. Feelings and emotions / M. B. Arnold. – N.Y., 1970. – 423с.

168. Black, M. Models and Metaphors / M. Black. – Ithaca, 1962.

169. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction / F. Danes. – Berlin, 1987. – P. 272-291.

170. Duffy, E. Activation and behavior / E. Duffy. – New York: John Wiley, 1962. – P.73.

171. Ekman, P. Emotion in the Human Face / P. Ekman. – New York:

Cambridge University Press, 1982. – P. 3-41.

172. Fehr B, Russel J.A. Concept of emotion viewed from a prototype perspective / B. Fehr, J.A. Russel // Journal of Experimental Psychology. – General, 1984. – V. 113. – P. 464-46.

173. Goleman, D. The Emotional Intelligence / D. Goleman. – Bentam Books, 1997.

174. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon, 1977.

175. Kittay, E. Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure / E.

Kittay-Oxford. – Oxford, England: Oxford University Press, 1987.

176. Kovences, Z. Emotion Concepts / Z. Kovences. – N.Y., 1990. – P. 3-74.

177. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago – London, 1980. – P. 183-215.

178. Language, thought and culture. – USA: University of Michigan Press. – 1987. – P. 158.

179. Nichik, R. Betrayal psychohistorically / R. Nichik . – Tubungen, 1992. – P. 189.

180. Plutchik, R. Emotion: Theory, Research, and Experience. Volume 1: Theories of emotion / R. Plutchik, H. Kellerman. – New York: Academic Press, 1980. – P. 235.

В. на таджикском языке:

181. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе : Дониш, 1986. – Ҷ. 2 : Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
182. Зехни, Т. Санъати сухан / Т. Зехни. – Душанбе : Ирфон, 1979. – 396 с.
183. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Х. Карим/Б. Камолиддинов. – Душанбе : Ирфон, 1967. – 321 с.
184. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён / Б. Камолиддинов. – Душанбе : Маориф, 1989. – 291 с.
185. Капранов, В. А. Луғати мухтасари синонимияи Русӣ-тоҷикӣ / В. А. Капранов, И. Л. Николаев. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 319 с.
186. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ. – Душанбе : Ирфон, 1988. – 250 с.
187. Маҷидов, Ҳ. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик / Ҳ. Маҷидов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – № 4. – С. 63-77.
188. Маъсумӣ, Н. Забони адабии тоҷики дар ибтидои қарни XX / Н. Маъсумӣ // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 2. – С. 25-42.
189. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Сталинабад : Нашр. дав. Точ., 1959. – 294 с.
190. Муҳаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Муҳаммадиев. – Душанбе : Маориф, 1993. – 233 с.
191. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷики / Ш. Ниёзӣ, – Душанбе : Ирфон, 1973. – 186 с.
192. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ / А. Нуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 233 с.
193. Рустамов, Ш. Ш. Забон ва замон / Ш. Ш. Рустамов. – Душанбе : Ирфон, 1981. – 231 с.

194. Саймиддинов, Д. Вожашиноси забони форси миёна / Д. Саймиддинов. – Душанбе : Пайванд, 2001. – 310 с.
195. Саймиддинов, Д. Тафовути гӯишҳои забони толишии Гилон / Д. Саймиддинов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 3. – С. 15-32.
196. Ҳалимов, С. С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик / С. Ҳалимов.- Душанбе : Ирфон, 1974. – 231 с.
197. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ / А. Шоҳаҳмад. – Душанбе : Маориф, 1996. – 368 с.
198. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нуқта мақоме дорад / М. Шукуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 187 с.

С Л О В А Р И

199. Фарҳанги забони тоҷикӣ / Под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошим, Н.А. Маъсуми. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
200. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. – Душанбе, 2006.
201. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / Под ред. М. Фозилова. – Душанбе, 1963. – Ҷ. 1-2.
202. Психологический словарь. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
203. Словарь синонимов французского языка (<http://dictionnaire-synonymes.com>).
204. Словарь лингвистических терминов – М.: Либроком, 2010.
205. Толковый словарь французского языка (<http://www.larousse.fr>).

206. Философский словарь / А.И. Абрамов и др. / Под ред. И.Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

Электронные ресурсы

207. Национальный корпус таджикского языка. Доступен по адресу:
<http://tajik-corpus.org/>

208. Национальный корпус французского языка. Доступен по адресу:
<https://wiki.frantext.fr/bin/view/Main/>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

209. Камоли Хучандӣ. Мунтахабот / Камоли Хучандӣ . – Душанбе, 1960.

210. Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар / Мирзо . – Душанбе: Адиб, 2009.

211. Муҳаммадиев Ф. Сози Мунаввар / Ф. Муҳаммадиев . – Душанбе, 1969.

212. Носири Хисрав. Сафарнома / Носири Хисрав. – Душанбе, 1970.

Панду ҳиматҳо. – Душанбе, 1960.

213. Саттор Турсун. Се рӯзи як баҳор / Турсун Саттор. – Душанбе : Маориф, 2009.

214. Саттор Турсун. Ишқи аввал / Турсун Саттор. Тҷб. – Истикбол, 2006.

215. Улуғзода Сотим. Халқи худро шинос / Сотим Улуғзода. – Душанбе: Маориф, 2019.
216. Aragon, L. Les beaux quartiers / L. Aragon. – Gallimard, 1978.
217. Balzac, Honore de. Autre etude de femme / Honore de. Balzac. – Санкт-Петербург: Лань, 2013.
218. Bazin, H. Vipère au poing / H. Bazin. – М.: Editions du Progrès, 1979
219. Cooper, James Fenimore. Le lac Ontario / James Fenimore Cooper . – Нобель Пресс, 2012. – 82 с.
220. Dumas, Alexandre. La Reine Margot / Alexandre Dumas. – Нобель Пресс, 2014. – 348 с.
221. Flaubert, G. Madame Bovary / G. Flaubert. – Wordsworth, 2012 . – 128 с.
222. Flaubert, G. Herodias / G. Flaubert. – Нобель Пресс, 2024 - 116 с.
223. Gamarra, P. Les amours du potier / P. Gamarra . – Les editeurs francais reunis, 1970.
224. Druon, M. Rendez-vous aux enfers / M. Druon. – Rene Juillard, 1951. – 440p.
225. Duras, M. L'amant / M. Duras. Les editions de minuit, 1984. - 142 p.
226. Exbrayat Les filles si tranquilles. – Librairie des Champs-Elysees, 1970. – 157 p.

227. Exbrayat Les menteuses. – Librairie des Champs-Élysées, 1970. – 186 p.
228. Icor, R. Le semeur de vent / R. Icor . – Albin Michel, 1960. – 314 p.
229. Maupassant, G. Une vie / G. Maupassant. – Kapo, 2023 . – 384 c.
230. Maupassant, G. Contes et nouvelles choisis / G. Maupassant . – M.: Editions du Progrès, 1976.
231. Maupassant, G. Fort comme la mort / G. Maupassant. – Livre de Poche, 2023
232. Maurois, A. Une carrière et autres nouvelles / A. Maurois. – M.: Editions du Progrès, 1981.
233. Mérimée, P. Nouvelles / P. Mérimée. – M.: Editions du Progrès, 1986.
234. Mirbeau, Octave. Le journal d'une femme de chambre / Octave Mirbeau. – Нобель Пресс, 2012. – 580 c.
235. Japrisot, S. Compartiment tueurs / S. Japrisot. – Эроë1, 1986. – 230 p.
236. Japrisot, S. La dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil / S. Japrisot . – Denoel, 1966. – 307 p.
237. Japrisot, S. L'été meurtrier / S. Japrisot. – Эроë1, 1977. – 344 p.
238. Mauriac, F. Le mystère Frontenac / F. Mauriac. – Grasset, 1933. – 256 p.

239. Sabatier, R. Le chinois d'Afrique / R. Sabatier. – Albin Michel, 1966. – 412p.

240. Sand, George. Consuelo / George Sand. – Paris, 1959. – Tome III.

241. Sand, George. Consuelo / George Sand . – Нобель Пресс, 2011. – 374 с.

242. Zola, Emile. L'Assommoir / Emile Zola. – Pocket Livre, 2023. – 373 с.

243. Zola, Emile. La Faute de l'Abbe Mouret / Emile Zola. – Livre de Poche, 2024. – 345 с.